

Ф4
Ж68

К. Л. ЖИГНЯ

империалистическая
ПОЛИТИКА
США
И
ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ОТНОШЕНИИ

БОЛГАРИИ
И
РУМЫНИИ

(1944-1947 гг.)

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Институт истории им. Я. С. Гросула

К. Л. ЖИГНЯ

**Империалистическая
политика
США и Великобритании
в отношении
Болгарии и Румынии
(1944—1947 гг.)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
профессор И. И. Орлик

Рецензировали и рекомендовали к изданию
доктора исторических наук *И. Э. Левит, А. К. Мошану,*
кандидат исторических наук *К. М. Драхенберг*

В монографии исследуется одна из наиболее острых проблем международных отношений после второй мировой войны. В ней анализируются становление, задачи и эволюция политического курса США и Англии 1944—1947 гг., направленного на уничтожение народной власти в Болгарии и Румынии. Автор рассматривает методы и средства, применявшиеся внешнеполитическими органами империалистических держав для свержения демократических правительств этих стран; напряженное дипломатическое противоборство между западными державами и СССР по проблемам политического будущего двух восточноевропейских государств; место этой проблемы в послевоенном развитии отношений между Западом и Востоком. Показана решающая роль СССР в защите свободы и независимости Болгарии и Румынии. Широко используются документы внешней политики СССР, США, Англии, Болгарии.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов, всех интересующихся историей международных отношений.

ВВЕДЕНИЕ

Послевоенная политика империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии, как и других народно-демократических государств Восточной Европы, была тесно связана с политическими целями, которые западные державы преследовали во второй мировой войне. Хотя для государств и народов, объединившихся в антигитлеровскую коалицию, вторая мировая война была справедливой, освободительной, «буржуазия США, Англии, других капиталистических стран не утратила в этой войне своих классовых, политических и экономических интересов»¹. Для правящих кругов империалистических держав война против нацистской Германии и ее союзников была в значительной мере борьбой за устранение с мирового рынка сильного и опасного конкурента. Переложив основную тяжесть военного противоборства с фашистским блоком на СССР, американская и английская буржуазия пыталась воспрепятствовать росту его могущества, укреплению позиций и влиянию на международной арене. В Вашингтоне и Лондоне полагали, что, как и после первой мировой войны, США и Англия окажутся главными победителями и будут диктовать условия мира всем другим государствам. Странам Восточной Европы в этом послевоенном мире отводилась прежняя роль «санитарного кордона» вдоль границ СССР и объекта экономической эксплуатации западным капиталом. Как необходимое условие эта роль подразумевала сохранение в восточноевропейских странах буржуазного строя.

США и Великобритания стремились не допустить изменения социально-политического облика Восточной Европы и восстановить в этом регионе пресловутый «санитарный кордон». Это подтверждают широко известные факты,

свидетельствующие о разработке Вашингтоном и Лондоном в годы войны планов создания здесь под эгидой США и Англии различных федераций государств, выдвижение так называемого «балканского варианта» открытия второго фронта в Европе, контакты западных дипломатов и военных с представителями буржуазно-помещичьих кругов и правящих клик в странах — сателлитах фашистской Германии.

Эти, а также многие другие антисоветские тенденции в политике западных союзников находились в противоречии с планами построения послевоенного мира на демократических началах, выдвигавшимися Советским Союзом. Еще в сентябре 1941 г. Советское правительство заявило, что оно руководствуется принципом самоопределения, отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны². В ноябре 1943 г. СССР выступил с конкретным планом восстановления справедливого мира. В нем предусматривалось: освобождение народов Европы и предоставление им права на воссоздание своих национальных государств, предоставление европейским народам права самим решать вопрос об их государственном устройстве, суровое наказание всех военных преступников, установление порядка, полностью исключающего возможность новой агрессии, создание условий для длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы³. Советское правительство отвергло предложение западных союзников о создании в Восточной Европе федераций государств. Оно прямо указало, что «проект федераций напоминает советскому народу политику „санитарного кордона“», направленную, как известно, против Советского Союза⁴.

Противоречия между СССР и его западными союзниками, порожденные различием их общественно-политических систем и стратегических целей, преследовавшихся в войне, и касавшиеся, в частности, послевоенного устройства мира, обострялись по мере того как в результате побед Красной Армии советско-германский фронт приближался к западным границам СССР. Все большую напряженность приобретали проблемы политического будущего государств Восточной Европы. С вступлением советских войск в марте 1944 г. в северо-восточные районы Румынии эти проблемы перешли в практическую плоскость. Остро вставший на повестку дня вопрос о выводе из войны военно-фашистской Румынии обнаружил существова-

ние принципиальных расхождений между СССР, с одной стороны, США и Англией — с другой.

2 апреля Советское правительство сделало заявление, в котором были отражены основные принципы политики СССР в отношении восточноевропейских сателлитов Германии. В нем указывалось, что Красная Армия будет преследовать врага до полного разгрома, что СССР не ставит перед собой цели приобрести какую-либо часть румынской территории или изменить существующий строй Румынии⁵. Более детально советская позиция была изложена в условиях перемирия, предъявленных румынскому правительству 12 апреля. В них предусматривались разрыв Румынии с германским блоком и участие ее войск в войне против Германии, восстановление советско-румынской границы по соглашению 1940 г. и аннулирование Венского арбитража по Трансильвании, возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу. Согласно советским условиям перемирия за румынским народом сохранялось право самостоятельно решать свои внутренние дела, перед ним открывалась перспектива приобщения к борьбе демократических стран против фашизма, участия в международной жизни после войны⁶.

Проекты перемирия с восточноевропейскими сателлитами нацистской Германии, разрабатываемые в госдепартаменте и Форин оффис с начала 1944 г., во многих важных аспектах расходились с условиями перемирия, предъявленными Советским Союзом Румынии в апреле того же года, и преследовали иные политические цели. В экономической области западные союзники были намерены добиваться от нее выплаты «любой суммы, какую потребуют Объединенные нации»⁷. Большое значение придавалось будированию территориальных споров как рычагу вмешательства в дела восточноевропейских народов, отношения между ними. Вопреки заявлению Советского правительства об отмене Венского арбитража на Западе рассматривали возможность «создания в какой-либо форме автономии Трансильвании». Более того, изучался вариант прямой антисоветской акции — постановки вопроса о «плебисците в Бессарабии»⁸. Следует отметить, что госдепартамент и Форин оффис продолжали разработку собственных условий перемирия и после того как они дали согласие на условия, предъявленные Советским Союзом 12 апреля.

Еще более наглядно намерение империалистических держав поработить побежденные страны Восточной Европы, превратить их в орудие своей политики проявлялось

в английских и американских проектах перемирия с Болгарией. Поскольку в тот период Болгария не находилась в состоянии войны с СССР, Вашингтон и Лондон полагали, что смогут навязать ей любые условия мира. Сверх тех экономических требований, которые западные державы были намерены предъявить Румынии, в отношении Болгарии предусматривалась передача под контроль США и Англии всех ее финансовых ресурсов и активов в зарубежных банках⁹. Неограниченный политический контроль, который хотели бы осуществлять империалистические державы, подразумевал возможность создания нового болгарского правительства только с их согласия¹⁰. Западные союзники, в частности Великобритания, были намерены послать свои войска в Болгарию после ее выхода из фашистского блока.

Однако события на советско-германском фронте, успехи национально-освободительных движений в поработенных гитлеровцами странах перечеркнули планы Вашингтона и Лондона. Достижение коренного перелома в войне в ходе Сталинградской битвы, последующее стремительное наступление советских войск стимулировали подъем движения Сопротивления в европейских странах. Борьба народных масс направлялась не только против гитлеровских захватчиков, но и против собственных правящих классов, ввергших свои страны в национальную катастрофу. Это содействовало ускорению и углублению мирового революционного процесса, а также вело к изменению соотношения сил на мировой арене в пользу социализма. «К середине 1944 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы сложилась революционная ситуация, которая характеризовалась массовым революционным подъемом, включением широких слоев угнетенных народов в активную борьбу за свое национальное и социальное освобождение, углублением кризиса существующего строя»¹¹.

20 августа 1944 г. Красная Армия развернула мощное наступление против германской группы армий «Южная Украина». Ясско-Кишиневская операция «нанесла сокрушительный удар по всему стратегическому фронту гитлеровцев и создала благоприятные условия для освобождения Румынии и других балканских стран от фашистского ига. Это оказало решающее влияние на политическую обстановку и дальнейший ход событий в Румынии»¹². В результате вооруженного восстания румынского народа 23 августа военно-фашистская диктатура пала, правительство Антонеску было свергнуто. В стране началась народно-демократическая революция. Румыния вышла из фа-

шистского блока и объявила войну нацистской Германии. Хотя в состав нового правительства генерала Санатеску входили реакционные элементы, освобождение румынского народа, как затем и других народов Восточной Европы, «означало вместе с тем полное политическое банкротство наиболее реакционной части господствовавших классов, которым до войны принадлежали решающие или преобладающие позиции»¹³.

Развивая дальнейшее наступление против гитлеровских войск на Балканах, 5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил войну монархо-фашистской Болгарии. Такой акт был вызван тем, что болгарские правители продолжали оказывать прямую помощь нацистам, а это означало фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза¹⁴. Однако военные действия Красной Армии на территории Болгарии не были развернуты, болгарская армия присоединилась к народу, восторженно встречавшему советских воинов. В таких благоприятных условиях революционная ситуация в Болгарии привела 9 сентября к победе вооруженного народного восстания. «Победа вооруженного восстания открыла новую эру в истории Болгарии. Она позволила болгарскому народу под руководством коммунистов, при всесторонней помощи Советского Союза прочно и бесповоротно встать на социалистический путь развития»¹⁵. В тот же день правительство завоевавшего власть Отечественного фронта разорвало отношения с нацистской Германией и объявило ей войну.

Цели, которые преследовали империалистические державы в отношении стран Восточной Европы, становились все более недостижимыми. Стремление сохранить в этих странах прогнившие буржуазные антисоветские режимы перерастало в задачу остановить развитие революций в Восточной Европе, перечеркнуть результаты национально-освободительной борьбы и социальных битв. Так рождалась послевоенная политика западных держав в Восточной Европе, направленная на подрыв демократических завоеваний народов этого региона, искоренение приобретенного Советским Союзом влияния и авторитета. Поскольку конкретные исторические условия, в которых развивался революционный процесс, его темпы, этапы в различных странах Центральной и Юго-Восточной Европы не совпадали, империалистические державы варьировали методы и средства осуществления своей политики, оставляя неизменной ее стратегические цели.

Определенная специфика была свойственна тому курсу, который США и Англия проводили в отношении быв-

ших сателлитов фашистской Германии. Для борьбы с революционными завоеваниями народов этих стран они использовали статус держав-победительниц. Особенно ярко такая тенденция проявилась в действиях внешнеполитических органов США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии. Прикрываясь совместной ответственностью союзников за процесс демократизации Болгарии и Румынии, империалистические державы пытались осуществить грубое вмешательство в дела этих стран, навязать свою волю при формировании правительств, в проведении выборов в парламенты, в вопросах межпартийной борьбы, деятельности различных министерств.

Была и другая причина, порождавшая частое совпадение действий империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии в период перемирия. Хотя после освобождения Румыния находилась на общедемократическом этапе революции, а рабочий класс Болгарии уже овладел всеми важнейшими позициями в области руководства страной, «в том и в другом случае,— отмечается в советской историографии,— борьба за общедемократические цели подготавливала победу социалистической революции, а социалистическая революция закрепляла демократические завоевания народных масс»¹⁶. В обеих странах возникла резкая поляризация политических сил. Одна их часть объединилась вокруг коммунистических партий и участвовала в управлении государством, а другая группировалась вокруг реакционных лидеров буржуазных партий, стояла в оппозиции народной власти, объявила непримиримую борьбу правительствам и открыто обращалась к США и Англии за помощью. Это приводило к тому, что акции империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии постоянно совпадали по времени и по характеру, были зачастую взаимосвязаны.

В задачи монографии входит:

выявить общие и специфические моменты в контрреволюционных действиях империализма в Болгарии и Румынии в период перемирия 1944—1947 гг.;

изучить эволюцию политического курса США и Англии в отношении этих стран в названный период;

проанализировать воздействие внешнеполитических акций США и Великобритании на развитие политической ситуации в этих странах;

показать роль СССР в провале экспансионистских замыслов Вашингтона и Лондона, напряженную борьбу советской дипломатии в защиту национально-государственных интересов румынского и болгарского народов.

Непосредственно исследованию политики США и Англии в отношении Болгарии и Румынии в первые послевоенные годы посвящен лишь ряд статей¹⁷. Однако следует отметить, что в советской, болгарской и румынской историографии уделено немалое внимание различным аспектам взаимоотношений между двумя народно-демократическими странами и ведущими империалистическими державами. Отдельные важные аспекты этой темы освещены в монографиях и статьях об отношениях между государствами антигитлеровской коалиции на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы, решению крупных проблем послевоенного устройства¹⁸. Попытки правящих кругов США и Англии затормозить развитие революционного процесса в восточноевропейских странах отражены в работах, посвященных защите Советским Союзом национально-государственных интересов болгарского и румынского народов, его борьбе за восстановление полной независимости и суверенитета Болгарии и Румынии в послевоенном мире¹⁹. К этим вопросам обращаются и авторы, изучающие отношения между СССР и народно-демократическими государствами, различные аспекты внешней политики Болгарии и Румынии²⁰. Понять причины изменений в политической и дипломатической тактике враждебных действий империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии в 1944—1947 гг., выяснить устремления и интересы сторонников западных держав в Болгарии и Румынии, выявить их связи и совместные акции с военными и политическими представителями США и Англии в Софии и Бухаресте помогают обобщающие труды, а также специальные работы о развитии революционного процесса в двух восточноевропейских странах²¹.

Наконец, важное значение для осмысления политики Вашингтона и Лондона в отношении Болгарии и Румынии имеют труды, в которых обобщаются главные тенденции внешнеполитического курса империалистических держав, показаны основные проблемы взаимоотношений между Востоком и Западом в послевоенные десятилетия²².

Постоянное внимание историков-марксистов к различным аспектам политики империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии периода первых послевоенных лет, значение этой темы для освещения проблем истории народно-демократических стран, их связей с Советским Союзом, развития международных отношений свидетельствуют о назревшей необходимости подготовки специальной обобщающей работы. С публикацией в 70—

80-е гг. большого количества документов внешней политики СССР, США и Англии²³ появилась возможность более углубленного изучения некоторых вопросов планирования и реализации ведущими державами антигитлеровской коалиции послевоенных политических целей и интересов в Болгарии и Румынии. Кроме того, не введены полностью в научный оборот многие опубликованные в предшествующие годы документы госдепартамента США²⁴, позволяющие детально показать генезис и эволюцию империалистической политики США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии.

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечалось, что «только имперская идеология и политика, желание поставить социализм, СССР в максимально неблагоприятные внешние условия стояли за развязыванием гонки ядерных и иных вооружений после 1945 года, как раз тогда, когда разгром фашизма и милитаризма, казалось бы, открывал реальную возможность строить мир без войн, когда был создан в этих целях механизм международного сотрудничества — Организация Объединенных Наций»²⁵. Исследование первых попыток осуществления этой послевоенной имперской политики, предпринятых в отношении ряда восточноевропейских стран, позволяет лучше понять причины и цели ее рецидивов в современных условиях.

СТАНОВЛЕНИЕ ВРАЖДЕБНОГО КУРСА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ РУМЫНИИ И БОЛГАРИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Первые контрреволюционные и антисоветские акции Вашингтона и Лондона в Румынии и Болгарии

Освобождение Советской Армией народов Румынии и Болгарии от гитлеровских войск, победоносные вооруженные народные восстания в этих странах, положившие начало революционным преобразованиям, готовность бывших сателлитов нацистской Германии заключить перемирие с антигитлеровской коалицией и их практическое участие в военных действиях против Германии резко и кардинально изменили расстановку политических сил в Юго-Восточной Европе.

Советский Союз искренне приветствовал революционные события в этих странах, рассматривая их как реальное воплощение в жизнь тех идеалов, за которые боролась антигитлеровская коалиция. Революционные преобразования отвечали и государственным интересам СССР. Эти интересы требовали существования у его границ демократических стран, проводящих миролюбивую политику, основанную на отношениях дружбы и сотрудничества со своими соседями. Свержение реакционных фашистских режимов содействовало укреплению сил прогресса и социализма на международной арене и ослаблению мировой системы империализма. Возникли необходимые важные условия для реализации советских принципов построения послевоенного мира в Восточной Европе.

В то же время первые обозначившиеся в этом регионе итоги второй мировой войны противоречили политическим интересам США и Великобритании, препятствовали осуществлению их замыслов относительно послевоенного будущего Восточной Европы. Империалистические державы не могли рассчитывать, что сумеют достичь своих целей без прямого и эффективного вмешательства в дела восточноевропейских государств. В отношении Болгарии

и Румынии наиболее удобным представлялся период перемирия, когда ведущие державы антигитлеровской коалиции (СССР, США и Англия) должны были взять на себя ответственность за политическое развитие бывших вражеских государств по пути искоренения в них фашизма и обеспечения демократических свобод.

Выработка тактики и методов осуществления нового курса империалистических держав в отношении Румынии и Болгарии, как, впрочем, и других стран Восточной Европы, учитывающего глубокие политические изменения, проходившие в этом регионе, требовала времени и детального ознакомления с обстановкой. Прежде всего следовало обеспечить каналы для воздействия на ситуацию в этих странах, на ход политической борьбы в них. В связи с этим особое значение придавалось переговорам о заключении перемирия с бывшими вражескими государствами.

Однако уже с самого начала действия США и Англии были ограничены определенными обстоятельствами. Во-первых, как было согласовано на Московской конференции министров иностранных дел трех держав в 1943 г., СССР должен был «иметь решающий голос» в отношении тех стран, с которыми он находился в состоянии войны¹. Во-вторых, его войска непосредственно изгнали врага с территории бывших вражеских государств Восточной Европы. В-третьих, основные условия перемирия с Румынией, уже согласованные союзниками и предъявленные Советским правительством в апреле 1944 г., могли стать основой и других подобных соглашений с бывшими вражескими государствами в Восточной Европе. Наконец, при разработке упомянутых соглашений следовало учесть позицию США и Англии при заключении перемирия с Италией в 1943 г. Как державы, ответственные за его составление, они крайне ограничили участие советских представителей в Союзной контрольной комиссии в Италии и чинили их деятельности всевозможные препятствия. Так, хотя условия перемирия с Италией были подписаны в сентябре 1943 г., до сентября 1944 г. трех советских офицеров, прибывших в Рим при советском представителе в СКК, не допускали к работе.

В силу всех этих обстоятельств Вашингтон и Лондон были обязаны считаться с точкой зрения советских представителей и не могли предъявлять такие требования к бывшим вражеским государствам, которые открыто противоречили бы интересам СССР. Тем не менее, западные союзники для своих военных представителей в Союзных контрольных комиссиях в Румынии и Болгарии стреми-

лись добиться более широких полномочий, чем те, которые получил советский представитель в СКК в Италии.

При обсуждении соглашения о перемирии с Румынией в сентябре 1944 г. Великобритания подняла вопрос о прерогативах западных представителей в СКК и старалась добиться для них права прямой связи с румынскими властями, минуя руководство комиссии. Такие притязания противоречили процедуре работы СКК в Италии, действовавшей под руководством западных союзников. Советским представителям там отводилась роль связующего звена между СКК и правительством СССР. При обсуждении перемирия с Болгарией английские и американские делегаты добивались того, чтобы «руководящая роль Советского главнокомандования в Союзной контрольной комиссии была ограничена только периодом от момента подписания соглашения о перемирии с Болгарией до прекращения военных действий в Европе». Затем до подписания мирного договора СКК «по англо-американскому проекту должна была действовать в соответствии с инструкциями трех правительств»².

Эти устремления западных союзников были пресечены советской стороной. Делегация СССР настояла, чтобы организация и статус СКК в восточноевропейских странах в целом были аналогичны итальянскому прецеденту. По окончательному решению трех союзных держав все связи с руководящими органами Румынии и Болгарии могли осуществляться только через СКК, функционировавшую под председательством и руководством Советского главнокомандования. Равная ответственность трех держав на втором этапе перемирия с Болгарией не предусматривалась. Было принято и решение о том, что «руководство Союзной контрольной комиссией будет принадлежать Советскому главнокомандованию в течение и второго периода»³. Так был подтвержден приоритет СССР в проведении союзной политики в отношении Болгарии и Румынии.

Соглашение о перемирии с Румынией, подписанное в Москве 12 сентября 1944 г., содержало все условия, предъявленные ей Советским Союзом в апреле 1944 г. Вместе с тем в нем указывалось, что Румыния не только порвала отношения с нацистской Германией, но и ведет и будет вести войну на стороне союзных держав против Германии и Венгрии в целях восстановления своей независимости и суверенитета, для чего она выставляет не менее 12 пехотных дивизий. Этим Румыния приобщалась к борьбе антигитлеровской коалиции.

Политические статьи — соглашения о перемирии предусматривали отмену дискриминационного законодательства, роспуск фашистских организаций, осуждение военных преступников. Выполнение перечисленных обязательств должно было свидетельствовать о коренной демократизации внутренней политической жизни страны. В территориальных постановлениях отменялся Венский диктат 1940 г., в соответствии с соглашением 1940 г. восстанавливалась советско-румынская граница. Советский Союз согласился на частичные репарации в сумме 300 млн долларов, что составляло лишь пятую часть ущерба, нанесенного ему Румынией в годы фашистской агрессии. Причем названная сумма должна была выплачиваться в течение 6 лет и не в иностранной валюте, а товарами, что могло стимулировать оживление румынской промышленности. Такой великодушный акт Советского правительства способствовал ускоренному экономическому возрождению Румынии. Она также обязывалась восстановить права и экономические интересы Объединенных наций⁴.

Перемирие с Болгарией было подписано 28 октября. В соответствии с ним болгарские власти обязывались аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к аннексии чужих территорий, должны были распустить фашистские организации. Решение вопроса о репарациях и возмещении ущерба Объединенным нациям откладывалось на будущее.

Советская делегация на переговорах выступила против «ясно обнаружившегося стремления англичан и американцев ужесточить условия перемирия для Болгарии по сравнению с румынскими и финскими»⁵. Советские представители заявили английским дипломатам, особо усердствовавшим в навязывании Болгарии дискриминационных требований, что ее нельзя ставить в худшее положение, чем другие бывшие вражеские государства. Отмечалось, что «Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР»⁶. В специальной ноте Советское правительство заявило, что налагать на Болгарию требования, «какие не предусмотрены в соглашении о Румынии, было бы неправильным и необоснованным»⁷. Однако англичанам и американцам удалось настоять, чтобы в соглашении не упоминалось об участии Болгарии в войне против Германии⁸, хотя она уже вела активные военные действия.

Председателем СКК в Румынии был назначен Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, в Болгарии — Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. Поскольку

Ф. И. Толбухин руководил наступлением советских войск в Венгрии, практическую работу СКК в Болгарии возглавлял генерал-полковник С. С. Бирюзов.

Следует отметить, что соглашения о перемирии с бывшими вражескими государствами в определенной мере ограничили на срок до подписания мирных договоров prerogative правительств этих стран в осуществлении актов внешней политики, поскольку все связи с зарубежными странами могли идти только через СКК. Кроме того, три союзные державы в указанный период несли ответственность за внутривнутриполитическое положение в побежденных странах. Именно это обстоятельство и были намерены использовать западные державы для вмешательства в их внутренние дела. Надеясь восстановить довоенный политический и экономический статус Болгарии и Румынии, они считали период перемирия решающим для осуществления своих планов. Реакционные антидемократические круги в восточноевропейских странах также рассчитывали на вмешательство США и Англии во внутренние дела их стран.

Однако, как подчеркивали советские исследователи, «благодаря тому, что перемирия были заключены на демократической и справедливой основе, создались благоприятные предпосылки для разгрома в этих странах фашистских элементов, а также для противодействия планам вмешательства США и Англии в их внутренние дела»⁹. Болгарский исследователь А. Наков отмечает и широкое международное значение перемирия, которое способствовало «улучшению сложной политической обстановки на Балканах. Превращение Болгарии (а также и Румынии.— К. Ж.) в составную часть сил, борющихся против фашистской Германии, создавало предпосылки для закладывания основ длительного мира между народами Юго-Восточной Европы»¹⁰. Политика Советского Союза в вопросах перемирия получила горячее одобрение и признательность болгарского и румынского народов. Отмечая, что «именно на советской территории вели войну фашистские правители Румынии, именно советские города, села и заводы они грабили и опустошали», прогрессивная румынская пресса расценивала соглашение о перемирии как великодушное со стороны Советского Союза. При этом подчеркивалось, что и «мирный договор должен вдохновляться высокими принципами соглашения о перемирии»¹¹.

Итоги переговоров по поводу соглашений о перемирии, отведенная в этих соглашениях США и Англии роль в формировании и осуществлении союзной политики не

могли способствовать реализации задач империалистических держав — ликвидации революционных завоеваний болгарского народа, остановке революционного процесса в Румынии и сохранению командных высот в руках реакционной буржуазии. Подписав соглашения о перемирии с Румынией и Болгарией, Вашингтон и Лондон сразу же развернули акции в двух направлениях. Во-первых, они стремились добиться ревизии соглашений, обойти руководящую роль советского командования в СКК, увеличить численность своего представительства и расширить его полномочия. Во-вторых, они пытались найти пути, позволявшие им в обход СКК и позиции СССР оказывать давление на различные политические силы в Болгарии и Румынии, вмешиваться во внутренние дела этих стран.

Английские и американские сотрудники СКК прибыли в Софию и Бухарест в октябре-ноябре 1944 г. Американскую делегацию в СКК в Румынии возглавлял генерал К. Шилер, английскую — маршал военно-воздушных сил Д. Ф. Стивенсон. Во главе американских военных представителей в Болгарии стоял генерал-майор Дж. А. Крейн, английских — генерал-майор В. И. Оксли. Англичане особенно торопились с посылкой своей миссии в Болгарию. Ее первые представители прибыли в Софию за 20 дней до подписания соглашения о перемирии. Англичане сразу же направили усилия на расширение полномочий своих военных представителей, не предусмотренное соглашением о перемирии. С этой целью они предложили создать в СКК специальные подкомитеты для обсуждения различных политических и экономических проблем, чтобы ограничить руководящую роль советских представителей. Предпринимались усилия получить от болгарского правительства огромные суммы для финансирования английской миссии. На заседании СКК 29 ноября 1944 г. генерал С. С. Бирюзов доложил, что в то время, как советская часть СКК израсходовала 200 тыс. левов, расходы английской миссии достигли 10 млн левов¹².

Попытки англичан добиться для своих представителей равного с советскими статуса наталкивались на противодействие руководства СКК. «Болгары скоро поймут, — опасались английские представители, что... англичане и американцы не имеют никакого значения в их стране...», а их попытки «сохранить кое-что из бывших позиций тут» «окажутся крайне затруднительными, если не сказать безнадежными»¹³. Практически вплоть до подписания мирных договоров Англия при поддержке США постоянно буди-

рвала вопрос о расширении полномочий военных представителей западных держав в СКК.

Однако гораздо более серьезные последствия имел другой шаг западной дипломатии. В сентябре 1944 г. сразу же после подписания соглашения о перемирии с Румынией в Вашингтоне и Лондоне решили одновременно с направлением военных представителей для участия в работе СКК создать в Румынии и Болгарии и политическое представительство США и Англии, не зависимое от СКК. Как указывал госдепартамент, официальные связи с правительствами Болгарии и Румынии должны были идти через СКК, в то время как политические «миссии установят контакты с местными властями и получают необходимые средства и свободу передвижения, чтобы выполнять свои обязанности по защите американских интересов»¹⁴.

Политическими представителями США были назначены опытные дипломаты. Брайтон Берри, в предшествующие военные годы генеральный консул США в Стамбуле, через которого шли неофициальные контакты с румынскими и болгарскими эмиссарами, стал политическим представителем американского правительства в Румынии. Мейнард Барнс, специалист по балканским странам, работавший до войны в американском посольстве в Болгарии, в качестве американского политического представителя был направлен в Софию. Английскими политическими представителями в Румынии и Болгарии стали соответственно Ле Руджетель и В. Хаустон-Босуэл. Хорошо зная обстановку в двух странах в предвоенный период и в годы войны, эти дипломаты имели личные связи со многими представителями прозападных буржуазных кругов Болгарии и Румынии. Как показали последующие события, не военные, а политические представители США и Англии стали главными проводниками политики империалистических держав, связующим звеном между правительствами США и Англии и врагами народно-демократического строя в Болгарии и Румынии, организаторами антиправительственных и антисоветских выступлений реакционных сил в этих странах. Прибыв в Болгарию и Румынию, западные представители приступили к изучению политической обстановки в этих странах, налаживанию тесного взаимодействия с реакционными силами.

Политическая ситуация в Румынии в конце 1944 г.— начале 1945 г. не требовала, по мнению западных представителей, немедленных акций. Сформированное 23 августа правительство генерала К. Санатеску состояло почти целиком из реакционных генералов и представите-

лей финансово-промышленных кругов, а его деятельность направлялась лидерами буржуазно-помещичьих партий. Располагавшая всего одним местом в этом правительстве КПр не играла в нем решающей роли. Румынские историки пришли к выводу, что восстание 23 августа, носившее национально-освободительный, демократический и антифашистский характер, «не затронуло социально-экономической основы существующего строя. Румыния осталась конституционной монархией»¹⁵. Правительство находилось под влиянием реакционного лидера национал-царанистской партии Ю. Маниу и поддерживавших его национал-либералов во главе с Д. Брэтиану. По сути дела оно проводило политику НЦП и НЛП, препятствовавшую полному искоренению фашизма и подлинной демократизации страны. Румынские историки отмечали, что правительства, находившиеся у власти в период до 6 марта 1945 г., представляли собой «инструмент диктатуры эксплуататорских классов»¹⁶.

Действуя в интересах этих классов, правительство Санатеску тормозило процесс демократизации страны, изгнания фашистов из органов государственного правления, препятствовало борьбе трудящихся за свои права, осуществлению аграрной реформы, саботировало выполнение соглашения о перемирии, не прилагало усилий, направленных на преодоление экономического хаоса. Эта политика, продолженная вторым правительством К. Санатеску, сформированным 4 ноября, а после 6 декабря правительством генерала Н. Рэдеску, удовлетворяла интересы империалистических держав. Госдепартамент был готов «приветствовать заключение мира между союзниками и Румынией так скоро, как это позволяют военные и политические условия»¹⁷. Последнее представлялось тем более желательным, что в тот период в Вашингтоне считали, что «американские интересы в Румынии будут лучше защищены, если нормальные дипломатические отношения заменят нынешнюю систему контроля, действующую в соответствии с соглашением о перемирии и дающую широкие полномочия советским представителям»¹⁸.

Если до февраля 1945 г. прочность позиций правительства и поддерживавших его буржуазных партий в целом не вызвала серьезных опасений в Вашингтоне и Лондоне, то Ю. Маниу, Д. Брэтиану, представители дворцовых кругов и их сторонники оценивали ситуацию иначе. Они были напуганы революционной активностью масс, недовольных антидемократической политикой правящих кругов. Входя в правительство, компартия стремилась довести

ти до конца буржуазно-демократические преобразования и обеспечить участие трудящихся в управлении страной. Реакционная сущность политики правительства, национал-царанистской и национал-либеральной партий, обнаружившаяся в первые же дни после восстания 23 августа, заставила народные массы во главе с КПР начать борьбу за изменение характера и политики правительства. Отказ правительства и буржуазных «исторических» партий полностью осуществить меры демократического характера, предусмотренные в программе НДБ, привел к выходу компартии из этого блока.

По инициативе коммунистов был создан Национально-демократический фронт, широко представлявший подлинно демократические силы страны — КПР, «Фронт земледельцев», «Союз патриотов», МАДОС (организация венгерских трудящихся в Румынии). Разработанная коммунистами платформа НДФ предусматривала завершение буржуазно-демократической революции, активное участие Румынии в войне против нацистской Германии, проведение чистки госаппарата от фашистов, разработку новой конституции и создание демократического парламента, ликвидацию крупного помещичьего землевладения. КПР заявила, что эта программа может быть осуществлена при условии смены правительства реакционного большинства правительством, представляющим все национальные и демократические силы страны, пользующимся поддержкой широких слоев народа¹⁹. Представители КПР и социал-демократической партии 16 октября вышли из правительства Санатеску.

Широкая поддержка, которой располагал НДФ в среде трудящихся, вынудила реакционные круги согласиться 4 ноября 1944 г. на создание коалиционного правительства. Во втором правительстве К. Санатеску представителям НДФ принадлежала треть постов. Об укреплении позиций народно-демократических сил свидетельствовал и тот факт, что заместителем председателя Совета Министров стал руководитель крестьянского союза «Фронт земледельцев» известный прогрессивный деятель П. Гроза, министерство путей сообщения возглавил первый секретарь ЦК КПР Г. Георгиу-Деж, министерство юстиции — руководящий деятель компартии Л. Пэтрашкану. Немалое значение имело нахождение в Румынии Советской Армии, которая, не вмешиваясь в ее внутренние дела, своим присутствием сковывала силы реакции. Такое соотношение сил в стране создавало благоприятные условия для перерастания борьбы за демократизацию в борьбу

народных масс за власть, против капиталистического строя в целом²⁰.

Это нашло отражение в развернувшемся по инициативе трудящихся изгнании сторонников буржуазно-помещичьих классов из органов государственного управления и передаче их представителям НДФ. Политике экономического саботажа, осуществлявшейся буржуазией, был противопоставлен рабочий контроль над производством, позволивший сделать первые шаги в восстановлении промышленности и облегчить выполнение соглашения о перемирии. Не имея возможности противодействовать укреплению позиций НДФ, национал-царанистские и национал-либеральные министры 2 декабря 1944 г. подали в отставку, рассчитывая, что в новом правительстве им удастся добиться более прочного положения и изменить ход событий в свою пользу. Не случайно новое правительство, состав которого почти не изменился, возглавил, по согласованию между королем и лидерами буржуазных партий, ярый реакционер генерал Н. Рэdescу, один из палачей крестьянского восстания 1907 г., а в 20-х гг. — руководитель инспектората королевской жандармерии. Н. Рэdescу одновременно являлся и министром внутренних дел.

Назначение генерала Рэdescу главой правительства и передача под его контроль министерства внутренних дел свидетельствовали о стремлении реакции перейти в наступление. Румынские историки отмечают, что к концу 1944 г. установилось временное равновесие сил. «С одной стороны, в условиях революционного подъема буржуазные партии были не в состоянии вернуть утраченные позиции». С другой — постоянно находясь в наступлении, демократические силы «еще были не в состоянии завоевать решающие позиции в правительстве, которые оставались за представителями эксплуататорских классов»²¹. Это временное равновесие не могло быть продолжительным, оно предвещало быстрое наступление решающей схватки.

Такой ход событий осенью 1944 г., когда буржуазно-помещичьи партии отступали под натиском демократических и революционных сил, вызывал у румынской реакции страх за свою судьбу. Буржуазные лидеры и монархия понимали, что без поддержки империалистических держав они не смогут удержать власть в своих руках. Сразу же после восстания 23 августа они стали добиваться у представителей США и Англии поддержки и указаний в действиях. Уже в сентябре 1944 г. в госдепартамент из Бухареста стали проникать слухи, что правительственные служащие и бизнесмены в Румынии «считают, что Брита-

ния и США нарушили свои обещания и уступили Румынию России»²². Как только в Бухаресте появился американский политический представитель Б. Берри, лидеры исторических партий и посланцы королевского дворца стали информировать его о ситуации в стране. За несколько дней до отставки второго правительства Санатеску, 29 ноября, приближенный короля Д. Неджел посетил Берри и сообщил ему, что будет сформировано новое правительство. Считая, что эта ситуация грозит восстанием, он даже пытался выяснить, предоставят ли в таком случае американцы убежище королю²³.

Стремясь добиться открытого поощрения контрреволюционных действий, посеять недоверие к СССР, Ю. Маниу убеждал английского политического представителя Ле Руджетеля и Б. Берри, что СССР намерен включить Румынию в свой состав²⁴. Он разыграл настоящий спектакль для Б. Берри, в котором претендовал на роль властителя судеб румынского народа. «Очень эмоционально,— писал Б. Берри в детальном отчете госдепартаменту,— он спросил: желают ли Америка и Великобритания, чтобы Румыния стала частью Советского Союза... Если это так, то следует прямо мне об этом сказать, поскольку это можно организовать даже сегодня в конце дня, как бы ни было поздно. Я бы это сделал к большей пользе Румынии, чем сумели бы коммунисты»²⁵.

Эта сцена произвела определенное впечатление на опытного американского дипломата. Хотя Б. Берри и не рекомендовал, чтобы США и Англия предприняли какие-либо немедленные действия, свидетельствующие об открытой поддержке румынской реакции, он все же предложил госдепартаменту направить Ю. Маниу «какое-нибудь послание, из которого он мог бы почерпнуть уверенность в себе»²⁶. Берри напоминал о «заслугах» Маниу как «выдающегося лидера просоюзнических действий и чувств в Румынии» в годы войны и уверял, что у него огромное количество последователей.

Таким образом к концу 1944 г. представители США и Англии в Румынии установили тесные контакты с реакционными кругами, стали получать от них информацию о положении в стране и замыслах противников НДФ. Хотя монархия, лидеры «исторических партий» уже в этот период стремились добиться вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии, а также официальной поддержки и указаний со стороны внешнеполитических органов США и Англии, последние не торопились выполнять просьбы лидеров исторических партий, полагая,

что в условиях сохранения буржуазного строя в Румынии пока нет непосредственной опасности их долгосрочным планам в отношении этой страны.

Иную позицию США и Великобритания в конце 1944 г. заняли в отношении Болгарии. Это объяснялось тем, что революционные силы добились установления народно-демократической власти в Болгарии уже в ходе восстания 9 сентября 1944 г. Наиболее реакционная часть, представлявшая оплот крупной буржуазии, оказалась в полной изоляции и была исключена из политической жизни за пособничество фашистским властям. В рядах Отечественного фронта преобладало влияние коммунистов. Созданное 9 сентября 1944 г. правительство включало представителей всех партий, входивших в Отечественный фронт: Болгарской рабочей партии (коммунистов), Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), буржуазного союза «Звено», социал-демократической партии, а также двух беспартийных. Возглавлял правительство лидер союза «Звено» К. Георгиев. Хотя из 16 портфелей коммунистам принадлежало 4 (по 4 министра было также у БЗНС и «Звена»), в силу своего авторитета, завоеванного в годы борьбы против фашистского режима, БРП(к) осуществляла ведущую роль в правительстве, обеспечивая власть трудового народа. В результате восстания «государственная власть,— отмечал на V съезде БРП(к) Г. Димитров,— перешла в руки боевого союза рабочих, крестьян, ремесленников, народной интеллигенции, сплоченных Отечественным фронтом под руководством нашей партии. Коренным образом изменился характер власти: аппарат притеснения и эксплуатации народных масс в пользу капиталистов был разрушен и установлена народная власть как аппарат уничтожения капитализма и постепенного освобождения трудящихся от всякой эксплуатации»²⁷.

Провозглашенная 17 сентября 1944 г. программа правительства Отечественного фронта предусматривала ликвидацию частных монополий, введение трудового законодательства, защиту рабочих от эксплуатации, конфискацию имущества и капиталов у лиц, разбогатевших во время войны в результате спекуляции, уничтожение фашистских законов, проведение выборов в Народное собрание, осуждение военных и фашистских преступников, создание нового государственного аппарата. Во внешней политике главными задачами были объявлены укрепление дружбы с СССР, установление дружественных отношений со всеми демократическими странами²⁸. Начался процесс создания свободных профсоюзов, был установлен рабочий конт-

роль над производством. В результате конфискации промышленных предприятий, принадлежавших военным преступникам, фашистам и коллаборационистам, в экономике возник государственный сектор. Сражаясь плечом к плечу с советскими войсками, болгарская армия вносила весомый вклад в разгром гитлеровской Германии, участвовала в военных операциях на территории Македонии и Южной Сербии, а затем в освобождении Венгрии.

Западные представители, прибывшие в Болгарию осенью 1944 г., в целом реалистически оценили развитие событий в стране. Делая в начале декабря первый обзор положения в Болгарии, американский представитель М. Барнс выделил то обстоятельство, что правительство «подчиняется коммунистам, единственно хорошо организованной политической группе»²⁹. В начале 1945 г. он писал в госдепартамент: «Мы присутствуем при болгарском варианте 1944 г. того, что началось в России в ноябре 1917 г., или, если смотреть с другой стороны, 9 сентября 1944 г. в Болгарии подняло нити режима Стамболийского, уничтоженного переворотом в июне 1923 г. Здесь происходит полная революция»³⁰. Начавшаяся в Болгарии революция не могла не вызвать прямого противодействия со стороны империалистических держав. Уже в конце 1944 г. М. Барнс задавался вопросом, следует ли поддерживать дальнейшее сотрудничество с СССР в решении послевоенных проблем Болгарии в ущерб политическим интересам США и Англии. Он писал 7 декабря государственному секретарю: «Полагаю, что может наступить время и возможно очень скоро, когда попытки сохранить в этой стране символы такого сотрудничества могут надолго нанести вред нашему и британскому влиянию на умеренную и здравомыслящую общественность»³¹. Речь шла об опасности потерять влияние на те слои болгарской буржуазии, которые ориентировались на США и Англию.

Однако оказывать противодействие революционным событиям в Болгарии в конце 1944 — начале 1945 г. западным державам было очень сложно. В отличие от Румынии в Болгарии этого периода у них не было прочной внутренней опоры. Как отмечает болгарский исследователь М. Исусов, с самого начала революции в Болгарии между правящими партиями Отечественного фронта существовали расхождения. Они были обусловлены классовыми противоречиями социальных групп, на которые опирались эти партии. По мере развития революционного процесса усиливалась идейно-политическая поляризация левых и правых сил как в рамках Отечественного фронта в целом,

так и в отдельных партиях, не было единства в мелкобуржуазных и центристских группировках³². Но процесс поляризации политических и социальных сил в Болгарии проходил медленнее, чем в Румынии. До весны 1945 г. все партии сотрудничали на основе программы Отечественного фронта, разработанной коммунистами. Хотя Барнс и сообщал о том, что его посещают лица, «ожидające признаков американского и британского сопротивления» политике Отечественного фронта и СССР, в этот период США и Англия не находили болгарских политических деятелей, способных выступить против коммунистов и народной власти, открыто проводить антисоветский курс.

Основные надежды они возлагали на возвращение в Болгарию буржуазных эмигрантов, находившихся в годы войны в западных странах, которые могли бы сплотить вокруг себя противников революционных преобразований. В сентябре 1944 г. из Англии в Болгарию вернулся один из бывших лидеров БЗНС Г. Димитров (Гемето). Как и в других странах Восточной Европы, англичане и американцы стремились в первую очередь использовать в своих интересах руководителей буржуазных крестьянских партий, наиболее многочисленных до войны.

Сразу же после возвращения Гемето стал предпринимать попытки захватить руководство в БЗНС. Он стремился противопоставить эту партию БРП(к) и навязать ей такой курс, который способствовал бы ее превращению в массовую опору реакции и проводника английского и американского влияния в Болгарии³³. В то время как болгарский народ, завоевав с помощью СССР свободу, вступил в войну против нацистской Германии, агенты Гемето на фронте и в тылу распространяли листовки с провокационными требованиями «Мир, хлеб, свобода». Вследствие подстрекательств Гемето возник первый открытый конфликт представителей партий Отечественного фронта. При отсутствии министров, представляющих БРП(к), под давлением военного министра от партии «Звено» Д. Велчева и министра без портфеля от БЗНС Н. Петкова 23 ноября 1944 г. Совет Министров принял постановление № 4. В соответствии с этим постановлением фашисты и военные преступники, против которых было возбуждено судебное дело, могли избежать наказания, вступив для «искупления вины» в армию и отправившись на фронт³⁴. И хотя по требованию народных масс и в соответствии с указаниями советского руководства СКК постановление было отменено как противоречившее соглашению о перемирии и идущее вразрез с программой Оте-

чественного фронта, это событие ознаменовало начало процесса дезинтеграции в среде Отечественного фронта.

Однако пока противники БРП(к) и единства в Отечественном фронте не сплотились и не проявили себя, внешнеполитические органы США и Великобритании были ограничены в своих действиях. Так, они пытались осложнить трудное экономическое положение Болгарии. М. Барнс доносил 1 декабря 1944 г. в госдепартамент, что экономическое и финансовое положение Болгарии тяжелое. У нее нет зарубежных рынков, иностранной валюты, золотого фонда. «В целом со всей честностью надо сказать, что Болгария находится в чертовски тяжелом положении,— писал он.— Можно только гадать, к чему это приведет в будущем, но никто не сомневается, что оно будет очень напряженным»³⁵.

Такое положение и попытались еще более осложнить империалистические державы. Если госдепартамент благосклонно относился в этот период к перспективе заключения мирного договора с Румынией, то к Болгарии применялись самые суровые санкции. Ссылаясь на статус Болгарии как бывшего вражеского государства, внешнеполитические органы США и Англии препятствовали установлению торговых связей между Болгарией и нейтральными странами. Министр иностранных дел Болгарии 12 апреля 1945 г. сообщал в СКК, что «Болгария продолжает фигурировать в составленном правительствами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки черном списке, вследствие чего нейтральные государства все еще воздерживаются возобновлять свои экономические отношения с ней... торговые атташе Великобритании и Соединенных Штатов в Швейцарии... препятствуют заключению каких бы то ни было торговых сделок и переводу денежных сумм между нейтральными государствами и рассматривают товары и денежные вклады Болгарии в этих государствах как фактически находящиеся под секвестром»³⁶. Подобные действия противоречили позиции СССР, который еще во время переговоров о перемирии с Болгарией не допустил включения в соглашение предложения союзников о том, что «Болгария не сможет распоряжаться своими активами»³⁷.

В этом же русле пытались использовать требования монархической Греции о немедленном начале выплаты Болгарией репараций, сумма которых не была определена в соглашении о перемирии. Госдепартамент указывал, что «в интересах нашего (т. е. американского.— К. Ж.) правительства добиваться на основе соглашения о пере-

мирии немедленной реституции греческой собственности из Болгарии и выплаты репараций максимально доступным количеством пищевых и сельскохозяйственных продуктов, скота и транспортного оборудования»³⁸.

В указанный период западные союзники продолжали прилагать усилия и для расширения своего представительства в СКК. Инициативу в этом отношении предпринимали англичане. Министр иностранных дел Великобритании Антони Иден 10 декабря направил личное письмо В. М. Молотову с очередными претензиями на увеличение количества западных представителей в СКК³⁹.

Продолжить экономическое наступление против народной власти в Болгарии с помощью требований Греции о репарациях, добиться согласия СССР на расширение своего влияния и представительства в СКК западные державы были намерены на предстоявшей Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. В целом можно сделать вывод, что до конца 1944 — начала 1945 г. империалистические державы не сумели найти действенных средств и эффективных методов воздействия на политическую ситуацию в Болгарии. Как сообщал в начале 1945 г. М. Барнс, позиция, занятая внешнеполитическими органами западных держав, разочаровала склонные к ориентации на США и Англию круги. Они задавались вопросом, «почему англо-саксонские державы оказались столь скупыми в отношении к Болгарии по сравнению с дружеским интересом России», полагая, по словам М. Барнса, что продолжение подобной политики США и Англии «положит конец планам торговли Болгарии с другими странами за исключением России»⁴⁰.

К началу конференции руководителей СССР, США и Великобритании, которая проходила 4—11 февраля 1945 г. в Ялте, у Вашингтона и Лондона не было эффективной программы действий по реализации своих политических целей в Болгарии и Румынии. Продолжавшееся сотрудничество держав антигитлеровской коалиции в разгроме фашистской Германии, заинтересованность западных союзников во вступлении СССР в войну против милитаристской Японии не допускали в этот период открытой конфронтации с СССР по вопросам политического развития восточноевропейских стран. В начале января 1945 г. президент США Ф. Рузвельт направил послание Конгрессу, в котором указывал: «Чем ближе мы подходим к победе над врагами, тем с большей неизбежностью мы осознаем разногласия между союзниками. Мы не должны допускать, чтобы разногласия разделили и ослепили нас...

Мы должны стараться не использовать и не преувеличивать разногласия между нами и нашими союзниками в отношении к народам, освобожденным от фашистской тирании»⁴¹.

На Крымской конференции представители США и Англии по-прежнему пытались расширить свое влияние в этих странах и нанести некоторые «периферийные» удары по народно-демократической власти в Болгарии с помощью экономических средств. Инициативу в антиболгарских действиях взяла на себя Великобритания. Она предложила учредить греческое представительство при СКК в Болгарии «с тем, чтобы в Грецию были произведены немедленные поставки», а греческие требования были приняты «в качестве базы для определения характера и объема товаров»⁴². Другая инициатива Великобритании также касалась СКК в Болгарии и повторяла предложения западных представителей, выдвинутые во время разработки соглашения о перемирии в октябре 1944 г., об уравнивании прав представителей СССР, США и Англии в комиссии после окончания военных действий в Европе⁴³. Однако ни предложение о немедленной выплате репараций, ни попытки ревизии соглашения о перемирии с Болгарией на конференции не рассматривались.

Американские представители предполагали выступить на конференции в Ялте с инициативами, содействующими усилению влияния западных держав во всех освобожденных странах. Накануне конференции госдепартамент разработал проект создания Европейской Верховной Комиссии в составе США, Англии, Франции и СССР с правом оказывать освобожденным странам, в том числе бывшим германским сателлитам, помощь в учреждении временных режимов и проведении выборов для создания устойчивых правительств. Эта комиссия была задумана как орган, в котором западные представители получили бы равные полномочия с СССР и который открывал бы им прямой путь для вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран. Создание такой комиссии должно было стать центральным пунктом американского предложения о декларации совместной политики союзных держав в освобожденной Европе. Однако, предвидя возражения СССР против попыток обойти его решающую роль в определении союзной политики в отношении бывших вражеских государств Восточной Европы, американское правительство не решилось поставить вопрос о создании подобной комиссии⁴⁴.

В принятой на Крымской конференции «Декларации об освобожденной Европе» предусматривалась необходимость дальнейшего согласования политики СССР, США и Великобритании. Три правительства обязались совместно помогать народам Европы, если «обстоятельства этого потребуют», «создавать условия внутреннего мира», а также «временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народов», «способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов», по мере необходимости «консультроваться между собой о необходимых мерах»⁴⁵.

Для сторонников совместных с СССР действий «Декларация об освобожденной Европе» была подтверждением необходимости дальнейшего сотрудничества с СССР и поиска взаимоприемлемых решений по сложным политическим проблемам, в том числе и Восточной Европы. Те же, кто стремился расширить позиции империалистических держав в восточноевропейских странах в интересах борьбы с народно-демократической властью и ограничить влияние СССР, договоренность о консультациях между союзниками рассматривали как возможность преодолеть ведущую роль СССР в политике союзных держав в решении проблем бывших вражеских государств Восточной Европы, продиктовать Советскому Союзу свою линию «демократизации», «обеспечения» прав и свобод, создания «представительных» правительств в таких странах, как Болгария и Румыния. В последующий период западные державы приложили немало усилий для того, чтобы реализовать эту возможность и таким путем добиться осуществления своих целей в Болгарии и Румынии.

§ 2. Победа народно-демократической власти в Румынии. Поиски средств отстранения от власти правительства НДФ

События в Румынии начала 1945 г. показали, что оценка политической ситуации в этой стране и перспектив ее развития, сделанная внешнеполитическими органами США и Англии после заключения перемирия, оказалась неверной. Реакционная румынская буржуазия не могла сохранить власть в своих руках. Создавшееся к концу 1944 г. шаткое равновесие между буржуазными партиями и силами, объединившимися в Национально-демократический фронт, вскоре нарушилось. В январе 1945 г. по всей стра-

не прошли многочисленные уездные собрания, конференции рабочих, крестьян, ремесленников, представителей интеллигенции, женских, молодежных организаций. На них активно осуждалась политика реакционного большинства в правительстве Н. Рэдеску. «Цены продолжают головокружительно расти, рынок пуст, спекуляция и черная биржа процветают, массы нищают, УЖИР (союз промышленников Румынии.— К. Ж.) сохраняет сказочные прибыли, крупные помещики саботируют реформы... Чистка не проводится. Основные демократические законы — закон о профсоюзах, о наказании военных преступников, легализации фабричных комитетов — откладываются день за днем. Военные преступники находятся на свободе, награбленное в СССР имущество не возвращается. Люди Антонеску стали видными фигурами в политической жизни», — писала «Ромыния либерэ». Означает ли это демократию, задавала вопрос газета и отвечала на него отрицательно⁴⁶. Широкое недовольство вызывало то, что продолжалось уклонение от выполнения перемирия, не были распущены профашистские организации, в провинциальных газетах делались выпады против Советского Союза⁴⁷.

Трудящиеся всей страны требовали устранить реакционное большинство в правительстве. За отставку кабинета Рэдеску и создание правительства демократических сил высказались участники состоявшегося 26—30 января 1945 г. первого съезда единых профсоюзов Румынии⁴⁸. В опубликованной 28 января программе НДФ указывалось, что политика правительства Рэдеску препятствовала подлинной демократизации страны. В ней выдвигалась задача создания нового, действительно демократического правительства с единой программой⁴⁹.

Стремление румынского народа к установлению демократической власти, преодолению тяжелого экономического положения страны находило понимание в Советском Союзе. Во время поездки в Москву Г. Георгиу-Дежа в январе 1945 г. советское руководство высказало пожелание, чтобы Румыния окрепла экономически и стала страной подлинной демократии⁵⁰.

Призыв к созданию демократического правительства был подхвачен всей прогрессивной Румынией. В Бухаресте 1 февраля состоялась 300-тысячная демонстрация с требованием установления власти правительства НДФ. Многотысячные массовые выступления под этим лозунгом состоялись в Плоешти, Бухуши, Ботошани и других городах страны. На 500-тысячном митинге трудящихся Бухареста 13 февраля Г. Георгиу-Деж заявил, что ничто не

может остановить продвижение румынского народа по пути, открытому восстанием 23 августа 1944 г.⁵¹

Положение правительства Рэдеску становилось критическим. 24 февраля в крупнейших городах вновь прошли многочисленные митинги и демонстрации с требованием его отставки. В Бухаресте в них приняли участие 600 тыс. человек, в Плоешти — 60 тыс., в Тимишоаре и Брашове — 35 тыс., в Крайове — 20 тыс. человек. Эти демонстрации были мощным выражением народной воли. Как отмечают румынские историки, «они явились кульминационным пунктом действий народа против реакционного большинства в правительстве Рэдеску»⁵². Не в силах справиться с волной возмущения, Рэдеску направил на расправу с демонстрантами жандармерию и полицию. На улицах Бухареста, Брашова, Крайовы пролилась кровь.

Подобные действия реакционного большинства в правительстве, опирающемся на руководство национал-царанистской и национал-либеральной партий, вызвали недовольство и значительной части буржуазии. 31 января 1945 г. к НДФ присоединилась группа Гр. Тэтэреску, давно покинувшая ряды НЛП. В феврале из НЦП вышла часть кадров под руководством А. Александреску и также объявила о вступлении в НДФ. 26 февраля от действий Рэдеску отмежевалась группа генералов и высших офицеров, которая от имени армии публично осудила его попытки использовать армию против народа⁵³. Против правительства выступила и интеллигенция. 15 февраля 67 профессоров и преподавателей высших учебных заведений высказались за правительство НДФ — «правительство, которое выражало бы волю и чаяния всех демократических элементов страны»⁵⁴. Даже патриарх заявил в конце января, что поддерживает требование о создании правительства НДФ⁵⁵.

Немаловажное значение имело то обстоятельство, что в стране присутствовали советские войска. Реакционная буржуазия, терпевшая поражение на политической арене, не имела возможности прибегнуть к гражданской войне ради сохранения власти в своих руках. Судьба правительства Н. Рэдеску была предрешена. Буржуазные партии оказались не в состоянии не только спасти это правительство, но и удержаться у власти. Реальное соотношение сил в стране делало неизбежным переход командных высот в руки НДФ.

Назревавшие в Румынии решающие события застали Вашингтон и Лондон врасплох. Еще в конце января буржуазный строй в Румынии казался госдепартаменту до-

статочно прочным, чтобы «приветствовать заключение мира между союзниками и Румынией», в чем категорически отказывалось Болгарии⁵⁶.

Терявшие под ногами почву реакционные лидеры НЦП и НЛП, монархия единственную возможность сохранить буржуазные порядки в стране видели в немедленном вмешательстве США и Англии. Король Михай направил 24 января письмо президенту Ф. Рузвельту, в котором изложил «серьезное беспокойство о будущем Румынии» и выразил надежду, что «США примут меры»⁵⁷. Эмиссары Ю. Маниу и Д. Брэтиану осаждали американского представителя в Бухаресте Брайтона Берри, доказывая ему, что с приходом к власти правительства НДФ наступит «дезинтеграция» Румынии. Подобные провокационные утверждения, приписывавшие Советскому Союзу, чьи войска в соответствии с соглашением о перемирии находились на территории Румынии, вымышленные экспансионистские устремления, сопровождались слезливыми жалобами, что «англичане и американцы не сделали ничего, чтобы помочь румынам в решении их жизненных проблем»⁵⁸.

К концу февраля представители внешнеполитических ведомств США и Великобритании убедились в том, что они недооценили мощь демократических сил, прочность позиций НДФ и массовую поддержку его румынским народом. Перспектива падения вместе с правительством Рэдеску всего буржуазного строя, ясно обозначившаяся к этому времени, а одновременно с этим и провала планов Запада в отношении Румынии, неразрывно связанных с пребыванием у власти буржуазно-помещичьих кругов, побуждала империалистические державы спешно вмешаться в политическую жизнь страны.

Такую возможность США и Англия видели в использовании своего статуса держав-победительниц, несших совместно с СССР ответственность за положение в бывших вражеских государствах. На Западе полагали, что данный статус позволит союзникам выступать арбитром в борьбе политических партий этих стран, формировать состав правительств, диктовать им внутреннюю и внешнюю политику. Госдепартамент и Форин оффис рассчитывали, не дожидаясь падения кабинета Рэдеску, заручиться согласием СССР на создание в Румынии нового буржуазного правительства, закамуфлировав его благозвучной формулой «коалиционное правительство всех партий».

Заместитель государственного секретаря Дж. Грю 24 февраля подробно информировал Б. Берри и К. Шилера о мнении госдепартамента в отношении правительства, которое «могло бы в настоящий момент лучше всего составить представительную администрацию». Госдепартамент полагал, что это должно быть «правительство, представляющее все политические партии и общественные классы». Все политические группы в Румынии необходимо было разоружить, а изъятое оружие передать правительству. Пока не будет разработана «процедура выявления народной воли», особую поддержку следовало оказывать королю⁵⁹. В качестве внешнеполитической поддержки нового правительства госдепартамент планировал содействовать скорейшему «восстановлению торговли Румынии с внешним миром». В то же время Вашингтон, видимо, стремился обеспечить удобный способ давления на новое буржуазное правительство в случае, если оно осмелится проявить строптивость. Хотя подписанное представителем США соглашение о перемирии с Румынией предусматривало отмену Венского диктата 1940 г., Дж. Грю утверждал, что возвращение ей Трансильвании в данный момент «не принесет пользы»⁶⁰.

Такой план «оказания помощи» румынам США и полностью поддерживавшая их Англия немедленно стали навязывать Советскому Союзу. Вначале американцы попытались действовать через СКК. Уже 21 февраля, на совещании, созванном по просьбе американского военного представителя К. Шилера, последний потребовал опубликовать от имени комиссии заявление о том, что «до проведения свободных выборов Румыния будет управляться коалиционным правительством, в которое войдут все существующие политические партии»⁶¹. 22 февраля Шилер вновь настаивал перед генерал-полковником В. И. Виноградовым на публикации этого заявления, ссылаясь на угрозу гражданской войны, а по сути опасаясь, что румынский народ самостоятельно решит вопрос о правительстве в пользу НДФ⁶².

Затем западные союзники стали обращаться к Советскому правительству. 24 февраля Форин оффис поручил послу в Москве Кларку Керру выразить министру иностранных дел СССР свою «озабоченность» по поводу того, что «вооруженное меньшинство» (несмотря на всенародную поддержку, на Западе так именовали НДФ.— К. Ж.) может смести коалиционное правительство. Послу надлежало заявить, что «английское правительство попадет в сложное положение, если в Румынии появится правитель-

ство, которое оно ни при каких обстоятельствах не сможет признать»⁶³. 26 февраля в письме на имя Молотова, ссылаясь на угрозу гражданской войны, американский посол в СССР А. Гарриман поставил вопрос о создании в Румынии правительства, представляющего все классы и политические группы. В тот же день американское и английское предложение было изложено в послании Б. Берри заместителю министра иностранных дел А. Я. Вышинскому, прибывшему в Бухарест, а 1 марта повторено английским и американским представителями в Бухаресте⁶⁴.

Если внимательно рассмотреть американское и английское предложение о создании нового правительства в Румынии, то станет очевидным, что западные державы, игнорируя реальную ситуацию, создавшуюся в стране в результате развития классовой борьбы, стремились сохранить соотношение сил в правящих органах в пользу буржуазии. Однако, как отмечают румынские историки, в феврале 1945 г. главные буржуазные партии были не в состоянии создать коалиционное правительство, представляющее если не все, то хотя бы большинство партий и политических организаций⁶⁵. В то же время сам НДФ, особенно после установления сотрудничества с национал-царанистской группировкой А. Александреску и национал-либеральной группой Гр. Тэтэреску представлял собой коалицию, способную создать правительство, более представительное, чем все предыдущие. Не коалиционный характер правительства, а его программа была основным вопросом политической борьбы в Румынии.

Хотя на Западе НДФ приписывали стремление установить «правительство меньшинства», в действительности он не отказывался от сотрудничества с НЦП и НЛП. Еще на заседании 14 октября 1944 г. Совет НДФ указал, что согласие НЦП и НЛП на сотрудничество не требует создания нового состава правительства, а требует принятия платформы НДФ и признания руководящей роли Фронта. Совет НДФ неоднократно направлял Ю. Манну предложение о сотрудничестве на основе программы НДФ, которое лидер НЦП постоянно отвергал⁶⁶. События начала 1945 г. подтвердили, что основная масса населения, не только трудящиеся, но и значительная часть буржуазии поддержала правительственную программу НДФ, опубликованную 28 января и предусматривавшую участие всеми силами в антигитлеровской войне и выполнение условий перемирия, установление дружественных отношений и торговых связей с демократическими странами, немедлен-

ное проведение аграрной реформы, демократизацию госаппарата, привлечение к суду военных преступников, реорганизацию армии, подъем экономического и культурного уровня жизни трудящихся⁶⁷. После опубликования программы НДФ даже сторонники Д. Брэтиану стали вести сепаратные переговоры о вступлении в новое правительство вместе с НДФ⁶⁸.

Выдвижение при таких обстоятельствах требования о создании правительства, представляющего все партии, означало, что западные державы стремились добиться условий для участия в нем своего главного ставленника — Ю. Маниу. Однако он категорически отказывался принять программу НДФ. Чтобы обеспечить его участие в новом правительстве, НДФ должен был отказаться от своей правительственной программы. Таким образом, под формулировкой «правительство всех партий» скрывалось намерение сохранить власть в руках тех же сил, которые определяли политику в кабинете генерала Рэдеску.

Ссылка при этом на угрозу гражданской войны, бросавшая тень на намерения НДФ, была явно надуманной. Во-первых, не было никакой необходимости прибегать к специальным мерам, чтобы предотвратить гражданскую войну в Румынии. Поддержание порядка в тылу Советской Армии входило в компетенцию СКК, располагавшей для этого достаточными возможностями. Во-вторых, опасность развязывания гражданской войны исходила отнюдь не от сторонников НДФ. Выступая 21 февраля от имени компартии на заседании Совета Министров, Г. Георгиу-Деж подчеркнул: «Мы используем все, чтобы сорвать попытки превратить внутреннюю борьбу в гражданскую войну»⁶⁹. Эта опасность исходила от противников НДФ в правительстве и от вооруженных банд Маниу. Именно Рэдеску в ответ на действия крестьян, начавших раздел земли не дожидаясь, пока будет принят закон об аграрной реформе, заявил 16 февраля на заседании Совета Министров: «В моем положении я буду оказывать сопротивление изо всех сил, и, если потребуется прибегнуть к гражданской войне, я это сделаю, господа, невзирая на последствия!»⁷⁰ В этот же период, обращаясь к делегации рабочих, он угрожал: «Выведем на улицу армию, расстреляем всех... Сделаем тут, как в Греции»⁷¹. Предотвратить гражданскую войну в Румынии можно было путем изоляции противников НДФ, готовых в собственных политических интересах пустить в ход оружие.

Правительство СССР было глубоко обеспокоено создавшимся в Румынии положением. 27 февраля в Бухарест

прибыл заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, который проводил консультации с королем, лидерами различных партий, американскими и английскими представителями в СКК. В отличие от западных держав, Советский Союз не видел необходимости в совместных действиях союзников, предусмотренных в Крымской декларации. В СССР, как сообщал А. Гарриман, полагали, что в соответствии с соглашением о перемирии и Крымской декларацией в Румынии должно быть правительство демократических партий и беспартийных, способное искоренить остатки фашизма и создать демократические институты⁷².

Именно этого и добивались трудящиеся Румынии, выступая против правительства Рэдеску. В заявлении НДФ, сделанном 19 февраля по поводу принятия державами антигитлеровской коалиции Крымской декларации, говорилось: в правительство не могут входить люди, «саботирующие лояльное выполнение великодушных условий перемирия, враги демократических свобод и социальных реформ, препятствующие искреннему вступлению Румынии в великую семью народов, борющихся за прогресс и свободу»⁷³.

Развитие революционных событий в Румынии не зависело от прожектов, составлявшихся в Вашингтоне и Лондоне. Отказ СССР рассматривать вопрос о «помощи» союзных держав румынам в решении их внутренних проблем обеспечил развитие политической ситуации в стране в соответствии с реальным соотношением сил между НДФ и блоком реакционных буржуазных партий. Н. Рэдеску 28 февраля подал в отставку и укрылся от народного гнева в английской миссии. По этому поводу западная пресса отмечала, что английское представительство в Бухаресте превратилось «в убежище для лиц, подозреваемых в кровавых намерениях»⁷⁴, «сочувствующих фашистским элементам»⁷⁵.

На первых порах король и представители буржуазных кругов пытались сохранить прежнее правительство реакционного большинства, но на этот раз во главе с Б. Штирбеєм. Представители НДФ отказывались вести переговоры о подобном правительстве. Король был вынужден поручить формирование нового правительства видному деятелю НДФ, председателю «Фронта земледельцев» П. Грозе. От имени НДФ 4 марта П. Гроза предложил по 2 министерских поста НЦП и НЛП. Однако Ю. Маниу потребовал, чтобы в новом правительстве НЦП и НЛП сохранили большинство в две трети, т. е. чтобы осталось то же

соотношение сил, что и в старом кабинете⁷⁶. 5 марта П. Гроза вторично предложил НЦП и НЛП по 2—3 министерских портфеля⁷⁷. Предложение НДФ полностью соответствовало тому, чего на словах добивались США и Англия — все партии могли получить представительство в правительстве.

Но, как уже отмечалось, речь шла не о представительстве партий, а о характере самого правительства и его политики. Поэтому Ю. Маниу и не пожелал участвовать в кабинете, в котором ведущую роль должен был играть НДФ.

6 марта на улицы Бухареста вышли более 800 тыс. человек, требовавших создания демократического правительства во главе с П. Грозой. Король был вынужден утвердить состав правительства НДФ. На следующий день Михай разъяснил свои действия Б. Берри: он убедился, что «не может быть соглашения между НДФ и «историческими» партиями (а следовательно, предложение США невыполнимо.— К. Ж.)»⁷⁸.

Приход к власти правительства НДФ означал победу народно-демократической власти в Румынии. «Создание правительства П. Грозы,— отмечал Н. Чаушеску,— означало не простую смену правительства, а смену самого политического режима нашей страны: установление революционно-демократической власти рабочих и крестьян»⁷⁹.

Победа народно-демократической власти в Румынии имела важное международное значение. Перед Румынией открылась перспектива установления тесных дружественных отношений с Советским Союзом и народно-демократическими государствами Восточной Европы. «Сегодня страна пользуется бóльшим доверием, чем в момент подписания перемирия,— заявил П. Гроза 8 марта.— Это доверие вызвано как программой нового правительства, так и искренностью и последовательностью в демократической антифашистской политике, проводившейся партиями и организациями НДФ»⁸⁰.

Советский Союз приветствовал переход власти к демократическим силам. Свидетельством доверия к правительству П. Грозы, уверенности в его демократической внутренней и внешней политике стало согласие СССР в соответствии с условиями перемирия восстановить в Северной Трансильвании румынскую администрацию. Этот акт был невозможен, пока в Трансильвании действовала немецко-фашистская агентура, осуществлялись акты саботажа и диверсий, бесчинствовали отряды Ю. Маниу. Положение изменилось с созданием в Румынии «нового правительст-

ва, представляющего коалицию всех демократических групп»⁸¹.

На встрече с правительственной делегацией в Бухаресте заместитель министра иностранных дел СССР, выражая мнение советского руководства о правительстве П. Грозы, сказал: «Державная воля народа привела к образованию нового демократического правительства Румынии»⁸². Советское руководство СКК приветствовало румынское правительство как «представляющее все слои румынского народа»⁸³. Так в СССР оценили характер нового правительства.

Актом решительной поддержки народно-демократической власти и правительства НДФ явилось заключение в мае 1945 г. советско-румынского торгового соглашения. СССР обязался экспортировать в Румынию сырье и оборудование, необходимые для функционирования ее промышленности, в первую очередь тяжелой, — сталь, ферросплавы, медь, олово, кокс, асбест, шарикоподшипники, электрокабель и др. Большой интерес для румынской промышленности представлял хлопок. Румыния могла вывозить в Советский Союз лес, товары деревообрабатывающей промышленности, сажу, каустическую соду, стекло, цемент и другие товары. Для нужд сельского хозяйства Румынии были оставлены 2000 тракторов, которые должны были быть возвращены Советскому Союзу по соглашению о перемирии⁸⁴. Румынское правительство отмечало, что, заключив торговое соглашение с СССР, Румыния вступила на путь, который «представляет единственную возможность восстановить и укрепить ее экономику»⁸⁵. Учитывая тяжелое экономическое положение Румынии, в апреле командование Советской Армии передало ей 21 000 т картофеля, 800 вагонов семян зерновых⁸⁶.

Будучи уверенным в том, что характер правительства П. Грозы отвечает требованиям Ялтинской декларации, а также учитывая, что Румыния внесла свой вклад в разгром гитлеризма, проявила готовность сотрудничать с Объединенными нациями, 27 мая СССР поставил перед США и Англией вопрос о восстановлении дипломатических отношений с этой страной⁸⁷.

Победа народно-демократической власти в Румынии, создание там демократического правительства НДФ, ориентировавшегося на тесную дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, рассматривались в Вашингтоне и Лондоне не в качестве закономерного итога развития классовой борьбы в Румынии, разгрома фашизма и в самой стране, и на мировой арене, а как досадный просчет

в тактике западных держав. По мнению Б. Берри, НДФ не добился бы успеха, если бы Румынии был «предоставлен статус совоюющей державы, возвращен контроль над коммуникациями и восстановлен полный административный контроль». По мнению того же Берри, для устранения правительства П. Грозы и восстановления прежнего положения, когда у власти находилась реакционная, настроенная антисоветски буржуазия, были необходимы дальнейшие дипломатические усилия западных держав, выступающих в роли ответственных за положение в Румынии.

Но западные союзники понимали, что выступить с прямым требованием отставки правительства НДФ — значит пойти на прямой и открытый конфликт с СССР, одоббившим и поддержавшим его. Между тем весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне полагали, что есть более важные международные проблемы, требующие сотрудничества с Советским Союзом. 8 марта У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «Я не хочу, чтобы разногласия по Румынии помешали соглашению о Польше»⁸⁸. Американский посол в СССР А. Гарриман также считал, что «румынская проблема стоит на втором плане после польской»⁸⁹. Со своей стороны Ф. Рузвельт высказал мнение, что «Румыния — неподходящий объект для испытания» отношений с СССР⁹⁰.

Вместо лобовой атаки госдепартамент и Форин оффис предприняли более сложные дипломатические маневры. Квалифицировав румынское правительство как «непредставительное», госдепартамент 14 марта обратился к Советскому Союзу с предложением провести консультацию представителей США, СССР и Великобритании с целью выработки согласованной политики и «процедуры оказания помощи румынам в решении их срочных политических проблем». После согласования общей политики госдепартамент предлагал создать в Бухаресте объединенный комитет политических представителей трех союзных правительств для наблюдения за осуществлением этой политики⁹¹. Нетрудно понять, что целью согласованной политики трех союзников должна была явиться замена «непредставительного» правительства П. Грозы. Для этого следовало создать специальную комиссию, в которой представители трех держав пользовались бы равными полномочиями.

Однако СССР не принял предложения о консультации, так как, по его мнению, не существовало факторов, которые, как писал И. В. Сталин премьер-министру Великобритании и президенту США, «могли порождать беспокой-

ство в отношении дальнейшего развития демократических начал» в Румынии⁹². Требование о создании специальной комиссии было расценено как средство обойти СКК, руководящая роль в которой принадлежала советским представителям.

Тем не менее в Вашингтоне и Лондоне продолжали разрабатывать планы свержения правительства П. Грозы и передачи власти буржуазным национал-царанистской и национал-либеральной партиям, связывая эти планы с консультацией представителей союзных держав. Такая консультация могла иметь место на предстоявшей Потсдамской конференции. Действия лидеров буржуазных партий должны были подкрепить «необходимость» подобных консультаций.

Не случайно сразу же после событий 6 марта лидер НЛП Д. Брэтиану направил «большой тройке» послание, в котором утверждал, что правительство П. Грозы не отвечает подлинной воле народа и демократическим принципам, провозглашенным Объединенными нациями⁹³. К политическим представителям США и Англии в Бухаресте обращался и Ю. Маниу с целым списком вопросов о политике западных держав в отношении румынского правительства. С просьбами о вмешательстве к западным союзникам обращался и король. «Действия должны быть предприняты извне, — убеждал он Берри, — так как вопрос о правительстве „является внешней проблемой“»⁹⁴.

Подобные действия поощрялись внешнеполитическими ведомствами США и Англии. «Мы, конечно, — говорилось в инструкции госдепартамента американскому представителю в Румынии, — не можем ответить на все поставленные Маниу вопросы о нашей политике, но вы можете сказать ему, что мы хотим, чтобы все значительные политические группы были представлены в правительстве». Получили одобрение действия короля, который в течение трех недель отказывался подписывать некоторые правительственные декреты⁹⁵.

Однако, сформировав оппозицию правительству П. Грозы, реакционные лидеры буржуазных партий были намерены идти дальше рекомендаций, полученных в американской и английской миссиях. «Из нескольких источников, — сообщал Берри 24 апреля, — я получил косвенные свидетельства, что определенное количество румын объединяется в группы для оказания сопротивления происходящему в Румынии... Их план, я догадываюсь, провести второй переворот (после 23 августа 1944 г. — К. Ж.) с молчаливого согласия короля»⁹⁶. 6 июня Ю. Маниу инфор-

мировал главу американской военной миссии при СКК генерала К. Шилера о том, что, работая в тесном контакте с лидером НЛП Д. Брэтиану и настроенным враждебно к НДФ социал-демократом Т. Петреску, при англо-американской поддержке «его партия смогла бы уговорить короля» устранить правительство П. Грозы и сформировать новый кабинет⁹⁷.

Антиправительственная деятельность реакционных лидеров НЦП и НЛП, их связи с западными представителями не ускользнули от внимания румынской общественности. Уже 7 марта «Скынтейя» отмечала, что противники правительства надеются «осложнить международное положение Румынии, провоцируя конфликт между Советским Союзом и западными союзниками». Как проявление слабости расценивали сторонники НДФ обращение реакционеров за помощью к иностранным державам. «Отдавая себе отчет, что их дело на внутренней арене проиграно,— писала «Ромыния либерэ»,— Маниу и его друзья утверждают в своей пропаганде, что они якобы пользуются симпатиями в некоторых иностранных кругах», надеясь, что те «бросят им спасательный круг»⁹⁸.

Действия оппозиции, направленные на дискредитацию кабинета П. Грозы, всячески поддерживали американские и английские представители в Бухаресте. В то же время ее намерение свергнуть правительство НДФ вооруженным путем могло смешать все планы Вашингтона и Лондона. Госдепартамент вполне справедливо предвидел, что «изменение в правлении насильственными средствами будет рассматриваться руководством Советской Армии как нарушение порядка в тылу» и приведет «к устранению с политической сцены многих людей, чьи планы и мысли о будущем совпадают с нашими (т. е. американскими и английскими. — К. Ж.)»⁹⁹. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус предупреждал, что, если политические лидеры, которым западные союзники доверяют, будут заранее устранены с политической сцены, то создать «представительное» правительство не удастся. В силу этой же причины Э. Стеттиниус даже рекомендовал не предоставлять им убежища, если эти лидеры все же вопреки советам решатся взяться за оружие¹⁰⁰.

По замыслам внешнеполитических органов империалистических держав, реакционным лидерам НЦП и НЛП в тот период отводилась другая роль. Они должны были, по словам Э. Стеттиниуса, «осуществить на месте те действия, которые три великие державы могут согласовать в ходе консультаций»¹⁰¹. Другими словами, после того,

как союзники решат на Потсдамской конференции вопрос о «непредставительном» правительстве НДФ, эти деятели должны были заняться формированием «представительного» правительства.

В соответствии с таким планом американцы и англичане «предупредили Маниу о возможных серьезных последствиях для Румынии любых действий, которые могут вызвать кровопролитие», и выразили мнение, что подобные «беспорядки скорее помешают соглашению по Румынии между тремя главными союзниками, чем ускорят его»¹⁰². Маниу согласился со своими советчиками и заверил их в том, что «без твердой гарантии англо-американской поддержки он ни при каких обстоятельствах не спровоцирует ситуацию, которая может быть расценена как открытое восстание»¹⁰³. Свою готовность ждать благоприятного соглашения трех держав выразил и король¹⁰⁴.

Таким образом, после победы народно-демократической власти в Румынии империалистические державы главным объектом своих враждебных акций избрали правительство НДФ. Объявив его «непредставительным», они пытались навязать Советскому Союзу дискуссию по так называемому румынскому вопросу и убедить его в необходимости создания «правительства всех партий», рассчитывая таким путем вернуть бразды правления в руки буржуазных партий.

§ 3. Превращение буржуазной оппозиции в Болгарии в инструмент борьбы против Отечественного фронта

Политическая обстановка в Болгарии после Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании заметно не изменилась. Она характеризовалась сотрудничеством всех крупных политических партий в рамках Отечественного фронта, отсутствием какой-либо заметной оппозиции правительству, что, в отличие от ситуации в Румынии, не давало предлогов для оказания «помощи» болгарам в решении их политических проблем. Американский политический представитель в Софии Мейнард Барнс писал в марте 1945 г. в госдепартамент: «Не может быть сомнений, что Отечественный фронт пользуется огромной народной поддержкой по всей стране. Он сбросил ненавистный режим, подчинивший страну и ее народ Германии, режим, углубивший национальную и классовую жестокость, уничтоживший крестьянское правительство в начале 20-х годов, предательски убив-

ший крестьянского лидера, теперь почти легендарного Стамболийского»¹⁰⁵.

Арсенал антиболгарских действий был по-прежнему скудным. США и Англия препятствовали установлению внешних торговых связей Болгарии, высказывались против предоставления ей статуса совоюющей державы, стремились подорвать ведущую роль СССР в СКК¹⁰⁶. Определенные надежды возлагались на осложнение положения Болгарии с помощью несправедливых притязаний монархической Греции в рамках мирного урегулирования.

В конце января 1945 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден направил В. М. Молотову письмо, в котором настаивал на том, чтобы Болгария начала отpravку продуктов питания в Грецию «до того, как эти продукты питания пойдут по другим каналам, как, например, внешняя торговля». Англичан особенно беспокоила перспектива налаживания торговых связей между Болгарией и СССР¹⁰⁷. Не без поддержки западных держав 6 апреля 1945 г. в Сан-Франциско на конференции по созданию Организации Объединенных Наций Греция поторопилась распространить меморандум с территориальными претензиями, включавшими всю южную Болгарию¹⁰⁸.

Западные представители пессимистично оценивали ситуацию в Болгарии в отношении возможностей добиться в этой стране своих целей. М. Барнс высказал сомнение в том, что продолжение прежнего политического курса и участие США в трехстороннем сотрудничестве «принесет дивиденды, т. е. дивиденды в том смысле, как мы (американцы.— К. Ж.) понимаем это слово». Он считал, что русские «не поверят, что мы или англичане будем стремиться к достижению более высокой цели, чем наши собственные интересы»¹⁰⁹.

Чтобы проложить путь для получения политических дивидендов в Болгарии, империалистическим державам в качестве первого шага нужен был предлог для открытого выражения своего недовольства политикой Отечественного фронта. Это дало бы возможность обратиться к СССР с требованием о вмешательстве союзных держав в болгарские дела, активизировать в самой Болгарии противников народной власти.

Такой предлог был искусственно создан в связи с демократической акцией болгарского правительства, объявившего в конце февраля 1945 г. о намерении провести выборы в Народное собрание. Газета «Работническо дело», орган компартии, отмечала, что «Народное собрание, которое предстоит избрать, будет противоположно поли-

цейско-фашистскому парламенту. Новые свободные выборы позволят народу выразить свою волю... дадут народу полную возможность пользоваться своими правами»¹¹⁰.

Еще до обсуждения вопроса о выборах партиями Отечественного фронта, не дожидаясь разработки и публикации избирательного закона, используя предварительные сведения о том, что партии Отечественного фронта намерены выступить на выборах единым списком, Вашингтон и Лондон решили использовать этот вопрос в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Болгарии. Инициатива исходила от М. Барнса, который предложил госдепартаменту добиваться недопущения голосования едиными списками¹¹¹. Таковую же рекомендацию дал и британский представитель в Болгарии¹¹². Вашингтон и Лондон обратились к тактике, уже использованной в отношении Румынии. Посол США в СССР А. Гарриман 5 апреля информировал Советское правительство, что болгары не могут обойтись без «помощи» союзников. Ссылаясь на «опасность» выдвижения единых избирательных списков ОФ, США предложили провести консультацию трех великих держав по организации свободных выборов в Болгарии и создать либо советско-англо-американский комитет, либо специальную трехстороннюю комиссию для контроля за выборами. Эти предложения поддержал и британский посол К. Керр¹¹³.

Так западные державы, как и в отношении Румынии, искусственно создали международную проблему, позволявшую под видом консультаций с СССР добиваться вмешательства во внутренние дела Болгарии. Кроме того, они вновь повторили маневр, нацеленный на то, чтобы с помощью специального трехстороннего органа обойти СКК, возглавляемую советскими представителями. Акция империалистических держав содействовала усилению противоречий между представителями трудящихся масс в ОФ и буржуазными кругами, недовольными ведущей ролью коммунистов в управлении страной.

Болгарский историк М. Исусов отмечает, что в ходе решения кардинальных задач революции шел процесс консолидации различных политических сил как в рамках Отечественного фронта, так и в рядах партий, входивших в этот фронт. В последних резко обострилась борьба между правыми и левыми группировками¹¹⁴. В январе 1945 г. из руководства Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) была исключена крайне правая группировка во главе с ярым реакционером Кр. Пастуховым, открыто выступавшим с антисоветскими и антидемократи-

ческими высказываниями. Ослабленное правое крыло партии повело дело к расколу. В июне возникла самостоятельная правая группировка социал-демократов, которую возглавил К. Лулчев¹¹⁵.

С конца 1944 г. кризис переживал и Болгарский земледельческий народный союз. Реакционные круги этой партии поддерживали Г. Н. Димитрова (Гемето), имевшего личные контакты с представителями западных держав и проводившего подрывную политику в отношении Отечественного фронта. В апреле он был отстранен от должности секретаря БЗНС и взят под домашний арест. Однако он сумел укрыться в доме М. Барнса, который помог ему переправиться за границу.

Пост секретаря Союза перешел к известному деятелю БЗНС, члену болгарского правительства Н. Петкову. Не имевший четких политических позиций, подверженный личным амбициям, Н. Петков, оказавшись в руководстве партии, резко изменил отношение к ОФ, роли, которую в нем и правительстве играли коммунисты. Еще 13 марта на I конгрессе Отечественного фронта он говорил: «БЗНС стоит за силу и единство четырех политических организаций в Отечественном фронте, который является исторической необходимостью для спасения Болгарии и вместе с тем единственной политической силой, которая впервые за время существования свободной Болгарии объединяет на ясной идейной платформе все слои трудящихся в стране и честную народную интеллигенцию»¹¹⁶.

Однако уже через месяц Н. Петков пошел на блокировку с теми, кто, по словам газеты БЗНС, применял «все средства, чтобы посеять раскол между коммунистами и земледельцами... заставить земледельцев покинуть правительство»¹¹⁷. Он стал стремиться к созданию собственной партии земледельцев, участию в выборах с самостоятельным списком, изданию отдельного печатного органа. От участия в высшем органе БЗНС — Постоянном присутствии — он уклонялся¹¹⁸. Угроза раскола в одной из ведущих партий ОФ глубоко беспокоила всех сторонников народно-демократической власти. 7 мая Георгий Димитров направил Петкову письмо, в котором предупреждал, что «поддержка им враждебных Отечественному фронту сил заставит коммунистов вступить с ним в борьбу»¹¹⁹.

Обращение западных союзников к СССР, требовавших отмены единых списков депутатов партий Отечественного фронта, проведения выборов под контролем трех великих держав, придавало смелость противникам Болгарской ра-

бочей партии (коммунистов) и ее сторонников, толкало их к открытой оппозиции Отечественному фронту.

Начало складывания буржуазной оппозиции руководимому БРП(к) Отечественному фронту открывало перед империалистическими державами возможность создания своей опоры в Болгарии, превращения ее в инструмент борьбы против демократической власти. Западные представители с самого начала пытались привлечь оппозиционно настроенных деятелей к осуществлению своих планов. М. Барнс предлагал подробно информировать их о действиях США и Англии, давать рекомендации о том, какую позицию занимать по тому или иному вопросу¹²⁰. Во второй половине мая, когда Н. Петков, по словам М. Исусова, был на «перепутье», М. Барнс информировал его об отношении США к правительству Болгарии. Болгарский исследователь полагает, что это, несомненно, повлияло на последующие действия Петкова¹²¹. И внешнеполитические службы империалистических держав, и постепенно все более обнаруживавшие себя противники БРП(к) и руководимого ею Отечественного фронта были заинтересованы в объединении усилий.

Не случайно уже первая открытая акция консолидировавшихся правых сил, направленная против Отечественного фронта, полностью соответствовала предпринятым ранее действиям империалистических держав. 6 июня был опубликован принятый Советом Министров при сотрудничестве всех партий ОФ закон о выборах, назначенных на 26 августа 1945 г. 13 июля обнародована избирательная платформа Отечественного фронта. Она предусматривала необходимость составления нового демократического законодательства, определяла задачи восстановления народного хозяйства, развития производительных сил и обеспечения болгарскому народу достойного места на международной арене¹²². Избирательный закон получил полное одобрение и поддержку широких народных масс. БЗНС подчеркивала, что «Закон о выборах в Народное собрание является верным отражением требований народа»¹²³. Члены союза «Звено» отмечали, что он «является верным предвестником того, что политическая жизнь в Болгарии находится на пути к демократизации»¹²⁴. «Единая платформа ОФ является историческим фактом,— писала «Работническо дело»,— над которым задумываются не только друзья, но и враги новой демократической Болгарии... Она дает объективный ответ на все нужды народа»¹²⁵.

Несмотря на то, что широкие массы поддерживали избирательный закон и платформу Отечественного фронта,

разработанные с согласия представителей БЗНС в правительстве и руководящих органах ОФ, Н. Петков обвинил правительство в нарушении демократических свобод. Он направил 16 июля президенту США письмо, в котором утверждал, что в Болгарии не обеспечена свобода выборов, просил установить за ними международный контроль и отложить выборы до организации подобного контроля. Письмо было переслано в Вашингтон секретно, без ведома СКК и правительства, членом которого он оставался¹²⁶. Эта первая враждебная акция, положившая начало действиям реакционной оппозиции в Болгарии, тесно связала ее с империалистическими державами. Пытаясь объяснить действия Н. Петкова, «Работническо дело» писала о нем: «У него всегда было две души — одна тянула вправо, другая влево. Очевидно, эволюцию Н. Петкова нельзя не связать с подъемом реакционных сил у нас и в других странах. Петков попал в плен реакции и он ведет свой корабль в ее гавань. Он покончил со своими колебаниями»¹²⁷.

Добиваясь отсрочки выборов и организации за ними международного контроля, Петков и его сторонники продолжали сотрудничать с партиями ОФ в правительстве и участвовать в избирательной кампании. Однако создание единых списков кандидатов партий ОФ, препятствующих планам Петкова, побудили его вновь попытаться создать предлог для вмешательства поддерживавших его сепаратистские действия западных держав. Единые списки кандидатов ОФ были опубликованы 27 июля. В них БЗНС имела столько же кандидатов, сколько и компартия — по 96, союз «Звено» — 47, БРСДП — 51, независимые — 6 кандидатов. За день до публикации списков текст тайного письма Петкова американскому президенту был повторен в послании Н. Петкова, Ас. Стамболийского и Г. Йорданова (правых лидеров БЗНС. — К. Ж.) Совету Министров Болгарии, Регентскому совету и СКК. Петков и его сторонники просили СКК согласиться на международный контроль за выборами и отсрочить их до организации такого контроля¹²⁸. По поводу этой акции «Работническо дело» писала: «Сегодня и слепому ясно, что во всех великих и малых державах борются два лагеря — лагерь свободы, демократии и социального прогресса и лагерь реакции... Н. Петков, под какой бы маской он ни скрывался, возглавляет у нас второй лагерь, лагерь темных сил и реакции»¹²⁹. Когда правительство отказалось отсрочить выборы, Н. Петков вышел в отставку и создал свою оппозиционную группу: БЗНС — НП (Никола Петков).

Правые лидеры в БРСДП во главе с К. Лулчевым также создали оппозиционную группировку — БРСДП(о).

Так в Болгарии при прямом участии представителей империалистических держав возникла оппозиция Отечественному фронту. Болгарская общественность была глубоко обеспокоена антиправительственными и антинародными действиями Н. Петкова и других противников единства Отечественного фронта. 25 июня Национальный комитет Отечественного фронта обратился к болгарскому народу с манифестом. В нем говорилось, что реакционные элементы распространяют слухи «о предстоящем создании с чужой помощью нового правительства». Выбор времени для атаки на Отечественный фронт не случаен. Определенные круги в Европе и Америке стремятся раздуть разногласия между тремя великими державами. Именно на «международную реакцию крупных картелей и трестов», — отмечалось в манифесте, опираются болгарские реакционеры, стремящиеся «ударить по Отечественному фронту именно сегодня, пока трудящиеся массы еще не почувствовали полностью благоприятные результаты хозяйственных мероприятий правительства»¹³⁰.

Общее требование болгарской оппозиции и империалистических держав, выдвинутое последними еще в апреле 1945 — до формирования оппозиции, о проведении выборов в Народное собрание под контролем трех держав-победительниц противоречило политике СССР в отношении Болгарии. Советский Союз стоял на страже демократических завоеваний болгарских трудящихся, рассматривал их в качестве главного свидетельства рождения новой Болгарии, не имевшей ничего общего с фашизмом и реакцией. СССР был удовлетворен выполнением этой страной соглашения о перемирии и считал, что деятельность правительства Отечественного фронта заслуживает поддержки. Как и в отношении экономики Румынии, Советское государство стремилось помочь восстановлению основных отраслей болгарской промышленности. В январе 1945 г., не дожидаясь заключения торгового соглашения, в Болгарию было переправлено 800 т хлопка¹³¹. 14 марта 1945 г. между СССР и Болгарией было заключено торговое соглашение, сыгравшее важную роль в восстановлении народного хозяйства этой страны. В соответствии с ним Болгария получала нефтепродукты, металл, химикаты, сельскохозяйственные машины и инвентарь и др.¹³² Это соглашение открыло широкие перспективы для создания длительных и прочных экономических связей между обеими странами. Оно обеспечивало и стабильный рынок

в СССР для продукции ряда отраслей болгарской экономики¹³³. Большое значение имела помощь, оказанная советскими воинами болгарским крестьянам во время весеннего сева¹³⁴.

Предпринятые в начале апреля 1945 г. попытки западных союзников вовлечь СССР в контроль за выборами в Болгарии вызвали немедленный отпор Советского правительства. Оно заявило 11 апреля американскому послу А. Гарриману, что нет необходимости в иностранном вмешательстве по поводу возможных выборов в Болгарии¹³⁵. Позиция СССР по вопросу о выборах была принципиальной и распространялась не только на те страны, где у власти находились дружественные Советскому Союзу правительства. В ответ на предложение У. Черчилля привлечь советских уполномоченных к наблюдению за выборами в Греции И. В. Сталин писал 4 мая, что международный контроль за выборами в союзном государстве «нельзя было бы рассматривать иначе, как оскорбление этого народа. Такой контроль является излишним в отношении бывших государств-сателлитов, объявивших потом войну Германии и ставших на сторону союзников»¹³⁶. 27 мая Советское правительство предложило западным союзникам восстановить с Болгарией, как и с Румынией, дипломатические отношения¹³⁷.

Несмотря на это, США и Англия не оставили надежд навязать СССР консультацию и добиться его согласия на организацию контроля за проведением выборов в Болгарии. В обращениях к Советскому правительству западные державы продолжали высказывать озабоченность «по поводу намечаемой избирательной процедуры и по поводу некоторых других политических событий в Болгарии»¹³⁸. Американский президент в письме к И. В. Сталину 19 июня вновь указал, что состояние государственных взаимоотношений трех союзников с Румынией и Болгарией не идентично и предложил обсудить этот вопрос на предстоящей встрече¹³⁹.

Это означало, что, несмотря на первую неудачу, госдепартамент и Форин оффис рассчитывали, как и в отношении Румынии, осуществить задуманный маневр на Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

БОРЬБА ПРОТИВ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ С ПОМОЩЬЮ ТРЕБОВАНИЯ ОБ ИХ „РЕОРГАНИЗАЦИИ“

**§ 1. Усиление антисоветских тенденций
в политике США и Англии в период окончания войны в Европе.
Выступление против Румынии и Болгарии
на Потсдамской конференции**

Поскольку в проведении политики в бывших вражеских государствах США и Англия были связаны необходимостью согласовывать свои действия с Советским Союзом, на их курс в отношении Болгарии и Румынии оказывало влияние общее состояние взаимоотношений между союзными державами. В свою очередь, политическая ситуация в двух восточноевропейских странах, успехи народно-демократической власти, укрепление сотрудничества между ними и СССР ужесточали отношение США и Великобритании к своему союзнику. Перед началом Потсдамской конференции разногласия между ведущими державами антигитлеровской коалиции охватили широкий круг международных проблем. Наиболее важными среди них были: послевоенное устройство Германии, создание польского правительства национального единства, восстановление государственности Австрии, зоны оккупации в этой стране и др. В правительствах США и Англии все более брали верх противники сотрудничества с СССР¹.

Особенно воинственно был настроен британский премьер-министр У. Черчилль. Уже в марте 1945 г., недовольный успехами демократических сил и компартий в европейских странах, он призывал к созданию как можно дальше на востоке фронта против «продвижения» Советской России². Имперскому генеральному штабу даже поручили изучить «возможности начать войну с Россией в случае, если в будущих переговорах с ней возникнут затруднения». Однако английские военные отвергли такую перспективу³. Советский посол в Англии Ф. Т. Гусев сообщал в мае о беседе с У. Черчиллем, который сказал, что если не удастся договориться о сотрудничестве трех великих держав (конечно, на основе западных концепций ре-

шения международных проблем), то «англо-американский мир будет противостоять советскому миру и трудно предвидеть возможные результаты»⁴. В правящих кругах Англии в этот период дискутировалась возможность создания западноевропейского блока, идея которого возникла еще в конце 1944 г. и преподносилась Советскому правительству как «средство против распада большой тройки»⁵. На самом же деле она была направлена на консолидацию враждебных СССР сил, что подтвердилось позднее, в связи с созданием НАТО.

Антисоветские выпады У. Черчилля привели советника американского президента, бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса к мысли о том, не собирается ли премьер-министр «теперь заявить перед всем миром, что он и Англия допустили ошибку, не поддержав Гитлера». «Насколько я его понял,— отмечал Дэвис,— он теперь высказывает ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и „разделять и властвовать“. Они делали точно такие же заключения и выводы, какие сейчас делает он»⁶. Из лексикона Геббельса был заимствован и термин «железный занавес», который Советский Союз якобы опустил над Восточной Европой, термин, употребленный Черчиллем в послании Трумэну 12 мая⁷.

Действуя в антисоветском русле, англичане вновь и вновь, особенно в связи с окончанием военных действий в Европе, пытались ограничить полномочия советского руководства СКК в Болгарии и Румынии и добиться для своих представителей статуса, равного статусу советских представителей. В Форин оффис рассматривался даже вопрос об отзыве британских военных представителей из этих стран⁸.

К открытой враждебности по отношению к СССР постепенно переходила и американская администрация. В документах внешней политики США содержится недатированный меморандум советника американского посольства в Москве Дж. Ф. Кеннана «Международное положение России к моменту завершения войны с Германией». Судя по названию, он составлен в мае 1945 г. С полным основанием его можно считать черновым наброском разработанной позднее Кеннаном известной «доктрины сдерживания». Рассматривая революционные события в Восточной Европе как «экспансию» Советского Союза, Кеннан утверждал, что ей способствуют «иллюзии» американской общественности, опасаящейся, что разрыв со-

трудничества с СССР неизбежно приведет к новой войне. Советник американского посольства полагал, что если западный мир откажет России в моральной и материальной поддержке, то ее позиции в Восточной Европе ослабнут. «Успешное восстание против Москвы в этих районах,— прогнозировал Кеннан,— может потрясти всю структуру Советской власти»⁹. Кеннан запугивал американцев советской угрозой, «стоящей у дверей и грозящей взорвать дом»¹⁰. Из меморандума можно было сделать вывод: чтобы поколебать Советскую власть в СССР, стимулировать антисоветские движения в Восточной Европе и «спасти» свой дом от «коммунистической опасности», необходимо прекратить сотрудничество с СССР.

Такие призывы раздавались не только из американского посольства в Москве. К этому призывали и американский военный представитель в СКК в Болгарии генерал-майор Дж. Крейн и американский представитель в СКК в Румынии К. Шилер. Не сумев добиться пересмотра процедуры работы Союзных контрольных комиссий и уравнивания в полномочиях представителей всех трех союзных держав, они предлагали прекратить сотрудничество в этих комиссиях¹¹.

Занять жесткую позицию в отношении СССР ради достижения своих политических целей в восточноевропейских странах призывали также политические представители США в Болгарии и Румынии. «Международное положение,— писал Мейнард Барнс через два месяца после капитуляции Германии,— наводит на мысль, что война в Европе не закончилась». Прежний фронт борьбы с Германией, по его мнению, сменился новым противостоянием между западными союзниками и СССР¹². Цинично сравнивая взаимоотношения союзников с игрой в покер, он писал в госдепартамент по поводу ситуации в Болгарии и Румынии: «Если мы откажемся использовать карты, которые идут нам в руку, мы потеряем право остаться в игре... сейчас наступил момент максимального сопротивления русским»¹³.

Стремление ужесточить политику в отношении СССР охватило и высшие эшелоны руководства США. Сменивший в апреле 1945 г. умершего Ф. Рузвельта новый американский президент Гарри Трумэн стал проявлять враждебность к СССР с первых дней пребывания у власти. Вскоре после инаугурации перед первой встречей с министром иностранных дел СССР Г. Трумэн созвал в Белом доме совещание, на котором высказался за пересмотр политики в отношении Советского Союза и отказ от компро-

миссов¹⁴. В день окончания войны, 8 мая, правительство США без предупреждения прекратило поставки Советскому Союзу по ленд-лизу¹⁵. Накануне Потсдамской конференции американский президент грозился «обломать рога русским», сделать их «ручными» в Европе¹⁶. Форсирование первого испытания атомной бомбы в преддверии конференции также было нацелено на подготовку весомого «козыря» в противоборстве с СССР. В советской историографии отмечается, что «жесткая» политика в отношении Советского Союза стала проводиться фактически уже с весны 1945 г.¹⁷

Правящие круги США и Англии готовили общественное мнение к тому, что предстоящая встреча в Потсдаме затронет вопросы политического положения Румынии и Болгарии. С этой целью в западной печати распространялись всевозможные слухи, предлогом для которых служили начавшиеся в соответствии с соглашениями о перемирии суды над военными преступниками и фашистами. Читателям внушалось, что в Болгарии преследуют людей за симпатии к Англии, что вкусившие в прошлом «демократических свобод» румыны стремятся к выборам, но им препятствует СКК, что болгарские крестьяне, «вдохновленные идеалом личной свободы», создают партизанские отряды и т. п.¹⁸

Однако массированная подготовка к оказанию на Потсдамской конференции давления на Советский Союз в связи с политикой союзников по антигитлеровской коалиции в Восточной Европе и, в частности, в Болгарии и Румынии, готовность подорвать сотрудничество с ним в решении международных проблем не означали, что во внешнеполитических органах и среди общественности западных держав не было лиц, которые видели опасность подобного курса и его бесперспективность. Советник президента США Дж. Дэвис 3 июля составил меморандум по вопросам, которые США были намерены поставить на Потсдамской конференции. Дж. Дэвис указывал, что СССР рассматривает положение в Болгарии и Румынии с точки зрения своей жизненной безопасности. Их территория неоднократно использовалась для агрессии из Европы. Советы хотя и вполне справедливо утверждал Дэвис, чтобы Румыния и Болгария были дружественными им странами и чтобы их правительства были прочными¹⁹. Одновременно Дэвис выражал сомнение в обоснованности ссылки на «Декларацию об освобожденной Европе» при выдвижении претензий к правительствам Болгарии и Румынии. Он подчеркивал, что толковать Декларацию мож-

но таким образом, что для консультации союзников должно быть единодушное согласие в том, что «обстоятельства этого требуют»²⁰.

Попытки восстановить общественное мнение в западных странах против СССР вызвали протест среди людей как близких к правительственным кругам, так и достаточно далеких от них. 28 мая американские газеты опубликовали статью «Боязнь союзников» Э. Рузвельт, супруги умершего президента. Она осуждала стремление вызвать враждебность к СССР и отмечала, что сторонники этого курса «боятся России и поэтому считают, что Германия не должна быть слишком ослаблена»²¹. На митинге, организованном в Нью-Йорке 31 мая Национальным советом американо-советской дружбы, его глава Смит заявил: «Советский Союз явно указал на свое желание видеть создание в европейских государствах правительств, имеющих как можно более широкую базу единства антифашистских элементов... Всем, за исключением слепых и злонамеренных людей, ясно, что Советский Союз — это сосед, на которого можно положиться. Он использует свой большой престиж и мощь для создания прочного мира, которому не сможет угрожать опасность агрессии»²². Как впоследствии показала августовская сессия палаты общин британского парламента, и в Англии многие политические деятели осуждали антисоветскую политику правящих кругов.

Собираясь провести на Потсдамской конференции «консультацию» по поводу политического положения в Болгарии и Румынии и под ее прикрытием нанести удар по правительствам и демократическим силам этих стран, западные союзники должны были разработать тактику действий на конференции. Еще 25 мая министр иностранных дел Великобритании А. Иден писал У. Черчиллю, что считает более перспективным, чем бороться за «улучшение статуса» западных представителей в СКК в Болгарии и Румынии или отозвать оттуда свои военные миссии, третий вариант — предложить скорейшее заключение мирных договоров с этими государствами²³. Прекращение работы руководимых советским командованием СКК, вывод из Болгарии и Румынии советских войск, возможность прямого давления на правительства этих стран и навязывания им своих требований, активизация антисоветских и антиправительственных элементов — вот на что надеялись в Лондоне, рассматривая перспективу быстрого заключения мирных договоров.

Предложение Советского правительства 27 мая восстановить дипломатические отношения с Болгарией, Румынией и некоторыми другими бывшими вражескими странами давало Форин оффис возможность поставить вопрос о мирных договорах. Однако, не зная мнения Вашингтона по этому вопросу, англичане воздерживались от задуманного. А. Иден писал, что до получения согласия американцев «мы не должны просто соглашаться на восстановление дипломатических отношений с этими странами, пока существует нынешняя система перемирия»²⁴.

Госдепартамент придерживался другой точки зрения. 30 июня для Г. Трумэна был подготовлен проект повестки дня Потсдамской конференции. В нем содержался раздел «Рекомендуемая политика по вопросу об установлении дипломатических отношений и заключении мирных договоров с бывшими вражескими государствами». Как указывалось в разделе, США не могли принять советскую концепцию, что нынешние режимы Болгарии и Румынии являют собой коалицию всех демократических групп и реально представляют народные массы и поэтому на них можно положиться в проведении свободных выборов²⁵. Английское предложение о заключении мирных договоров отвергалось.

Вместо этого в отношении Болгарии и Румынии госдепартамент рекомендовал «настаивать на реорганизации существующих правительств и скорейшем проведении общих свободных выборов как условия, предшествующем установлению дипломатических отношений и заключению мира»²⁶. При этом делалась ссылка на необходимость соблюдать положения Крымской декларации.

Следует отметить, что в отношении состава правительства Румынии западные союзники и ранее высказывали под различными предлогами свое недовольство. Правительство Отечественного фронта в тот момент включало представителей всех партий и даже лидеров, подобных Н. Петкову, и до этого официально на Западе не квалифицировалось как «непредставительное». Термин «реорганизация» звучал более сдержанно, чем требование об отставке правительства П. Грозы и создании нового, «представляющего все партии». В этом же документе говорилось о том, что госдепартамент подразумевал под термином «реорганизация»: «Мы не можем предоставить дипломатического признания таким режимам, как в Болгарии и Румынии, пока они не будут *фундаментально изменены* (Курсив наш. — К. Ж.)»²⁷, т. е. речь шла о полном изменении характера власти и правительств.

По вопросу о выборах госдепартамент предлагал трем союзникам «обдумать» помощь местным правительствам в их проведении²⁸. Это означало, что следовало перечеркнуть избирательную процедуру, разработанную болгарским правительством для выборов в Народное собрание, намеченных на 26 августа, разработать ее вновь под контролем великих держав, то есть при прямом участии США и Англии, и затем повторить маневр, когда выборы в парламент будут проводиться в Румынии.

Ознакомившись с этими предложениями, Форин оффис высказал сомнение в их успехе на конференции. Тем не менее англичане решили временно не настаивать на своей точке зрения. Английский посол в США лорд Э. Галифакс получил инструкцию заявить: «Мы считаем наши предложения единственно осуществимым курсом, и если американские предложения не достигнут результата, мы вернемся к своим предложениям»²⁹.

Требования о «реорганизации» болгарского и румынского правительств под предлогом соблюдения положений «Декларации об освобожденной Европе» ставили Лондон в чрезвычайно трудное положение из-за его политики в Греции, где находились английские войска. Империалистические державы не желали ставить вопрос об участии «всех партий и демократических групп» в правительстве этой страны (чего западные союзники добивались в отношении правительства П. Грозы с первых дней его существования). Великобритания делала все возможное, чтобы не допустить участия в греческом правительстве представителей компартии и Народно-освободительной армии (ЭЛАС). Речь шла отнюдь не о представительном правительстве, а, по словам У. Черчилля, только о «наиболее организованной правительственной машине», которая сможет сохранить «сносные условия» и провести «плебисцит или всеобщие выборы»³⁰. Представителям британского кабинета было трудно найти убедительный ответ на прозвучавший в палате общин вопрос, «применима ли к Греции Крымская декларация»³¹. В период Потсдамской конференции и самая лояльная буржуазная пресса признавала, что в Греции «нет даже видимости существования демократического правительства»³². На парламентских дебатах в августе 1945 г. новый британский министр иностранных дел Э. Бевин признал непредставительный характер греческого правительства. Тем не менее он полагал, что вопрос о выборах является прерогативой этого правительства³³.

На фоне подобной политики в Греции правящие круги Великобритании не могли выступать инициаторами приведения болгарского и румынского правительств «в соответствие» с положениями Крымской декларации путем их реорганизации и проведения «свободных» выборов под чужим контролем. Однако они были готовы поддержать американцев.

Потсдамская конференция начала свою работу 17 июля 1945 г. Ее повестка включала практически все крупные международные проблемы того времени. Тем не менее в первый же день работы конференции, едва успев огласить приветствие участникам конференции и объявить повестку дня, председательствовавший на заседании президент Г. Трумэн заявил, что союзники «должны согласиться с необходимостью немедленной реорганизации правительств Румынии и Болгарии», «должны быть немедленно проведены консультации для выработки необходимой процедуры, которая потребуется для реорганизации правительств». Только после этого может последовать дипломатическое признание их со стороны союзных держав и заключение соответствующих (мирных.— К. Ж.) договоров»³⁴. Не менее определенно высказался У. Черчилль: «Если будут созданы правительства, которые мы сможем признать, тогда мы и приступим к подготовке мирных переговоров с ними»³⁵. На конференции американская и английская делегации неоднократно подчеркивали: «Мы не можем восстановить дипломатических отношений с этими правительствами до тех пор, пока они не будут реорганизованы так, как мы считаем нужным (курсив наш.— К. Ж.)»³⁶. Западные союзники предложили также обсудить вопрос о проведении выборов в Болгарии и Румынии³⁷.

Советская делегация выступила на конференции подлинным защитником законных интересов всех народов бывших вражеских государств. Приветствуя стремление США и Англии начать работу над составлением мирного договора с Италией, она заявила, что в отношении других бывших сателлитов Германии «можно было бы начать с восстановления дипломатических отношений с ними. Могут возразить,— отмечали советские представители,— что там нет свободно избранных правительств. Но такого правительства нет и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены»³⁸. Борясь за снятие англо-американского требования о «реорганизации» румынского и болгарского правительств, за установление дипломатических отношений с ними, делегация СССР, как

свидетельствуют протоколы Потсдамской конференции, «настаивала на том, чтобы Болгария, Румыния, Венгрия и Финляндия в вопросе о вступлении в Организацию Объединенных Наций не были поставлены в худшие условия, чем Италия»³⁹. В то же время советская делегация противостояла попыткам империалистических держав воссоздать интернационализированный режим Дуная, контролируемый неприбрежными государствами, грозивший затронуть политическую и экономическую независимость Болгарии и Румынии⁴⁰. СССР выступил с инициативой проведения союзной политики облегчения экономического положения бывших вражеских государств⁴¹.

Задуманный госдепартаментом план добиться в ходе консультаций на конференции согласия СССР на «реорганизацию» правительств Болгарии и Румынии, проведения в этих странах контролируемых выборов провалился. И хотя и советское предложение восстановить с ними дипломатические отношения не было принято, восторжествовала советская точка зрения. В принятых в результате упорной борьбы решениях конференции ничего не говорилось о «реорганизации» правительств Болгарии и Румынии. Они отражали советское предложение, что правительства СССР, США и Англии «каждое в отдельности согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами»⁴². В соответствии с этим каждая союзная держава могла самостоятельно решать вопрос о дипломатических отношениях с бывшими вражескими государствами, что значительно ограничивало возможность шантажировать правительства Болгарии и Румынии.

Потерпели провал и попытки использовать необходимость заключения мирных договоров для давления на СССР и правительства Болгарии и Румынии. Конференция учредила Совет министров иностранных дел СССР, Китая, Франции, Великобритании и США (СМИД) «для проведения подготовительной работы по мирному урегулированию», на него возлагалось «составление мирных договоров»⁴³. Первое заседание Совета должно было состояться «не позднее 1 сентября 1945 г.»⁴⁴ Это решение свидетельствовало о том, что начало мирного урегулирования не зависело от признания правительств Болгарии и Румынии державами антигитлеровской коалиции.

Не дали ощутимых результатов и непрекращавшиеся старания США и Англии ревизовать статус СКК, чтобы устранить в них руководящую роль советских представителей. В связи с окончанием войны против Германии Советское правительство считало необходимым внести определенные коррективы в порядок работы комиссий, не изменяя в целом их статус. Предложение СССР, предусматривавшее, что директивы СКК после согласования с английскими и американскими представителями будут даваться местным властям ее председателем, было принято «в качестве базы» при предстоящем в будущем обсуждении работы СКК⁴⁵.

Советскими историками сделан вывод, что «на Потсдамской конференции правительства США и Англии не сумели добиться реализации тех целей, которые они наметили в процессе подготовки к ней. Это произошло потому, что западные державы переоценили свои силы и в ходе конференции были вынуждены менять тактику, ибо натолкнулись на твердую и последовательную позицию Советского Союза по всем международным проблемам послевоенного времени, и в частности в защите интересов народно-демократических государств»⁴⁶. Кроме того, позиция США в отношении СССР на конференции определялась тем, что они были заинтересованы в завершении с наименьшими жертвами войны с Японией, что нельзя было осуществить без помощи СССР. После завершения военных действий в Европе западные союзники не могли в короткий срок резко перейти от сотрудничества с Советским Союзом к разрыву отношений с ним. Народы требовали дружбы с ним. «Как никогда прежде,— отмечается в советской историографии,— был велик международный авторитет Советского государства, как никогда была велика его мощь»⁴⁷.

§ 2. Роль империалистических держав в углублении политического кризиса в Болгарии и Румынии летом 1945 г.

Результатов Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Англии ожидали в восточноевропейских странах с большим нетерпением. Если оппозиционные реакционные круги в Болгарии и Румынии желали увидеть в них осуждение правительств, то сторонники народной власти рассчитывали на поддержку демократических завоеваний в этих странах. Итоговые документы конференции, созданные на основе или с учетом позиции

СССР и не допускавшие вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран, соответствовали главным интересам народов Болгарии и Румынии. «Берлинские решения укрепляют уверенность народных масс в правильности политики Отечественного фронта»,— писала «Работническое дело»⁴⁸. В Румынии отмечалось, что не оправдались «надежды реакционеров на разрыв между великими союзниками», и выражалось убеждение, что демократические преобразования будут продолжены⁴⁹.

Но империалистические державы не считали, что вопросы о «реорганизации» правительств Болгарии и Румынии и проведении контролируемых выборов сняты с повестки дня. Сразу же после завершения Потсдамской конференции руководящие круги США и Англии развернули масштабное наступление на эти правительства. 9 августа, излагая итоги конференции, президент Г. Трумэн впервые открыто перед мировой общественностью заявил, что США не желают устанавливать дипломатические отношения с Болгарией и Румынией, пока правительства этих стран не будут «реорганизованы» и не проведут «свободные» выборы. Это заявление Трумэна было передано через радиостанцию «Голос Америки» на Болгарию и Румынию и должно было, по словам американского представителя в Софии, «подлить масла в огонь» политического противоборства в двух странах⁵⁰. С требованием о «реорганизации» болгарского и румынского правительств 18 августа выступил госсекретарь США Джеймс Бирнс. Демократически настроенная американская газета «П. М.» охарактеризовала его заявление как свидетельство «весьма консервативной политики»⁵¹.

В августе в Англии проходила очередная сессия палаты общин, которая использовалась в качестве трибуны для обвинений болгарского и румынского правительств. Выступая 20 августа, Э. Бевин, министр иностранных дел Великобритании, выразил неудовлетворение положением в Болгарии и Румынии. Э. Бевин подчеркнул, что это положение не соответствует его пониманию демократии. Его поддержал и коллега в ушедшем в отставку кабинете консерваторов А. Иден, прямо заявивший, что Болгария «не является одной из тех стран, в отношении которых мы имеем повод питать нежные чувства... Выборы в Болгарии нельзя охарактеризовать как свободные»⁵². В связи с нападками на правительства Болгарии и Румынии газета американских коммунистов «Дейли уоркер» писала, что эти «угрозы представляют собой шантаж»⁵³. В буржуаз-

ной прессе вновь прошла волна антиболгарской и антирумынской кампании.

Официально провозглашенное требование к болгарскому и румынскому правительствам было частью новой тактики, разработанной госдепартаментом ввиду неудачи в Потсдаме. В Вашингтоне не потеряли надежды добиться в будущем консультации с СССР о «реорганизации» болгарского и румынского правительств и проведении контролируемых выборов. Там полагали, что для того, чтобы сломить упорство Советского Союза, его надо поставить в безвыходное положение. Такое положение мог создать глубокий политический кризис в Болгарии и Румынии, преодолеть который правительства этих стран не смогли бы. Спровоцировать такой кризис должны были противники народно-демократической власти и компартий, опираясь и ссылаясь на заявления руководителей США и Великобритании.

Империалистическим державам приходилось торопиться. Еще в конце июня М. Барнс предупреждал из Софии: «Нам остается мало времени до выборов, чтобы внести вклад в построение политического будущего этой страны»⁵⁴. Уже после Потсдамской конференции заместитель американского представителя в Бухаресте Рой Мельбурн писал в госдепартамент, что «если вскоре не будут сделаны значительные изменения в правительстве», все «надежды на реализацию американской позиции будут безвозвратно утеряны»⁵⁵.

Новая тактика потребовала несколько изменить прежний план, сводившийся к следующему: США и Англия в результате консультаций с СССР добиваются «реорганизации» правительств Болгарии и Румынии, оппозиция, активно демонстрирующая заботу о «нарушаемых» демократических правах и свободах, принимает бразды правления из рук западных покровителей. В новых условиях, уже не заботясь, как ранее, о том, что антиправительственные и антисоветские действия оппозиции в Болгарии и Румынии приведут к ее ликвидации, госдепартамент рекомендовал своим представителям в этих странах всячески подталкивать подопечных к провоцированию политического кризиса. Государственный секретарь США Дж. Бирнс писал 11 августа Р. Мельбурну, что в беседах с представителями оппозиции можно «дать понять в общих чертах, что наше правительство надеется увидеть в Румынии представительный режим, установленный усилиями самих румын, а если необходимо — с помощью трех союзных правительств»⁵⁶. Теперь основной упор делается на действия самой оппози-

ции по свержению правительства, новые требования западных держав о консультации с СССР должны были последовать за ними.

Летом 1945 г. болгарская и румынская оппозиция была послушным орудием осуществления этих замыслов империалистических держав. Пока шла Потсдамская конференция, лидеры оппозиции в Болгарии и Румынии подбрасывали американской и английской делегациям «доказательства» нарушения политических свобод в своих странах. Чтобы подкрепить их требования о «реорганизации» болгарского и румынского правительств, Ю. Маниу направил письма И. В. Сталину и Г. Трумэну. В первом, искажив реальное положение, он высказал надежду, что переговоры трех великих держав «приведут к установлению свобод, которые сегодня не соблюдаются в нашей стране, и созданию правительства концентрации всех демократических сил, которое проведет свободные выборы»⁵⁷. В послании к Трумэну Ю. Маниу, повторяя эти слова, льстиво добавил, что новое правительство «обеспечит уважение великих демократических идеалов, ради которых американская армия отправилась (во время войны.— К. Ж.) за тридевять земель». Тем самым он указал, что правительство будет осуществлять буржуазные идеалы⁵⁸. Болгарские противники Отечественного фронта обратились к Потсдамской конференции с просьбой отложить выборы⁵⁹.

Чувствуя поддержку империалистических держав, румынские и болгарские оппозиционеры стали готовиться к решительным действиям еще до того, как получили прямое указание из Вашингтона и Лондона. В период работы Потсдамской конференции Ю. Маниу и Д. Брэтиану постоянно выступали с требованиями об отставке кабинета П. Грозы. Они убеждали короля, что, учитывая международное положение, надо создать новое правительство и в этом двор должен взять инициативу на себя⁶⁰. 4 августа, сразу же после завершения Потсдамской конференции, была принята резолюция НЦП. В ней говорилось: «Время не ждет и требует, чтобы кто-нибудь предпринял первые шаги к изменению»⁶¹. 7 августа румынские оппозиционеры ознакомили американских представителей со своим планом действий. Как и западные дипломаты, они считали, что время для эффективных действий ограничено и что «консолидировать свои силы и сбросить правительство П. Грозы» следует до начала Лондонской сессии министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая, намеченной на 1 сентября 1945 г.⁶² Заодно с Маниу и Брэтиану выступал Т. Петреску, претендовавший на то,

что социал-демократическая партия, а по сути ее правая группировка, «имеет историческую миссию дать стране новую ориентацию»⁶³. Т. Петреску заявил Р. Мельбурну, что, «хотя его партия номинально является членом НДФ, она считает невозможным участвовать в правительстве, в котором доминируют коммунисты». План оппозиционеров предусматривал активные действия короля, которому предстояло «созвать трех глав (?) СКК и осведомиться у каждого из них, удовлетворен ли он в свете Потсдамской декларации существующим правительством или желает, чтобы король произвел изменения»⁶⁴.

В Болгарии, как уже отмечалось, в конце июля Н. Петков подал в отставку с поста министра без портфеля и начал формировать официальную оппозицию Отечественному фронту. Оппозиция выступила 29 июля со своим списком кандидатов на выборах в Народное собрание, включавшим некоторых членов правительства. Газета верных Отечественному фронту земледельцев писала в связи с этим, что «вопреки слухам стало ясно, что оппозиции не только гарантирована свобода действий перед выборами, но и сохранены министерские портфели»⁶⁵. Следует отметить, что требований о «реорганизации» или отставке правительства Отечественного фронта болгарская оппозиция в тот период не выдвигала.

Можно считать, что генеральное совместное наступление империалистических держав и внутренней реакционной болгарской и румынской оппозиции началось с упомянутого выступления американского президента 9 августа, в котором впервые открыто прозвучало требование о «реорганизации» румынского и болгарского правительств. Дж. Бирнс настойчиво рекомендовал подталкивать оппозицию к более решительным действиям. В соответствии с этим представитель американской политической миссии в Румынии Р. Мельбурн 14 августа провел беседу с королем, а затем с Маниу и Брэтиану. Румынскому монарху было прямо заявлено, что правительство США «надеется, что более представительный режим, с которым можно будет установить дипломатические отношения, будет создан непосредственно усилиями румын... Только в случае необходимости госдепартамент попросит помощи союзных держав»⁶⁶. Этим двору и оппозиции было прямо указано на необходимость проведения антиправительственных акций, на что Михай немедленно согласился. Выразив удовлетворение американской позицией, он сказал, что начнет действовать, как только соответствующие «политические силы объединятся в требовании о создании более предста-

вительного правительства». Более того, «объединение» этих политических сил и организацию их обращения к монарху Михай возложил на самого Мельбуерна, которого «просил изложить американское мнение ответственным политическим лидерам, с тем чтобы те, в свою очередь, попросили у него аудиенции для обсуждения возможной тактики». Выполнить просьбу Михая и информировать К. Вишоюну, Б. Штирбея, Ю. Маниу, Д. Брэтиану и Т. Петреску не представляло никакого труда для Мельбуерна, так как, по его признанию, «эти лидеры поддерживали ежедневные контакты с миссией» США⁶⁷.

Совместные действия внутренней реакции и внешнеполитических ведомств западных держав были детально разработаны. После продолжавшихся требований оппозиции об отставке правительства 17 августа удар нанес госдепартамент. В этот день Р. Мельбурн направил МИД Румынии вербальную ноту. В ней указывалось, что если правительство П. Грозы не будет реорганизовано, то США не подпишут мирный договор с Румынией. Действуя подобным образом, заместитель американского политического представителя в Румынии Р. Мельбурн преднамеренно нарушил установленный соглашением о перемирии порядок сношений с правительствами бывших вражеских государств, предусматривавший, что в отсутствие дипломатических отношений эти сношения могут идти только через СКК. С этих пор госдепартамент, Форин оффис и их представители более не соблюдали указанное положение. Воспользовавшись рассчитанным заранее отказом румынского правительства принять ноту, США и присоединившаяся к ним Англия адресовали свои ноты королю Михая⁶⁸.

Как и было задумано на совместных заседаниях лидеров оппозиции, монарха и американских представителей, король 20 августа потребовал отставки правительства НДФ. Это мотивировалось тем, что США «не считают возможным признать правительство П. Грозы, и оно не сможет представлять Румынию на подготовительных мирных конференциях»⁶⁹. Одновременно в доме Б. Штирбея проходили совещания, на которых Ю. Маниу, Д. Брэтиану, Т. Петреску, Гр. Никулеску-Бузешть обсуждали различные варианты замены правительства НДФ. Как и в марте 1945 г., вновь было решено создать правительство во главе с Б. Штирбеем⁷⁰.

21 августа стал днем решающего наступления на правительство П. Грозы. По замыслам правящих кругов империалистических держав и оппозиции, события этого дня

должны были круто изменить судьбу Румынии. В этот день после очередной встречи с главой американской военной миссии при СКК генералом Шилером король передал заместителю председателя СКК в Румынии генерал-полковнику И. З. Сусайкову письмо с просьбой о помощи и совете трех великих держав в деле «реорганизации» правительства на более широкой основе. Затем тому же Шилеру он передал подробности встречи с Сусайковым⁷¹. К. Шилер сразу же направил И. З. Сусайкову письмо с категорическим требованием созвать совещание СКК в тот же день не позднее 15 часов, на котором собирался поставить вопрос «о немедленной отставке правительства П. Грозы». Одновременно К. Шилер и Р. Мельбурн пригласили в американскую миссию Д. Брэтиану и других оппозиционных лидеров и наставляли их не интерпретировать публично действия короля «как враждебные» Советскому Союзу, избегать всяких демонстраций, собраний и других акций, чтобы не создавать повода для действий со стороны правительства и Советской Армии⁷². В соответствии с этим указанием Маниу немедленно отложил партийный митинг⁷³. Шилер успел пригласить на беседу и приближенного короля С. Рэдулеску, чтобы подробнее выяснить позицию монарха⁷⁴.

В тот же день, 21 августа, государственный секретарь США Дж. Бирнс направил правительствам СССР и Великобритании идентичные ноты. В них указывалось, что правительство США «готово проконсультироваться относительно ситуации в Румынии с правительствами Великобритании и СССР о мерах, необходимых для исполнения обязанностей», подразумевавшихся в «Декларации об освобожденной Европе». В ноте подчеркивалось, что «эта консультация должна произойти как можно скорее», и выражалась надежда, что «представителям в СКК будут посланы инструкции воздерживаться от действий, которые могут усложнить ситуацию»⁷⁵.

Румынская оппозиция была уверена, что в результате нот США и Великобритании и обращения монарха к главам трех держав антигитлеровской коалиции судьба правительства П. Грозы предрешена. Михай отказался поддерживать связь с правительством, утверждать его указы, что должно было создавать видимость неконституционности предпринимаемых правительством действий⁷⁶. Так возник политический кризис в Румынии, нацеленный на то, чтобы оказать давление на СССР и заставить его, наконец, согласиться на «реорганизацию» правительства НДФ.

В событиях августа 1945 г. в Болгарии, приведших к политическому кризису и в этой стране, также нетрудно увидеть взаимодействие противников Отечественного фронта с правящими кругами США и Англии. В начале этого месяца покинувший ранее правительство Н. Петков и его сторонники участвовали в избирательной кампании, выдвинув свой список кандидатов. Правительство официально заявило о предоставлении оппозиции полной свободы созывать собрания и печатать избирательные материалы⁷⁷. Подобные действия оппозиционеров не удовлетворяли внешнеполитические ведомства империалистических держав. Чтобы подтолкнуть противников Отечественного фронта к более активным действиям, М. Барнс рекомендовал 4 августа своему правительству «открыто заявить и разъяснить каждому болгарину, что США не намерены заключать мир с правительством меньшинства»⁷⁸ (хотя отставка Н. Петкова не давала никаких оснований рассматривать болгарское правительство как правительство меньшинства). Правительство США 13 августа в специальной ноте болгарскому правительству, также минуя СКК, выразило отрицательное отношение к предстоящим выборам⁷⁹.

Толчок был дан. Не случайно уже на следующий день, 14 августа, Н. Петков, один из представителей БРСДП в правительстве Гр. Чешмеджиев, министр от союза «Звено» П. Стоянов направили письмо регентам. В нем сообщалось, что они решили снять свои кандидатуры из избирательных списков ОФ в связи с тем, что выборы «опорочены»⁸⁰. В тот же день министры Гр. Чешмеджиев, П. Стоянов, А. Павлов и А. Держанский (от БЗНС) заявили Председателю Совета Министров, что уйдут в отставку, если выборы не будут отложены⁸¹. После отказа ОФ принять их требования эта группа министров 17 августа покинула правительство⁸². Оформление оппозиции Отечественному фронту завершилось. Во главе ее стояли ушедшие в отставку министры БЗНС, БРСДП, союза «Звено», Н. Петков, полностью дискредитировавший себя к этому времени деятель БРСДП Кр. Пастухов, а также руководитель правой группировки в этой партии К. Лулчев. «7 человек, — писала газета «Земеделско знаме», — выступили перед всей болгарской общественностью, чтобы запугать ее иностранным вмешательством. 7 человек поднялись против всего народа в самое трагичное для него время»⁸³.

Не потребовалось много времени, чтобы подлинные цели отставки четырех министров обнаружили себя. На сле-

дующий же день после этой акции оппозиционеров, 18 августа, государственный секретарь США Дж. Бирнс выступил с заявлением. Он отметил, что не считает «существующее временное болгарское правительство должным образом представляющим важные демократические элементы» и способным провести свободные выборы. Бирнс выразил желание США установить дипломатические отношения и заключить мирный договор с правительством, которое «представляло бы все важные элементы демократического мнения и организовало свободные и беспрепятственные выборы»⁸⁴. Как уже указывалось, 20 августа аналогичное заявление сделал в палате общин Э. Бевин.

Надо отметить, что отставка четырех министров не изменила представительного характера болгарского правительства, так как оно продолжало включать в себя министров от БЗНС, БРСДП, союза «Звено». Требование двух могущественных империалистических держав вернуть в правительство только что по собственному желанию ушедших в отставку представителей оппозиции означало, что правительство должно было принять их условия возвращения. А противоречия между правительством и оппозицией затрагивали кардинальные вопросы политического развития Болгарии — избирательный закон (кстати, разработанный при участии обеих сторон), соотношение сил в правительстве и руководстве Отечественного фронта. «Работническо дело» указывала, что оппозиционеры стремятся изолировать коммунистов, создать правительство без них. «Отечественный фронт,— писала газета,— не может существовать без тех, кто вынес на своих плечах народное восстание 9 сентября... кто ревностно боролся за полное и последовательное осуществление его программы... Создать правительство без коммунистов означает против коммунистов, против рабочего класса, против громадной части крестьян, армии, интеллигенции»⁸⁵.

Небезынтересно и то, что акция оппозиционеров, подталкиваемых американскими и английскими представителями, была предпринята уже после заявления США и Англии на Потсдамской конференции о необходимости «реорганизации» болгарского правительства.

21 и 24 августа США и Великобритания направили болгарскому правительству новые ноты по поводу выборов. В ноте Великобритании говорилось, что проведение выборов будет «большим несчастьем для Болгарии», поскольку западные державы не смогут признать правительство, которое возникнет в результате этих выборов, и заключить с ним мирный договор⁸⁶. Так же, как и в Румы-

нии, американский военный представитель США в Болгарии генерал Дж. Крейн 23 августа направил письмо исполняющему обязанности главы СКК генерал-полковнику С. С. Бирюзову. В нем требовалось отложить выборы, пока Союзная комиссия «не придет к соглашению о средствах по обеспечению свободы их проведения»⁸⁷.

Так объединенными усилиями империалистических держав и противников БРП(к) в Болгарии также был создан политический кризис. Эти силы рассчитывали на отставку правительства Отечественного фронта, которое будет вынуждено признать свою неспособность без участия оппозиции провести выборы в Народное собрание и удовлетворить требования двух держав-победительниц.

В такой критический момент для судеб болгарского и румынского народов решающее значение имела позиция СССР. Убеждение Советского правительства, что государственный строй Болгарии и Румынии является демократическим и соответствует требованиям, согласованным с союзниками в условиях о перемирии и на Крымской конференции, оставалось неизменным, несмотря на все маневры империалистических держав и реакционной оппозиции в этих странах. В условиях спровоцированного противниками народной власти политического кризиса в Болгарии и Румынии, целью которого было свержение демократических правительств, трудно переоценить значение установления дипломатических отношений между этими странами и Советским Союзом. Соответствующая советская нота была передана 6 августа П. Грозе⁸⁸, а 14 августа об этом было уведомлено болгарское правительство⁸⁹. «Скынтейа» писала, что решение Советского правительства свидетельствует о том, «как высоко Советский Союз оценивает акт 23 августа 1944 г... Это доверие румынский народ завоевал благодаря подлинно демократической политике, которая проводится с 6 марта 1945 г.»⁹⁰ «Весь народ с глубоким чувством разделяет успех нашего правительства», — отмечала «Тимпул»⁹¹. Болгарские газеты рассматривали установление дипломатических отношений с СССР как «большой успех политики правительства Отечественного фронта», достигнутый «вопреки враждебности реакционных сил и клеветнических доносов оппозиции Н. Петкова»⁹². А. Наков сделал справедливый вывод, что восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом обрекало на провал принятую правительствами США и Англии политику⁹³.

Решительную поддержку правительствам Болгарии и Румынии оказал СССР через Союзные контрольные ко-

миссии, которые западные союзники стремились превратить в орган по надзору за «реорганизацией» правительств, Совещания СКК в Румынии и Болгарии, которых столь упорно добивались американские и английские представители, состоялись 23 августа. Как сообщали в госдепартамент американские представители, генерал И. З. Сусайков на совещании указал, что осложнения в Румынии возникли из-за действий представителей США и Великобритании. Им было заявлено, что Советское правительство отказывается поддержать требование об отставке правительства П. Грозы⁹⁴.

Английские и американские военные представители оказались в сложном положении. Им пришлось выкручиваться, прибегая к явной лжи. В один голос британский маршал военно-воздушных сил Д. Ф. Стивенсон и американский генерал К. Шилер заявили, что их деятельность ограничивалась передачей своим правительствам послания короля и информацией политических лидеров о позиции их стран, которая была объявлена публично и не составляла секрета. Твердая и обоснованная позиция советских представителей не позволила Шилеру и Стивенсону поставить вопрос о том, чтобы СКК потребовала отставки правительства П. Грозы⁹⁵.

В тот же день в Бухаресте состоялось празднование годовщины восстания 23 августа, на котором присутствовали советские члены СКК, представители Франции, Югославии, Турции, Швеции, Италии, Ватикана. Состоялись митинг и демонстрация трудящихся. «23 августа,— писала «Ромыния либерэ»,— явился днем самого полного единства, мощной демонстрацией силы демократического государства»⁹⁶. «Оно еще раз показало,— отмечала «Фронтул плугарилор»,— что между правительством и народом существует неразрывная связь»⁹⁷.

По-иному сложились события в Болгарии. Здесь тоже 23 августа состоялось совещание СКК. На нем присутствовали не только военные представители США и Великобритании — генерал-майор Дж. Крейн и генерал-майор В. И. Оксли, но и политические — М. Барнс и В. Хаустон-Босуэл. В ходе бурной дискуссии Барнс ультимативно потребовал принять решение СКК об отсрочке выборов. По свидетельству одного из советских представителей — генерал-лейтенанта А. И. Черепанова, Барнс «напирал» на Бирюзова: «Вы, генерал, должны считаться с письмом нашего правительства». Когда же Бирюзов заметил, что письмо было направлено не в СКК, а болгарскому правительству, Барнс потребовал ответа — «Как вы на него

реагировали?» Ответ был лаконичным: «Наложил резолюцию: „К сведению“». Английский дипломат В. Хаустон-Босуэл пытался убедить членов СКК, что в Болгарии не обеспечена свобода выборов и что на основании соглашения о перемирии комиссия уполномочена их отсрочить. В ходе длительной, затянувшейся до 5 часов утра дискуссии советские представители отстаивали мнение, что решение о сроках проведения выборов и их процедуре является прерогативой болгарского правительства⁹⁸.

Со своей стороны болгарское правительство, как отмечалось в декларации Национального комитета ОФ, было озабочено перспективами заключения мирного договора, поскольку для этого были «недостаточны сами по себе результаты выборов, а необходимо и признание этих результатов тремя великими державами». «Высшие интересы страны» требовали учесть позицию, занятую США и Великобританией⁹⁹. Поэтому 24 августа болгарское правительство обратилось к генерал-полковнику С. С. Бирюзову с нотой. В ней отмечалось, что оно отнеслось с большой серьезностью к заявлениям Дж. Бирнса и Э. Бевина. В ноте указывалось: «Если и СКК считает отсрочку выборов вкладом в скорейшее заключение мира, болгарское правительство заявляет, что оно готово отсрочить выборы»¹⁰⁰. Получив ответ, что СКК считает возможным рекомендовать отложить выборы, болгарское правительство объявило об их отсрочке¹⁰¹.

Уступка, сделанная болгарским правительством, не изменила ни характера правительства и государственной власти, ни положений избирательного закона, не шла навстречу требованиям о международном контроле за выборами. «Это решение,— писала газета «Отечествен фронт»,— не имеет ничего общего с вождедениями и планами реакционных кругов»¹⁰². Глава болгарского правительства К. Георгиев заявил, что его правительство приняло решение, «желая поддержать дружественные отношения и связи со всеми государствами и ускорить заключение мирных договоров. Это является истинной и единственной причиной перенесения срока выборов»¹⁰³.

25 августа состоялось заседание Национального Комитета Отечественного фронта. На нем были отмечены координация действий между оппозиционными группами и представителями США и Англии, отсутствие у оппозиционных сил самостоятельности. Выступавший с докладом Тр. Костов подчеркнул, что «Советский Союз упорно защищал Отечественный фронт и принцип невмешательства...»¹⁰⁴.

Политический кризис в стране, выход из Отечественного фронта оппозиционных группировок, принятое под давлением США и Англии решение отсрочить выборы осложнили деятельность правительства Отечественного фронта. Но благодаря тесным связям с народными массами, авторитету, завоеванному демократической политикой, поддержке СССР, позиции правительства не были поколеблены. «После первого момента недоумения и огорчения, вызываемых неожиданной отсрочкой выборов,— писала газета «Отечествен фронт»,— народ снова воспрял духом и бодро смотрит в будущее, творцом которого является он сам. Болгарский народ безусловно верен своему союзу — Отечественному фронту — и преисполнен доверия к своему правительству»¹⁰⁵.

Если от болгарского правительства империалистическим державам все же удалось добиться некоторых уступок, не имевших, правда, далеко идущих последствий, то в Румынии не было достигнуто даже этого. Несмотря на действия короля, прекратившего все связи с правительством, и ноты империалистических держав, румынское правительство отказывалось рассматривать требования оппозиции и объявило о решении «оставаться на своем посту, чтобы завершить дело, начатое 6 марта»¹⁰⁶. Это означало стремление демократических сил проводить прежнюю политику. На заседании Совета Министров 24 августа П. Гроза заявил, что правительство не намерено уходить в отставку, а собирается заниматься повседневными проблемами — борьбой со спекуляцией, с саботажем, всем, что создает осложнения в экономической жизни¹⁰⁷. Хотя «королевская забастовка» осложняла деятельность правительства, а оппозиция шантажировала и запугивала сторонников НДФ санкциями великих держав-победительниц, правительство прочно сохраняло в своих руках руководство страной.

Подводя итог событиям, происшедшим в Румынии, советская пресса писала, что обращение короля Михая к главам трех союзных держав, нацеленное на создание политического кризиса в стране, было инспирировано Вашингтоном и Лондоном. Вновь подтверждалось мнение советского руководства, что «политика правительства П. Грозы идет в направлении, предусмотренном известной „Декларацией об освобожденной Европе“»¹⁰⁸.

Так новая попытка империалистических держав добиться отстранения от власти правительств Болгарии и Румынии и создания международного контроля за выборами в этих государствах потерпела неудачу. Расхожде-

ния между союзниками по антигитлеровской коалиции в оценке существовавшего в этих странах строя были преданы гласности, конфликт стал открытым.

§ 3. Укрепление позиций демократических сил в Болгарии и Румынии.

Итоги Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г.

Не сумев в августе 1945 г. добиться отставки демократических правительств Болгарии и Румынии как немедленного результата спровоцированного политического кризиса в этих странах, империалистические державы были намерены поставить вопрос о правительствах этих стран на предстоящей в сентябре Лондонской сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая.

Предвидя отказ СССР обсуждать вопрос о румынском правительстве в СКК или на специальных консультациях, британский Форин оффис 22 августа предложил обратиться к нему на Лондонской сессии СМВД¹⁰⁹. Надо отметить, что в тот период англичане занимали более осторожную, чем американцы, позицию в отношении двух восточноевропейских стран. Это объяснялось, во-первых, издержками британской политики в Греции, а во-вторых, предпочтением, которое Лондон отдавал курсу на скорейшее заключение мирных договоров. Поэтому, поддерживая в целом политику США, Великобритания нередко уклонялась от таких политических акций, которые могли бы окончательно испортить отношения с СССР. Например, в то время как американские представители давали ежедневные инструкции румынской оппозиции и королю, англичане порой предпочитали отделяться молчанием. Такое имело место, когда король, прежде чем потребовать отставки правительства П. Грозы, обратился к ним за советом¹¹⁰.

Кроме того, по мнению англичан, обсуждение проблемы болгарского и румынского правительств в Лондоне сделало бы ненужной специальную консультацию с СССР. Не случайно Лондон полагал, что «время для обращения румынского короля к главам трех союзных правительств было выбрано неудачно, обращение могло быть более эффективным, если бы совпало с сессией СМВД»¹¹¹. Американцы также были намерены использовать Лондонскую сессию в своих интересах. Они полагали, что решения сес-

сии приведут к тому, «что три союзных правительства поддержат просьбу короля об отставке правительства П. Грозы»¹¹². Англичане поддержали американский план.

Позиция в отношении болгарского правительства была сформулирована позднее. Н. Петков 15 сентября встретился с представителем ОФ и передал свои требования, которые ясно показали, чего на самом деле добивалась оппозиция, настаивая на отсрочке выборов: передачи БЗНС-НП поста премьер-министра, ухода коммунистов из министерства внутренних дел, изгнания из Отечественного фронта и правительства участвовавших в них членов БЗНС во главе с А. Оббовым и социал-демократической партии во главе с Д. Нейковым, проведения амнистии членов последнего болгарского правительства периода фашистского правления, отмены избирательного закона и восстановления избирательных прав, предусмотренных в Тырновской конституции. В соответствии с ее положениями следовало повысить возрастной ценз для активного избирательного права с 19 до 21 года, а пассивного — с 23 до 30 лет, лишить избирательного права военнослужащих и милиционеров, отменить положение избирательного закона о праве Народного собрания лишать депутатских мандатов тех, кто изменил программе, на основе которой был избран¹¹³.

Американский политический представитель в Болгарии М. Барнс, несмотря на то, что находился в Лондоне, куда выехал на сессию СМВД, ознакомился с этими требованиями 14 сентября, т. е. раньше, чем они были переданы Отечественному фронту. Требования болгарской оппозиции вполне соответствовали намерениям Вашингтона и Лондона добиваться «реорганизации» правительства. На основе требований, предъявленных Н. Петковым Отечественному фронту, М. Барнс разработал рекомендацию госдепартаменту о позиции в отношении болгарского правительства¹¹⁴. С сентября 1945 г. переход поста премьер-министра к оппозиционерам, передача коммунистами портфелей министров внутренних дел и юстиции другим партиям, амнистия членов фашистского правительства, восстановление буржуазной конституции стали основой требований болгарской оппозиции и империалистических держав по «реорганизации» правительства ОФ.

Таким образом, на Лондонской сессии СМВД, ссылаясь на события, происшедшие в Румынии и Болгарии, западные державы были намерены добиваться «реорганизации» болгарского правительства и отставки кабинета П. Грозы. Последнее отличалось от того, чего требова-

ли США и Великобритания в отношении Румынии на Потсдамской конференции. В связи с тем, что министры иностранных дел союзных держав должны были приступить в Лондоне к разработке мирных договоров, отказ США и Англии заключить мирные договоры с непризнанными правительствами Болгарии и Румынии звучал особенно угрожающе.

Лондонская сессия Совета министров иностранных дел пяти великих держав открылась 11 сентября. Инициативу наступления на демократические правительства Болгарии и Румынии вновь взяли на себя США. Их предложения по составлению мирных договоров с этими странами сопровождала оговорка об отказе «вести переговоры о заключении мира», пока там не будут установлены «широко представительные правительства»¹¹⁵.

Когда началось обсуждение договора с Румынией, госсекретарь США Дж. Бирнс вновь поставил вопрос о представительности румынского правительства¹¹⁶. Позиция американской делегации и поддержавших ее англичан препятствовала решению непосредственных задач СМВД по составлению мирных договоров.

В таких условиях советские представители еще раз отвергли попытки добиться отстранения от власти румынского и болгарского правительств. «Неужели из-за того, что американскому правительству не нравится нынешнее правительство Румынии, нужно его свалить и навязать другое правительство, которое будет недружественным к Советскому Союзу? В таком деле мы не можем быть помощником американской делегации»¹¹⁷, — заявил министр иностранных дел СССР. В выступлении советского представителя подчеркивалась необоснованность требований западных держав в отношении румынского и болгарского правительств.

В. М. Молотов заявил на пресс-конференции 19 сентября, что, по мнению СССР, в Румынии и Болгарии «существуют демократические правительства, пользующиеся доверием большинства народов этих стран». По поводу ситуации в Румынии глава советской делегации отметил, что политические группы Маниу и Брэтиану приглашались для участия в правительстве П. Грозы в период его формирования, но они отказались. Он подчеркнул, что в этих странах предстоят выборы в парламенты, которые и будут решать вопрос о правительстве¹¹⁸.

Вопрос о правительствах Болгарии и Румынии стал камнем преткновения на Лондонской сессии СМВД. Западные союзники упорно отказывались от конструктивной

работы над мирными договорами. Это привело к срыву работы министров иностранных дел. Впервые разногласия трех ведущих держав антигитлеровской коалиции привели к провалу совместных усилий, направленных на решение сложнейших международных проблем. Это наглядно показало, что в правящих кругах США и Англии брала верх тенденция, ведущая к разрыву сотрудничества с Советским Союзом. «В подлинном смысле слова,— писал в своих мемуарах Дж. Бирнс,— это была проба сил»¹¹⁹. «Наши действия на встрече в Лондоне, — указывал Дж. Ф. Даллес,— имели важные последствия, которые мы предвидели. Они отметили конец целой эпохи, эпохи Тегерана, Ялты, Потсдама»¹²⁰.

Срыв Лондонской сессии, расхождения между великими державами-победительницами по проблемам политического развития бывших вражеских государств, о которых теперь знала мировая общественность, не изменили хода противоборства реакционных и демократических сил в Болгарии и Румынии.

В Румынии национал-царанистская и национал-либеральная партии пытались обыграть в свою пользу безрезультатность первой сессии СМВД. Их представители распространяли слухи о непреодолимости конфликта между союзниками, не скрывая, «на чьей стороне они будут бороться»¹²¹. Царанисты и либералы выставляли себя в качестве «политического резерва», который придет к власти после отставки правительства П. Грозы¹²². И тем не менее неспособность западных держав добиться согласия СССР на отставку правительства П. Грозы вызывала разногласия в руководстве буржуазных партий. Как сообщал в начале октября американский представитель Б. Берри, в среде оппозиции возникло два мнения. Одно из них, более распространенное, заключалось в том, что «Румыния будет одной из первых стран, которые испытают на себе неприятные последствия отсутствия общего согласия в Лондоне». Второго мнения придерживалась «более опытная, но менее многочисленная часть бухарестского общества» — «люди типа Маниу». Они полагали, что «ничего не удалось выиграть, но ничего и не потеряно, пока Америка и Британия твердо стоят на своей точке зрения»¹²³. Но в целом, по мнению Берри, оппозиционные партии находились «в состоянии депрессии»¹²⁴.

Чтобы вывести своих сторонников из депрессии и перейти в наступление, лидеры НЦП и НЛП добивались от западных держав новых официальных подтверждений поддержки. 16 октября Ю. Маниу обратился к американ-

скому народу с манифестом, названным «Безнадежный сигнал SOS». В нем он выдвинул новые обвинения в адрес правительства и заявил, что румынам грозит страшная участь «включения в состав Советской России»¹²⁵. 23 октября на встрече с иностранными журналистами Д. Брэтиану заявил, что преодолеть «анархию и кризис в стране может только новое правительство»¹²⁶. 2 ноября, давая интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс», Маниу призвал великие державы принять «срочные практические меры для устранения нынешнего правительства». Лидер царанистов не скрывал злобы по поводу дружественных связей правительства НДФ с Советским Союзом¹²⁷.

Одновременно принимались меры для подготовки вооруженных провокаций. Как сообщает М. Фэту, осенью 1945 г. реакционные круги решили объединить под вывеской «Национальное движение сопротивления» все подпольные группы в одну организацию с единым руководством и общим планом действия. Эта организация была поставлена под командование бывшего генерала Алдя, работавшего под руководством Маниу. Оппозиция намеревалась использовать названную организацию 8 ноября (в день рождения короля) для свержения правительства. Были назначены два командира: Н. Пенеску от НЦП и Б. Брэтиану — от НЛП¹²⁸.

8 ноября сторонники оппозиции по заранее разработанному плану совершили нападение на здания министерства внутренних дел и просвещения, помещения Всеобщей конфедерации труда и других прогрессивных организаций. На дворцовой площади был открыт огонь по безоружным рабочим. Лидеры НЦП и НЛП позаботились о том, чтобы в оппозиционной прессе эти события были представлены как провокация правительства и коммунистов.

Антиправительственная акция была задумана как новый повод для вмешательства западных держав. В тот же день 8 ноября генерал К. Шилер потребовал созвать СКК и создать трехстороннюю комиссию для «выяснения фактов»¹²⁹. Однако даже эти отчаянные меры не могли изменить положения. Более того, НЦП и НЛП не только не сумели добиться вмешательства Запада, но и сами понесли значительный урон. После многотысячных демонстраций протеста против действий оппозиции начался новый отлив кадров из НЦП и НЛП.

В то время как румынская оппозиция, делавшая ставку на окончательный раскол среди союзных держав, после Лондонской сессии СМВД быстро теряла свои позиции,

Национально-демократический фронт с уверенностью смотрел в будущее. Румынское правительство продолжало руководить жизнью государства, получая широкую поддержку трудящихся масс. В октябре состоялась Национальная конференция РКП, центральное место на которой заняли проблемы экономического восстановления и всестороннего прогресса страны, создания мощной тяжелой индустрии, электрификации, подъема сельского хозяйства¹³⁰.

Особое значение для укрепления народно-демократического строя в Румынии в этот период имела экономическая поддержка со стороны Советского Союза. За короткое время после победы над гитлеровской Германией, отмечал Г. Георгиу-Деж, правительство заключило с Советским Союзом торговые отношения, которые «являются неоценимой поддержкой хозяйственного развития Румынии, направленного на удовлетворение интересов широких народных масс и укрепление нашего народного хозяйства»¹³¹. В конце августа Румынии было передано 1000 вагонов кукурузы для преодоления последствий засухи. В сентябре Советское правительство заключило с Румынией ряд соглашений, которые также были направлены в первую очередь на поддержку сельского хозяйства Румынии. Ей была предоставлена ссуда 150 тыс. т пшеницы и столько же кукурузы, поставки зерна в СССР в счет репараций были заменены другими продуктами, сократились предусмотренные соглашением о перемирии поставки продовольствия и фуража для нужд советских войск в Румынии¹³². Румынскому правительству было также передано управление всеми железными дорогами страны, увеличен парк паровозов и вагонов, возвращена часть военно-морского и торгового флота из числа судов, принадлежавших СССР в качестве военных трофеев¹³³. Как отмечает румынский историк Г. Цуцуй, румыно-советские соглашения в сентябре 1945 г. содействовали преодолению экономических трудностей, которые переживало румынское хозяйство, и консолидации достигнутых завоеваний¹³⁴.

В то время как на Лондонской сессии СМВД американская и английская делегации выдвигали в адрес болгарского правительства вымышленные обвинения в нарушении демократических прав, оппозиция Отечественному фронту пользовалась полной свободой. Даже из сообщений западных представителей явствовало, что ей создали все условия для беспрепятственного проведения избирательной кампании. Оппозиционные партии БЗНС-НП, БРСДП(о), а также возродившиеся в сентябре 1945 г.

буржуазные демократическая и радикальная партии были легализованы¹³⁵. В Софии выходило 11 ежедневных газет (больше, чем в Лондоне), из них 4 принадлежали оппозиции. Первые же номера оппозиционных газет, вышедших в сентябре, содержали разнузданные нападки на правительство. Они утверждали, что «без его отставки невозможно провести свободные выборы и выйти из политического кризиса»¹³⁶, пропагандировали требования Н. Петкова и его сторонников¹³⁷, выступали за расширение возможностей частной инициативы¹³⁸. Как и румынские оппозиционеры, Н. Петков и его сторонники рассчитывали на разногласия великих союзных держав. «Работническо дело» писала, что, уповая на эти разногласия, болгарская «оппозиция предлагает себя в качестве проводника интересов определенных кругов на Западе, недовольных дружбой нашего народа с русским народом и стремящихся сменить влияние разгромленной Германии на свое собственное»¹³⁹. Всеми средствами оппозиционеры старались вызвать прямое и грубое вмешательство извне, отмечал Г. Кулишев. «Они верили, что прямо по телефону, как выражались их агитаторы, будут продиктованы в Софию имена новых министров, конечно, из числа оппозиции»¹⁴⁰.

Обеспечив оппозиции все возможности для свободного проведения избирательной кампании, правительство Отечественного фронта не было намерено идти на уступки и принимать ее требования об изменениях в руководстве страной, амнистии военных и фашистских преступников, восстановлении буржуазной конституции. Становилось все более очевидным, что отсрочка выборов не дала никаких выгод противникам Отечественного фронта. Поэтому после того как переданные 15 сентября Отечественному фронту требования оппозиции были отвергнуты, она объявила об отказе участвовать в выборах.

Западные представители в связи с этим пытались оказать давление на болгарское правительство. 4 октября М. Барнс встретился с премьер-министром К. Георгиевым и министром иностранных дел П. Стайновым и заявил им, что «правительство и оппозиция должны найти путь к проведению выборов, в которых могли бы участвовать все. Это обеспечило бы согласованные действия великих держав по разработке справедливого мирного договора с Болгарией»¹⁴¹. Прежние обвинения в адрес болгарского правительства прозвучали и в выступлениях государственного секретаря США Дж. Бирнса 5 октября и американского президента Г. Трумэна 26 октября¹⁴². Газеты оппозиционных партий сразу же подхватили эти обвинения,

пытаясь доказать, что болгарское правительство «попало в безвыходное положение, назначив на 18 ноября выборы»¹⁴³.

Однако правительство Болгарии не поддавалось на шантаж и было намерено провести выборы в Народное собрание. Оппозиционеры «хотят добраться до власти не путем свободного политического состязания, а с помощью поддержки извне»,— писала «Работническо дело».— «Бойкот оппозиции является позорной предательской кампанией. Отечественный фронт не пойдет на уступки этой кампании, и, несмотря ни на что, выборы будут проведены»¹⁴⁴.

Партии Отечественного фронта активно готовились к выборам. В начале ноября в Болгарию прибыл Г. Димитров. Его участие в избирательной кампании сыграло большую роль в разоблачении оппозиции и ее тактики отстранения от выборов. В своих выступлениях вождь болгарского народа подчеркивал, что ярким выражением антинародной и антиболгарской сущности оппозиционеров «является то обстоятельство, что все свои надежды прийти к власти они возлагают исключительно на вмешательство извне в наши внутренние болгарские дела. Антинародная сущность оппозиции находит свое выражение также в тактике бойкота, к которой она прибегает в отношении выборов в законодательные органы, имеющие задачей укрепить внутреннее и международное положение страны»¹⁴⁵. В выступлениях Г. Димитрова была дана и оценка требований оппозиции, предъявленных правительству: «Этим господам политикам из кафе и из некоторых богатых особняков кажется, что они говорят от имени народа: народ, мол, волнуется, народ не хочет правительства К. Георгиева, народ не хочет, чтобы министром внутренних дел был коммунист! Но где этот народ? По всей стране происходят многочисленные митинги, о них сообщают не только наши журналисты, но и иностранные корреспонденты... Если бы оппозиционеры хотели выяснить, идет ли за ними народ или нет, им следовало бы участвовать в выборах»¹⁴⁶.

Как и для народно-демократического строя Румынии, большое значение в напряженной обстановке осени 1945 г. в Болгарии имела позиция СССР. Отказ СССР обсуждать в Лондоне вопрос о «реорганизации» болгарского правительства усиливал позиции Отечественного фронта. «Советский Союз твердо и неуклонно стоит на той точке зрения, что народы должны сами решать свои дела и определять политическую линию,— отмечала газета «Отечествен фронт». Поэтому обращение Петкова и его единомышлен-

ников за помощью извне расценивалось как «выступление против Советского Союза»¹⁴⁷. Упрочению позиций народной власти содействовала экономическая и торговая политика СССР. Советское правительство учитывало необходимость скорейшего восстановления и начала работы в первую очередь имевшихся промышленных предприятий. В связи с этим в течение 1945 г. 90,1% импорта из СССР составляли сырье и горючие материалы¹⁴⁸.

Уверенная деятельность демократических правительств Болгарии и Румынии, опиравшихся на поддержку СССР порождала беспокойство во внешнеполитических органах западных держав. Англичане, с самого начала критически относившиеся к тактике ультимативных требований об отставке или о фундаментальной реорганизации правительств двух стран в качестве предварительного условия разработки мирных договоров, рассматривали положение румынской оппозиции как безнадежное. Большое раздражение в Форин оффис вызывала деятельность Маниу, который, по мнению англичан, «нес главную ответственность за положение румынской оппозиции», был «бесполезным на румынской политической сцене», опирался на людей, способных говорить только «да»¹⁴⁹.

Заявления английских дипломатов озадачили американских представителей в Румынии. «Независимо от того,— писал Б. Берри государственному секретарю,— нравится ли нам или нет медлительное и зачастую негативное маневрирование Маниу, он является символом румынской демократии» и достоин поддержки¹⁵⁰. Отход англичан от прежней и без того не отличавшейся последовательностью позиции мог привести, по его мнению, к «проигрышу фундаментального спора»¹⁵¹.

Между тем западная пресса стала высказывать сомнения в демократическом облике оппозиционных лидеров, в правильности курса, избранного США и Англией в отношении бывших вражеских государств. Осенью 1945 г. Болгарию и Румынию посетили множество иностранных корреспондентов. Побывавший на Балканах редактор английской газеты «Нью стейтсмен энд нейшн» М. Кингсли писал, что политика компартий в этих странах «объединяет всех, кто хочет видеть свою страну восстановленной, и как истинный патриот выступает против фашизма и сотрудничества с ним». Английские представители в Болгарии, Румынии и других восточноевропейских странах, отмечал Кингсли, «не способны понять социальных изменений, происходящих вокруг них, и неизбежно общаются с остатками старого класса аристократов и капиталистов»,

который в годы войны «сотрудничал с врагом»¹⁵². Обозреватель американской «П. М.» Вернер выступил с осуждением поддержки западными державами национал-царанистской партии в Румынии. По его словам, она «до войны была одной из наиболее разложившихся партий в Европе», а ее лидер Ю. Маниу проводил выборы с помощью «Железной гвардии» и «поддерживал войну против СССР»¹⁵³. Не лучшее впечатление на редактора английской «Рейнольдс Ньюс» Д. Раймона произвела и болгарская оппозиция, представленная разношерстной компанией «людей с подозрительным прошлым», живущих «надеждой, что рано или поздно Британия будет воевать против России». Эти люди набрасывались на иностранцев раньше, чем те успевали распаковать чемоданы, и рассказывали им всякие небылицы об Отечественном фронте. «В Софии,— писал Д. Раймон,— мы слышали такие рассказы от молодых элегантных дам, превосходно говоривших на немецком языке»¹⁵⁴.

В правящих кругах США и Англии начали осознавать, что политика непризнания правительств Болгарии и Румынии заходит в тупик. Поиск выхода из создавшегося положения шел в различных направлениях. По-прежнему считая лучшим способом скорейшее заключение мира, Форин оффис надеялся, что после вывода советских войск из Болгарии и Румынии реакционная оппозиция при поддержке империалистических держав сумеет расправиться с народно-демократической властью. После неудачи, постигшей западную дипломатию на Лондонской сессии СМВД, госсекретарь США Дж. Бирнс также начал сомневаться в перспективности дальнейшего жесткого давления на Советский Союз в вопросе о болгарском и румынском правительствах. В его выступлениях появилась мысль о необходимости компромиссов между великими державами. На одной из неофициальных встреч с В. М. Молотовым в Лондоне он заговорил о желании «найти какую-нибудь возможность для *оправдания* (курсив наш.— К. Ж.) такого шага, как признание» этих правительств»¹⁵⁵. Но президент Г. Трумэн полагал, что на новой сессии СМВД следует вновь оказать давление на СССР. Чтобы иметь «свежие» аргументы, он послал на Балканы своего личного представителя М. Этриджа с целью изучения политической ситуации в этом регионе¹⁵⁶.

В Болгарии Этридж оказался накануне выборов и при всей тенденциозности освещения положения в этой стране был вынужден отметить, что «коммунисты сделали здесь много хорошего для ранее эксплуатируемых рабочих и,

естественно, пользуются их поддержкой. Лично я считаю,— писал он,— что коммунисты являются бóльшей естественной силой, чем считает оппозиция, и получают больше голосов, чем предполагается в подсчетах, представленных мне»¹⁵⁷.

Тем не менее Этридж рекомендовал добиваться от СССР безотлагательной «реорганизации» болгарского правительства, амнистии членов фашистского правительства Муравиева, отмены предстоящих выборов и проведения их после «реорганизации»¹⁵⁸. Называя требования к румынскому правительству «обязательствами США, принятыми в Ялте и Потсдаме», он считал, что следовало добиваться их выполнения «путем прямого давления на Советское правительство и в то же время сохранения своей политики в Румынии совершенно неизменной»¹⁵⁹. По сути, посланник американского президента полагал, что тактика борьбы против демократического строя Болгарии и Румынии должна оставаться прежней.

Однако в госдепартаменте уже понимали невозможность выполнения того, что предлагал М. Этридж. Подтверждением этого были выборы в Народное собрание Болгарии 18 ноября. Накануне их проведения Вашингтон ограничился нотой, в которой признавал, что в ходе избирательной кампании «была предоставлена возможность для свободного выражения политических взглядов». В то же время, поскольку правительство Болгарии не было «реорганизовано» и не включало в себя представителей оппозиции, он «не верил», что выборы, проведенные в таких условиях, «выразят волю болгарского народа»¹⁶⁰. Такие уклончивые формулировки, отказ Великобритании вообще как-либо отреагировать на выборы свидетельствовали о неуверенности, царившей во внешнеполитических ведомствах США и Англии.

Как и было запланировано, выборы в Болгарии состоялись 18 ноября. Они прошли чрезвычайно организованно и при небывалой активности населения. В них приняло участие 85,6% избирателей. За кандидатов Отечественного фронта проголосовало свыше 3397 тыс. человек¹⁶¹.

Выступая на следующий день после выборов перед чехословацкими журналистами, Г. Димитров заявил: «В политической истории Болгарии никогда не было таких свободных и спокойных выборов... Это поистине блестящая победа и в то же время сокрушительный удар по недоброжелателям новой демократической Болгарии»¹⁶². Свободный характер волеизъявления болгарского народа

признавали и на Западе. 21 ноября «Нью-Йорк Таймс» писала, что «всеобщие выборы в Болгарии были проведены в полном порядке без каких-либо волнений... В этом лично убедились многие иностранные журналисты, прибывшие специально на выборы в Болгарию и посетившие избирательные участки во многих частях страны».

Итоги выборов еще раз подтвердили несостоятельность тактики империалистических держав в борьбе с народной властью в Болгарии и Румынии. Отказаться от ультимативных требований о фундаментальной реорганизации или отставке правительств Болгарии и Румынии вынуждали и интересы западных держав в других международных проблемах, решить которые без участия СССР было невозможно. США и Великобритания стремились к завершению состояния перемирия с Болгарией, Румынией и Венгрией, прекращению работы СКК, выводу советских войск из бывших вражеских государств. Кроме того, Лондон и Вашингтон не могли не учитывать и интересы крупных монополий, имевших предприятия и капиталовложения в бывших вражеских государствах и стремившихся получить по мирным договорам полную компенсацию за ущерб, понесенный в годы войны. Это могло способствовать восстановлению экономических позиций империалистических держав в Восточной Европе. Формула внешнеполитических органов США и Англии — вначале «реорганизация» правительств Болгарии и Румынии, затем мирные договоры, — выдвинутая накануне Потсдамской конференции, оказалась ошибочной.

Осознание этого факта, стремление найти выход из тупика заставили западных представителей вновь обратиться к СССР. 25 ноября Дж. Бирнс выступил с инициативой провести в Москве встречу министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и рассмотреть на ней среди других проблем и вопрос о правительствах Болгарии и Румынии.

Как известно, в течение долгого времени Советское правительство отказывалось от специальных консультаций о положении в Болгарии и Румынии, считая, что для этого нет оснований. Если западные союзники добивались отстранения правительств НДФ и Отечественного фронта, то СССР приложил немало усилий для их успешной деятельности. После того как, несмотря на политический кризис, спровоцированный США и Англией в Болгарии и Румынии летом 1945 г., народная власть в этих странах сумела выстоять и даже укрепить свое положение, в Болгарии прошли выборы, принесшие убедительную победу

Отечественному фронту, Советский Союз считал возможным обсудить вопрос о правительствах Болгарии и Румынии. В новых условиях обсуждение этого вопроса тремя союзными державами не играло решающей роли в политической борьбе демократических и реакционных сил в Болгарии и Румынии, как это могло случиться в августе. Тогда, в условиях оголтелых нападок внутренней реакции и империалистических держав, сам факт обсуждения союзниками вопроса о болгарском и румынском правительствах сыграл бы на руку их противникам. Теперь положение было иным.

Советское правительство учитывало и жизненную заинтересованность болгарского и румынского народов в мирном урегулировании, нормализации внешнеполитического положения, восстановлении полного суверенитета. Успешная разработка и заключение мирных договоров отвечали интересам и Советского государства, понесшего колоссальный ущерб в войне и нуждавшегося в его справедливом возмещении.

Обсуждение вопроса о правительствах Болгарии и Румынии не пугало прогрессивные силы этих стран. Во время визита М. Этриджа в Болгарию Г. Димитров заявил ему, что после выборов в процессе формирования нового правительства в него можно будет включить представителей оппозиции, но на условиях правительства, а не наоборот¹⁶³.

Поэтому Советское правительство дало согласие на обсуждение вопроса о правительствах Болгарии и Румынии в ходе совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве. В народно-демократических странах приветствовали это решение. «В Москве вновь связывается порванная нить взаимопонимания и мира,— писала «Румыния либерэ»,— Румыния приветствует Московскую конференцию, ожидая от нее указаний для быстрого урегулирования международного положения»¹⁶⁴.

Московское совещание начало свою работу 16 декабря. Осознание допущенных просчетов не означало, что империалистические державы сложили оружие. Основной мишенью их нападок, как и раньше, оставались правительства Румынии и Болгарии.

Американская делегация 18 декабря представила меморандум, озаглавленный «Предлагаемая процедура в отношении Румынии». Меморандум содержал проект ответа на обращение короля Михая от 21 августа к трем великим державам. Трем союзным правительствам через их представителей в Бухаресте предлагалось предпринять

«определенные шаги для формирования правительства», которое может быть признано всеми тремя державами. Переговоры с королем о конкретных лицах, включаемых в правительство, были оставлены на усмотрение этих представителей. Три державы, по американскому предложению, должны были предварительно договориться о решении провести «реорганизацию» путем включения в правительство представителей НЦП и НЛП, которые «будут действительно представлять свои партии (т. е. оппозиционные группировки.— К. Ж.)». Реорганизованное правительство должно было дать обещание провести свободные выборы и амнистировать всех участвовавших в антигосударственных политических акциях после 23 августа 1944 г.¹⁶⁵

На следующий день появился американский меморандум, касавшийся судьбы болгарского правительства. Меморандум был составлен на основе требований, предъявленных болгарскому правительству Н. Петковым 15 сентября и с учетом рекомендаций М. Этриджа. В нем шла речь о «реорганизации» правительства и включении в него представителей всех оппозиционных партий. Согласно меморандуму болгарское правительство обязывалось провести новые выборы в Народное собрание, а до тех пор деятельность Народного собрания ограничивалась амнистией участников антинародных акций после 9 сентября 1944 г., ревизией избирательного закона в соответствии с рекомендациями специальной комиссии, составленной из представителей всех партий, приемом законопроекта о бюджете и утверждением законов, принятых после 9 сентября 1944 г. «Реорганизацию» правительства следовало провести в ходе консультаций с существовавшим правительством, лидерами оппозиции, политическими и военными представителями трех держав в Софии¹⁶⁶.

Требования американского меморандума по Болгарии были более жесткими, чем упомянутые в документе по Румынии. В них была сделана попытка перечеркнуть результаты выборов и воссоздать политическую обстановку лета 1945 г., когда оппозиция полагала, что может «торговаться» с Отечественным фронтом об условиях своего участия в выборах и в правительстве.

Британские предложения в отношении болгарского и румынского правительств были сформулированы в документе, переданном участникам конференции 23 декабря. В нем практически дословно повторялись американские предложения по Румынии. Требования в отношении болгарского правительства были более ограниченными. Они

подразумевали рекомендацию трех держав о «реорганизации» правительства, которое возникнет в результате проведенных выборов, путем включения в него представителей одной оппозиционной партии — БЗНС-НП. Реорганизованное болгарское правительство должно было взять на себя те же обязательства, что и румынское — провести новые, «свободные» выборы¹⁶⁷.

Как видно из американских и английских документов, западные державы стремились добиться такой «реорганизации» двух правительств, которая позволила бы в корне изменить их внутреннюю и внешнюю политику. Только теперь эта цель была скрыта за различными «детальными» процедуры введения оппозиционных лидеров в правительства и обязательств последних по соблюдению «демократических свобод».

Однако, согласившись обсудить на Московском совещании вопрос о правительствах Болгарии и Румынии, Советский Союз не был намерен допустить диктата и позволить устранить правительства, включающие все демократические элементы своих стран. Принимать или не принимать рекомендации, которые могли сделать СССР, США и Англия, по мнению Советского Союза, должны были решить правительства Болгарии и Румынии. Одновременно советские представители стремились добиться для этих правительств таких компромиссных предложений, которые не предусматривали бы изменения их политического характера.

После поступления американских и британского меморандумов 23 декабря Дж. Бирнс изложил свои предложения на встрече участников совещания с И. В. Сталиным¹⁶⁸. В тот же день состоялся разговор по «ВЧ» между И. В. Сталиным и Г. Димитровым. Глава Советского правительства информировал о требовании западных держав в отношении правительства Болгарии и об отказе СССР принять его. Он просил обсудить ситуацию и сообщить мнение болгарского правительства о возможности включения в правительство одного-двух министров из оппозиционных группировок¹⁶⁹.

На следующий день Г. Димитров сообщил в Москву, что решено принять предложение о включении в правительство лояльных представителей оппозиции и для этого с ней уже устанавливаются контакты¹⁷⁰. 25 декабря состоялась широкая дискуссия участников Московского совещания. Советские представители отвергли требования о фундаментальной реорганизации правительств Болгарии

и Румынии и ограничении функций Народного собрания в Болгарии.

28 декабря был разработан окончательный текст соглашения, в котором нашли отражение все советские предложения. Как и предлагала советская делегация, королю Михая в ответ на его обращение к трем союзным державам был дан совет включить в румынское правительство по одному представителю от НЦП и НЛП. Участие этих представителей в правительстве не обуславливалось никакими обязательствами со стороны кабинета П. Грозы. Наоборот, представители от НЦП и НЛП могли участвовать в правительстве при условии, что они «будут лояльно работать с правительством». В связи с тем, что в Румынии еще не прошли выборы в парламент, правительство должно было объявить, что «возможно скорее будут проведены свободные и невоспрепятствованные выборы». По настоянию западных держав в текст соглашения включалось обязательство румынского правительства «дать заверения относительно свободы печати, слова, религии и собраний». Для консультаций с королем и правительством, но не с оппозицией, в Румынию направлялась комиссия в составе заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, американского посла в СССР А. Гарримана и британского посла К. Керра¹⁷¹.

Решения, касавшиеся Болгарии, были еще более лаконичными. Советское правительство брало на себя миссию дать дружественный совет правительству Отечественного фронта включить в свой состав двух представителей оппозиции при условии, что они «будут лояльно работать вместе с правительством»¹⁷². Никаких обязательств на болгарское правительство не возлагалось.

США и Англия объявили о согласии восстановить с Болгарией и Румынией дипломатические отношения, если эти две страны примут рекомендации Московского совещания. Несмотря на то, что западные союзники добились консультации с СССР по вопросу о правительствах Болгарии и Румынии, московское соглашение показало, что Вашингтону и Лондону не удалось навязать свою волю. Хотя текст соглашения содержал термин «реорганизация» правительств, решение трех министров иностранных дел не подразумевало ни фундаментальной реорганизации и полной переориентации их внутренней и внешней политики, ни передачи ключевых постов в правительстве Отечественного фронта в руки оппозиции, ни отставки кабинета П. Грозы. Полный разрыв сотрудничества оппозиции с возглавляемыми коммунистами объединениями де-

мократических сил, длительные дипломатические маневры США и Англии с обвинениями в «непредставительности» двух правительств не принесли никаких ощутимых выгод противникам народно-демократической власти. В преддверии выборов, назначенных на 26 августа, из правительства К. Георгиева вышли пять ведущих представителей оппозиции, вступить в него теперь могли лишь двое. П. Гроза 5 марта предлагал НЦП и НЛП по два-три министерских портфеля, Московское же совещание рекомендовало включить по одному представителю от этих партий. Оговоренное в решениях совещания условие о том, что новые члены правительства согласны лояльно сотрудничать с ним, означало, что последние должны принять линию и политику правительства.

Совершенно безрезультатными оказались отсрочка выборов в Болгарии и отказ оппозиции участвовать в выборах 18 ноября. Московское соглашение содержало условие вступления представителей оппозиции в правительство, но выполнить его — согласиться лояльно сотрудничать с правительством — должна была оппозиция. «Союзники признают Отечественный фронт основной демократической силой Болгарии, ведущей за собой подавляющее большинство болгарского народа»¹⁷³, — отмечали болгарские газеты. Если правительство Румынии, где еще не прошли выборы в парламент, обязывалось Московским совещанием их провести (что отвечало намерениям НДФ), то для признания болгарского правительства США и Англией не требовалось никаких дополнительных обязательств. «Никакие другие советы и пожелания нашей стране не предлагаются, — писала «Работническо дело», — не выражаются сомнения в законности выборов в Народное собрание»¹⁷⁴.

Решения Московского совещания по проблемам болгарского и румынского правительств были расценены как успех советской дипломатии. Румынская общественность рассматривала их как свидетельство того, что «Советский Союз питает к Румынии истинно дружеские чувства и что он всегда защищал ее национальные интересы»¹⁷⁵. Значение принятых в Москве решений и в том, что принципиальная позиция СССР в вопросе о двух правительствах заставила правящие круги США отказаться от дальнейшего затягивания разработки мирных договоров с Болгарией и Румынией, а следовательно, и всего процесса мирного урегулирования после второй мировой войны в Европе. Московское соглашение, отмечали в бывших вражеских государствах, «открывает возможность окончательно

урегулировать наше международное положение»¹⁷⁶. На совещании были приняты также решения о продолжении работы СМВД и созыве мирной конференции, что подтверждало возможность дальнейшего сотрудничества трех держав антигитлеровской коалиции. Решения трех министров, писала «Нью-Йорк Пост», «разрядили международную атмосферу, которая создалась после Лондонской сессии»¹⁷⁷. Английская «Стар» рассматривала эти решения как «образец компромисса»¹⁷⁸.

Действительно, Советский Союз сделал уступку, согласившись на консультацию по вопросу о болгарском и румынском правительствах, хотя неоднократно указывал, что положение в двух бывших вражеских государствах не требует вмешательства держав-победительниц. СССР рассматривал эти правительства как демократические и представляющие подавляющее большинство населения Болгарии и Румынии. Тем не менее, учитывая требования западных союзников, он согласился с некоторой реорганизацией этих правительств, не носившей принципиального характера. Были сделаны уступки и по другим проблемам, стоящим на повестке дня конференции. Действия советской дипломатии диктовались стремлением укрепить внешнеполитическое положение Болгарии и Румынии и ускорить мирное урегулирование в Европе.

Уступки со стороны западных держав были вызваны желанием выйти из тупика, созданного политикой непризнания болгарского и румынского правительств и постоянного давления на СССР с требованием их фундаментальной реорганизации. Эти уступки привели к заключению соглашений, объективно вступивших в противоречие с подлинными целями политики империалистических держав в Болгарии и Румынии. Объясняя действия западных представителей в Москве, американская «П. М.» писала: «Некоторые американцы будут кричать, что эти соглашения представляют собой умиротворение Советского Союза... Они будут говорить, что Соединенным Штатам следовало продолжать „жесткую политику“ в отношении Советского Союза. Однако в последние месяцы Соединенные Штаты пытались проводить такую политику и обнаружили, что подобный подход привел к печальной неудаче»¹⁷⁹.

**ПОПЫТКИ США И АНГЛИИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
РЕШЕНИЯ МОСКОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ 1945 г.
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СВОИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ
В РУМЫНИИ И БОЛГАРИИ**

**§ 1. Недовольство Вашингтона и Лондона итогами
Московского совещания.
Ужесточение политики в отношении СССР**

Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. было важной вехой в отношениях между СССР и западными державами. На совещании рассматривались сложные проблемы союзной политики на Дальнем Востоке, в Иране, мирного урегулирования в Европе и др. Как и вопрос о болгарском и румынском правительствах, эти проблемы были предметом длительной дипломатической борьбы, в ходе которой правящие круги империалистических держав безуспешно пытались добиться своих целей путем жесткого давления на СССР.

Уступки, которые западная дипломатия была вынуждена сделать на Московском совещании, и в частности в вопросе о признании румынского и болгарского правительств, вызвали негативную реакцию со стороны антисоветски настроенных деятелей в руководящих кругах США и Англии. Как указывает американский исследователь Н. Грэбнер, кампанию осуждения московских соглашений возглавил близкий к Г. Трумэну член администрации адмирал Лэги. Глава военно-морского ведомства Дж. Форрестол предлагал, чтобы США резко увеличили свою мощь ввиду «опасностей», исходящих от Москвы¹. Руководство республиканской партии настойчиво требовало ужесточения политики в отношении СССР. Один из лидеров этой партии сенатор А. Ванденберг призывал добиваться морального лидерства и отбросить «жалкую фикцию», что «США предадут мир, если проявят твердость в отношении СССР»².

Недовольство итогами Московского совещания открыто высказывал президент США. По свидетельству американского исследователя Б. Кокрэна, когда Бирнс вернулся

из Москвы, «Трумэн кипел»³. Хотя в мемуарах Дж. Бирнс пытался доказать, что президент одобрил его действия на совещании в Москве, официальные заявления Г. Трумэна это опровергают. Президент 5 января 1946 г. зачитал Дж. Бирнсу специальный меморандум. В нем говорилось, что он не намерен признавать болгарское и румынское правительства, пока они не будут радикальным образом реорганизованы и не станут отвечать требованиям США. Меморандум отражал намерение Трумэна идти на конфронтацию с СССР и в других важных международных проблемах и противопоставить ему «железный кулак». По словам самого Трумэна, этот меморандум был не просто выговором государственному секретарю США, который превысил свои полномочия, но «отправной точкой» новой политики США⁴.

По мнению американских исследователей, этим меморандумом президент «сделал первые шаги, которые впоследствии привели к доктрине Трумэна, плану Маршалла, НАТО, распространению американских баз по всему миру»⁵. Заявления американской администрации о необходимости ужесточить курс в отношении СССР подкреплялись призывами усилить военную мощь США. По словам Г. Трумэна, военная сила была необходима США для реализации широких внешнеполитических планов, включавших и «надзор за бывшими вражескими государствами»⁶. Опираясь на силу, как заявил Трумэн 6 апреля в Чикаго по случаю Дня Армии, «США должны принять на себя лидерство и ответственность... их политика должна быть универсальной и твердой в отношении больших и малых стран»⁷.

Итоги Московского совещания вызвали недовольство и правящих кругов Великобритании. Не был удовлетворен ими и министр иностранных дел Э. Бевин, принимавший участие в разработке соглашений. По свидетельству английского дипломата и историка Ч. Уиллера-Беннета, Э. Бевин считал, что «Россия выиграла больше всех»⁸. Однако открыто против московских соглашений Форин оффис не высказывался, тем более, что наконец была учтена английская точка зрения о выгоде скорейшего заключения мирных договоров.

В стороне от воинственных призывов не оставался и подвергаемый критике Дж. Бирнс. «Слабость, — заявил он, — побуждает других действовать так, как они не поступили бы, зная, что наши слова подкрепляются силой». Сделав такой чрезвычайно прозрачный намек в адрес

СССР, государственный секретарь высказался за продление закона военного времени о всеобщей воинской повинности, сохранение американских военных контингентов за рубежом и за всеобщее воинское обучение. Это должно было, по мнению Бирнса, заставить «других» изменить «свою психологию» в международных переговорах (т. е. принять американский диктат. — К. Ж.). А до тех пор США «должны обладать терпением и жесткостью... должны твердо стоять на своем»⁹. Как писал Бирнс в мемуарах, подобные выступления были правильно интерпретированы как отражающие более жесткую политику в отношении Советского Союза¹⁰.

И все же призывы еще более ужесточить политику в отношении СССР, добиваться уступок от него с помощью «железного кулака», атомного шантажа шли в русле, уже показавшем бесперспективность давления на СССР. Империалистические устремления США и Англии вынуждали их искать более действенные меры в борьбе за свои политические интересы. И такие меры были предложены почти одновременно мало известным к тому времени советником американского посольства в Москве Дж. Кеннаном и опытным лидером западного мира У. Черчиллем.

Еще в мае 1945 г. Кеннан направил в госдепартамент упомянутый ранее меморандум. В нем, ссылаясь на послевоенную слабость СССР, он призывал западные державы не считаться с ним в проведении своей политики. «Визит госсекретаря Бирнса в Москву, — писал впоследствии Дж. Кеннан в мемуарах, — переполнил чашу моего терпения относительно этой сферы нашей дипломатии»¹¹. Кеннан полагал «абсурдным верить, что можно что-либо существенным образом изменить путем включения одного или двух министров некоммунистов в правительства восточноевропейских стран». Считая московское соглашение, так же как и «Декларацию об освобожденной Европе», «фиговым листком», прикрывающим советские интересы в Восточной Европе, Кеннан «не видел причин сохранять в этом отношении фасад трехстороннего единства»¹².

22 февраля 1946 г. Кеннан направил в госдепартамент послание, получившее название «длинной телеграммы», так как насчитывало 8 тыс. слов. В нем он изложил свои рекомендации относительно нового курса западных держав. Повторяя утверждения, что СССР слабее западных союзников в экономическом и военном отношении, Дж. Кеннан призвал прекратить противоборство с СССР в рамках союзной политики, покончить с сотрудничеством дер-

жав антигитлеровской коалиции, «придерживаться собственных концепций и методов устройства человеческого общества» и взять на себя «руководство народами мира»¹³. Подобные призывы раздавались и ранее. Однако Дж. Кеннан первый четко сформулировал их, рекомендовал отбросить прежние заверения США и Англии в верности союзническому долгу и возвести в ранг официального политического курса открытый антисоветизм. Западногерманские исследователи послевоенной внешней политики США Б. Грайнер и К. Штайнгаус отмечают, что «в своей телеграмме Кеннан дал рекомендацию стратегического характера, в соответствии с которой в последующие годы определилась официальная американская политика: западный мир должен быть „оздоровлен“ по желанию США, а социалистическое сообщество государств и мировое коммунистическое движение в результате политики „сдерживания“ должны перестать существовать как факторы мировой политики»¹⁴.

Телеграмма произвела сенсацию в госдепартаменте и высших эшелонах власти США. Дж. Кеннана сразу же зачислили в разряд главных теоретиков внешней политики. Сам Кеннан объяснял такой результат тем, что в подсознании сотрудников госдепартамента уже теплились подобные мысли¹⁵. Американский исследователь Де Сантис также объясняет роль оракула, которая выпала на долю Кеннана тем, что госдепартамент «уже барахтался» среди подобных идей, телеграмма Кеннана лишь четко их сформулировала. Через несколько дней на утреннем заседании кабинета 25 февраля Г. Трумэн заявил: «Мы начинаем войну с Россией»¹⁶. Суммируя происшедшее в правящих органах США после Московского совещания, Дж. Гэддис писал, что в течение первых трех месяцев 1946 г. правительство США провело фундаментальную переориентацию политики в отношении Советского Союза. СССР стали рассматривать не как союзника, а как потенциально вражескую державу¹⁷.

Другим глашатаем «крестового похода» против СССР и народно-демократических стран стал У. Черчилль. Выступая в Фултоне 5 марта 1946 г., он призывал прекратить сотрудничество держав антигитлеровской коалиции и объявить Советский Союз главным врагом западного мира. Черчилль ратовал за создание агрессивного союза империалистических держав, строящего политику в отношении СССР на грани войны. Он был первым политическим деятелем Запада после второй мировой войны, открыто

заявившим о возможности военного столкновения с СССР¹⁸.

В этот период У. Черчилль находился в отставке и не занимал государственных постов. И все же, как считает французский исследователь Э. Дзелепи, Черчилль говорил от имени лейбористского правительства. Не было опубликовано никакого опровержения, не прозвучало никакой критики идей, изложенных лидером оппозиции консерваторов, не было выражено никакого осуждения¹⁹. Советские исследователи В. Г. Трухановский и Н. К. Капитонова отмечают, что лейбористское правительство полностью солидаризировалось с фултонским выступлением Черчилля, его речь стала программой для правящих кругов Англии²⁰. Присутствие американского президента при выступлении Черчилля в Фултоне свидетельствовало, что американская администрация поддерживает и присоединяется к сказанному У. Черчиллем.

Таким образом, в первые месяцы 1946 г. после Московского совещания в американских и английских правящих кругах были выработаны новые установки отношений с Советским Союзом в целом, противоборства с ним во многих международных проблемах, в том числе и касающихся судеб народов Восточной Европы. Однако перейти немедленно к осуществлению нового курса, отказаться от совместной с СССР ответственности за развитие бывших вражеских государств, от сотрудничества с ним в решении других международных проблем было невозможно. Прежде надо было переориентировать общественное мнение Запада с внушаемых до тех пор иллюзий о верности США и Англии идеалам совместной борьбы антигитлеровской коалиции, Крымским и Потсдамским соглашениям на враждебность к Советскому Союзу и народно-демократическим государствам. Сохранялась заинтересованность западных держав в доведении до конца мирного урегулирования в Европе, что было невозможно без совместных с СССР действий.

Теперь американцы до конца оценили преимущества предложенного англичанами еще в июне 1945 г. скорейшего заключения мирных договоров с Румынией и Болгарией. Это могло положить конец совместной с СССР ответственности за судьбы Румынии и Болгарии и необходимости согласовывать с ним свои действия. Можно было также рассчитывать, что вывод советских войск в результате завершения перемирия развяжет руки буржуазной оппозиции в этих странах. Немалое значение для западных держав имела защита в перспективе через соответ-

ствующие положения мирных договоров своих экономических интересов в восточноевропейских странах.

В силу этих обстоятельств начавшаяся переориентация империалистических держав в отношении Советского Союза почти не затронула до конца мирного урегулирования тактику и основные направления политики США и Англии в отношении Болгарии и Румынии. Сколь бы неудовлетворительными ни представлялись правящим кругам США и Великобритании итоги московского совещания, открыто отречься от подписанных на нем соглашений они не могли.

§ 2. Восстановление дипломатических отношений между западными державами и Румынией.

Поиски новых средств борьбы против народной демократии в Румынии

Недовольство итогами Московского совещания в декабре 1945 г., вызвавшими бурю негодования в правящих кругах США и Великобритании, в полной мере разделяли представители западных держав в Румынии и реакционной буржуазной оппозиции. Как доверительно сообщил политический представитель США в Румынии Б. Берри известному американскому политическому обозревателю С. Сульцбергеру, «американская миссия хотела целиком подать в отставку, но решила, что это не приведет ни к чему хорошему»²¹. Лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий также оценили соглашение по Румынии как неудовлетворительное, поскольку оно не только не привело к смене правительства, но и не предусматривало отставки министров внутренних дел и юстиции, представлявших в кабинете компартию²².

Действительно, решения, принятые в Москве, нанесли сокрушительный удар по планам румынской реакции. «Демократический режим Румынии, — писала «Скынтейя», — вышел из последних событий сконсолидировавшимся... Международное положение и юридический статус Румынии улучшаются»²³.

Не в состоянии отвергнуть решения, принятые при участии американских и английских представителей, и в то же время не желая прекратить борьбу против народно-демократической власти, внешнеполитические органы империалистических держав и румынская оппозиция искали иные способы для нанесения удара по правительству. Поскольку выдвигать новые требования об его отставке или

фундаментальной реорганизации было невозможно, реакционные лидеры НЦП и НЛП все надежды возложили на предстоящие выборы в парламент. Предусмотренное в решении Московского совещания обязательство правительства обеспечить условия для свободных и демократических выборов открывало, по их мнению, возможность навязать ему выгодные для них условия избирательной процедуры, обеспечить которые должны были Вашингтон и Лондон. Ю. Маниу прямо заявил Б. Берри, что хотя «соглашение в Москве явилось для него большим личным разочарованием, он принял его, надеясь, что американское и британское правительства сумеют оказать давление на правительство П. Грозы, чтобы заставить его выполнить свои обещания»²⁴. Поскольку румынское правительство еще до Московского совещания объявило о намерении провести выборы, понятно, что его следовало «заставить» принять условия оппозиции.

Участие двух представителей оппозиции в правительстве отнюдь не противоречило этим планам. Выступая 3 января на заседании постоянной делегации НЦП, Ю. Маниу заявил, что представители оппозиции в кабинете П. Грозы будут «наблюдателями» за проведением предстоящих выборов²⁵. Вопреки оговоренному в московском соглашении условию, что представители оппозиции должны лояльно сотрудничать с правительством, Маниу уведомил Б. Берри, что они займут посты министров без портфелей, чтобы не сотрудничать с народно-демократической властью²⁶. Западные представители также придавали большое значение деятельности этой «пятой колонны». Берри писал в частном письме, что если представители царанистов и либералов в правительстве окажутся «нулями», то «придется покинуть свой пост, поскольку это будет противоречить всему, за что я боролся со времени прибытия сюда 15 месяцев назад»²⁷.

Во внешнеполитических органах западных держав также решили поставить во главу угла своего враждебного курса против народно-демократической власти Румынии такое средство, как создание благоприятных условий для победы оппозиции на выборах в парламент.

Задуманное наступление началось сразу же, как только 1 января в Бухарест прибыла комиссия представителей трех великих держав в составе А. Я. Вышинского, А. Гарримана и английского посла в СССР А. Кларка Керра для осуществления решения Московского совещания по Румынии. На встречах комиссии с королем и

П. Грозой в тот же день А. Гарриман и К. Керр дали понять, что их правительства придают очень большое значение проведению выборов²⁸. Встреча П. Грозы с А. Гарриманом, К. Керром, американским представителем в Румынии Б. Берри, политическим представителем Великобритании Ле Руджетелем, другими сотрудниками госдепартамента и Форин оффис состоялась 9 января. Перед главой румынского правительства был поставлен вопрос о дате проведения выборов. Западные дипломаты особо подчеркивали обязательство румынского правительства провести свободные выборы. Причем они не делали секрета из того, что понимают под этой «свободой». А. Гарриман и К. Керр старались получить у П. Грозы обещание о том, что на период избирательной кампании будет отменена цензура, будут амнистированы все осужденные за антиправительственные действия, запрещена деятельность министерства пропаганды, юстиции и внутренних дел²⁹. Они пытались увязать с выборами все основные прежние требования к правительству, выдвигавшиеся до и в ходе Московского совещания. К. Керр пошел еще дальше и заявил, что надеется на запрет в избирательных программах двух слов — «фашист» и «предатель»³⁰.

Заявления американских и английских представителей на этой встрече ясно показали, что «свободу» выборов они трактуют как полную неограниченность действий антиправительственной и фашистской реакции, ущемление прерогатив правительства, отмену демократических завоеваний румынского народа. А. Гарриман в письме к Бирнсу предлагал «не предоставлять признания (румынскому правительству. — К. Ж.), пока мы не убедимся, что свободы на деле осуществляются», «чтобы были приняты меры для обследования, и, если свободы не будут удовлетворительными, выдвинуть возражения»³¹. Следовательно, речь вновь шла о контроле за выборами.

Добиваясь от премьер-министра согласия на свои требования, А. Гарриман и К. Керр стремились протолкнуть в правительство представителей НЦП и НЛП, широко известных антисоветской и антидемократической деятельностью. Большое значение в данном случае имело то обстоятельство, что по настоянию советской стороны комиссия вела переговоры о включении новых министров не с оппозицией, а правительством³².

4 января оппозиционные партии предложили включить в правительство вице-председателя НЦП Иона Михалаке и Константина (Бебе) Брэтиану, племянника К. (Дину)

Брэтиану, лидера НЛП. В тот же день состоялось бурное совещание представителей международной комиссии и членов кабинета. На этом совещании правительство отказалось включить в свой состав И. Михалаке, открыто призывавшего в 1941 г. к войне против СССР и добровольно вступившего в ряды фашистской армии, и Бебе Брэтиану, несшего ответственность за кровопролитие 8 ноября 1945 г. Мнение румынского правительства поддержал и советский представитель в комиссии А. Я. Вышинский³³. Задержка в выполнении решения Московского совещания, писала «Ромыния либерэ», вызвана тем, что НЦП и НЛП предложили лиц, которые не отвечают условиям, выдвинутым московским соглашением³⁴.

После того как правительство категорически отказалось принять подобных представителей, оппозиция пошла на уступки. 6 января правительство и оппозиция достигли согласия о включении в кабинет Эмиля Хациегану, члена исполкома НЦП из Трансильвании, и Михая Ромничану, крупного банкира и коммерсанта, от НЛП. 7 января они были утверждены комиссией³⁵.

8 января было опубликовано правительственное сообщение. В нем указывалось, что, выполняя рекомендации Московского совещания, совпадавшие со стремлением КПР и других демократических сил к консолидации революционной демократии в Румынии, правительство решило в кратчайший срок провести выборы в Национальное собрание, обеспечить их свободу и участие в них всех признанных демократических и антифашистских партий, принять в свои ряды в качестве министров без портфелей представителей НЦП и НЛП³⁶.

Решение Московского совещания о румынском правительстве было реализовано. 5 февраля США и Великобритания официально информировали румынских представителей о согласии восстановить дипломатические отношения и признать правительство П. Грозы³⁷. «Наша страна добилась благотворных результатов благодаря политике подлинного демократизма и искреннего соблюдения обязательств, осуществляемых правительством П. Грозы, — писала «Скынтейя». — Признание США и Англией румынского правительства — новое проявление искренней поддержки со стороны Советского Союза — укрепляет наше убеждение, что вскоре Румыния сможет занять достойное место среди других суверенных и демократических наций»³⁸. Провал попыток свергнуть правительство, пришедшее к власти в результате революционной борьбы масс,

признание его великими державами, подчеркивают румынские исследователи, «ознаменовали важный этап в укреплении демократического строя, упрочении независимости и суверенитета Румынии»³⁹.

Потерпев сокрушительное поражение в развернувшейся на протяжении 1945 г. борьбе за немедленное свержение правительства П. Грозы, империалистические державы и реакционная румынская оппозиция торопились обеспечить победу в предстоявшем новом политическом столкновении. Выборы в парламент они рассматривали как генеральную битву с народно-демократической властью. Для буржуазной реакции, пишет М. Фэту, выборы являлись последним шансом добиться главной цели: захватить доминирующие позиции в политической жизни, с тем чтобы создать условия для перехода к социально-политическому режиму, основанному на эксплуатации. Лидеры оппозиции подчеркивали, что «речь идет не об избрании правительства на один, два или три года, а о социальном режиме на сто лет»⁴⁰.

Внешнеполитические органы США и Англии теперь также рассматривали выборы как генеральную битву против народно-демократического строя Румынии. Первые попытки обеспечить условия для победы буржуазных партий на них, как было показано, предпринимались еще во время работы международной комиссии в Бухаресте сразу же после завершения Московского совещания. Весь дальнейший политический курс Вашингтона и Лондона в отношении Румынии был подчинен этой задаче. Основные усилия внешнеполитических органов США и Англии шли в двух направлениях. Во-первых, они старались вынудить румынское правительство провести выборы в Национальное собрание до начала лета 1946 г., что могло позволить оппозиции использовать в своих интересах трудное положение со снабжением населения и надвигавшейся угрозой голода до нового урожая. В среде оппозиционных партий продолжались и ускорялись процессы дезинтеграции и раскола, после московского совещания ряд видных деятелей этих партий был склонен перейти к сотрудничеству с правительством⁴¹. Борьба между группировками либералов во главе с Г. Тэтэреску и Д. Брэтиану, царанистов — Ю. Маниу, А. Александреску, Н. Лупу, дальнейшее падение престижа оппозиционных партий в глазах рядовых членов в результате признания правительства П. Грозы западными державами — все это также заставляло внутреннюю и внешнюю реакцию торопиться с проведением

выборов до полной дискредитации и развала НЦП и НЛП.

Во-вторых, они стремились связать румынское правительство многочисленными обязательствами и до разработки избирательного закона оговорить условия, которые могли бы обеспечить победу на выборах оппозиции. Действия в этом направлении были начаты 9 января, когда английский и американский послы пытались вырвать у румынского премьер-министра обещание отменить на время выборов цензуру, запретить деятельность министерств пропаганды, юстиции и внутренних дел, прекратить преследование фашистских преступников, амнистировать осужденных противников народной власти, дать согласие на международный контроль за выборами. Так как румынское правительство игнорировало эти требования, то внешнеполитические органы США и Англии решили во что бы то ни стало их навязать.

5 февраля в нотах американского и английского правительств о восстановлении дипломатических отношений с Румынией указывалось одновременно, что выборы должны быть проведены в конце апреля — начале мая. В нотах оговаривалось, что по вопросам о свободе прессы, проекте избирательного закона, процедуре проведения выборов должно быть достигнуто согласие между правительством и оппозиционными партиями, что министерства внутренних дел, юстиции и пропаганды должны действовать под их контролем⁴².

Признание правительства П. Грозы увязывали с этими требованиями для того, чтобы создать впечатление, что западные державы действуют во исполнение достигнутого в Москве соглашения, хотя оно не предусматривало никаких требований к румынскому правительству за исключением его обязательства провести свободные выборы. Правительство П. Грозы полностью выполнило решения, принятые на совещании в Москве. Требования, касавшиеся проведения выборов, были справедливо отклонены румынским правительством. Несмотря на то что дипломатическая уловка Вашингтона и Лондона не удалась, США и Англия были намерены, ссылаясь на Московское совещание, и в дальнейшем требовать от румынского правительства выполнения «обещаний», которые оно на себя не принимало и не обязано было принимать.

Этот курс, так же как и предшествовавшие попытки добиться отставки правительства П. Грозы, проводился в тесном взаимодействии внешнеполитических ведомств за-

падных держав и реакционной оппозиции. Не случайно, США и Англия добивались «согласия» румынского правительства с оппозицией по процедуре выборов. Нарушая соглашение трех держав, предусматривавшее лояльное сотрудничество представителей оппозиции с правительством, новые министры от НЦП и НЛП вели подрывную деятельность. М. Ромничану выступил с требованием ликвидировать министерство пропаганды, утверждая, что антифашистская пропаганда не может быть делом правительственного органа⁴³. Э. Хациегану добивался проведения выборов до 1 мая и создания международной комиссии для их контроля⁴⁴. Оппозиционная пресса начала травлю прогрессивных деятелей Румынии, активных участников общества советско-румынской дружбы (АРЛУС) М. Садовяну и К. Пархона, обвиняя их в предательстве⁴⁵.

Со своей стороны, госдепартамент и Форин оффис продолжали оказывать внешнеполитическое давление на румынское правительство. Однако действия их были неуверенными. 23 марта госдепартамент предложил Форин оффис обсудить вопрос «о возможности обращения трех великих держав к румынскому правительству», с тем чтобы оно назначило точную дату выборов и предприняло немедленные меры к тому, чтобы выполнить свои «обязательства». Предвидя отказ СССР присоединиться к демаршу западных союзников, госдепартамент заранее предусмотрел сепаратные действия США и Англии⁴⁶. 11 апреля Лондон ответил, что согласен на оба предложения⁴⁷. Однако ноты протеста в адрес румынского правительства тогда так и не были направлены. По-видимому, в Вашингтоне и Лондоне посчитали необходимым более тщательно подготовить для этого почву.

Задуманное наступление развернулось в мае. Реакционная оппозиция и империалистические державы стремились упредить действия демократических сил и повлиять на формулирование избирательного закона. Как и было задумано, лидеры НЦП и НЛП постарались создать предлог для вмешательства США и Англии и новых попыток навязать правительству свои требования в отношении выборов. Ю. Маниу 1 мая, а Д. Брэтиану 13 мая направили американским, английским и советским представителям в Бухаресте меморандумы с обвинениями правительства П. Грозы в нарушении обязательств, принятых в соответствии с соглашением в Москве⁴⁸. Эти обращения, писал Б. Берри, «дают основание рекомендовать, чтобы США выступили с протестом перед румынским правительством»⁴⁹.

Получив весомые, с их точки зрения, основания, США и Англия направили 27 мая румынскому правительству ноты протеста против нарушения принятых им обязательств (подразумевались, конечно, те требования, которые были продиктованы госдепартаментом и Форин оф-фис 5 февраля при установлении дипломатических отношений, но не были приняты правительством П. Грозы)⁵⁰. Аналогичную ноту получило Советское правительство. Отвечая на нее, румынское правительство отвергло обвинения в свой адрес⁵¹. Однако через 10 дней последовали повторные ноты. В них ответ румынского правительства квалифицировался как неудовлетворительный.

Разоблачая несостоятельность обвинений правительства П. Грозы, румынская пресса писала: «Достаточно почитать газеты оппозиционных партий, чтобы стало ясно, насколько не ограничены предоставленные этим партиям свободы...», «ни в одной цивилизованной стране не позволена подобная оргия оскорблений в адрес министров и государственных деятелей»⁵². Румынская общественность была удивлена тем, что американский и британский представители в Бухаресте не замечали «расистских и антисоветских пассажей газет исторических партий»⁵³.

Пока происходил обмен нотами, демократические силы Румынии без оглядки на угрозы империалистических держав готовились к выборам. Предложение Пленума ЦК РКП в январе 1946 г. о выступлении на выборах единым списком всех сил, входивших в правительство демократической концентрации, было поддержано исполкомом «Фронта земледельцев», съездом социал-демократической партии, национал-либеральной партией во главе с Г. Тэтэреску, национал-царанистской партией во главе с А. Александреску, национально-народной партией. Это позволило 17 мая создать единый Блок демократических партий⁵⁴. 20 мая была опубликована платформа-программа Блока. Она предусматривала меры по быстрейшему восстановлению народного хозяйства, повышению материального благосостояния масс, обеспечению гражданских прав и свобод, равноправию женщин, устранению национального неравноправия⁵⁵. 31 мая на всеобщее обсуждение был передан проект избирательного закона. В нем предусматривалось, что выборы будут проводиться «на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования», право участвовать и быть избранными предоставлялось гражданам в возрасте свыше 21 года. Впервые в истории Румынии женщины получали равные с мужчина-

ми избирательные права, к голосованию допускались военнослужащие. В то же время проект закона предусматривал лишение права избирать и быть избранными лиц, непосредственно участвовавших в установлении фашистской диктатуры, поддерживавших преступную фашистскую агрессию⁵⁶. Проект закона полностью отвечал обязательствам восстановления демократических норм общественной жизни и искоренения остатков фашизма, принятым румынским правительством в соглашении о перемирии и соответствовал решениям Московского совещания 1945 г. о проведении выборов в Румынии.

Одновременно был опубликован проект закона о реорганизации палаты депутатов и роспуске сената, одного из наиболее реакционных законодательных органов буржуазно-помещичьего режима. Этим актом ликвидировалось «реакционное учреждение, использовавшееся при старом строе для ограничения в интересах эксплуататорских классов деятельности депутатов Собрания»⁵⁷.

Оба проекта вызвали ярость реакционных сил. Отмена прежней поэтапной процедуры голосования, разрешение участвовать в выборах военнослужащим, недопущение к ним фашистов и сотрудничавших с военно-фашистской диктатурой лиц, большинство из которых вошло в НЦП, роспуск сената, оплота буржуазии и помещиков в парламенте — все это наносило ощутимый удар по позициям реакционных сил в предвыборной борьбе. Буржуазные партии ополчились против статьи 7-й проекта закона о выборах, не допускавшей к выборам членов фашистских организаций и пособников режима Антонеску. Как отмечают советские исследователи, это обстоятельство подтвердило, что НЦП и НЛП не могут обойтись на выборах без поддержки фашистских элементов, и выявило их социальную базу⁵⁸.

Согласиться на изменения, предусмотренные в проектах-законах, оппозиционные партии не хотели. 2 июня был опубликован манифест «Воззвание НЦП к стране», явившийся ответом на программу демократических сил, и избирательный закон. Широко пользуясь демагогией, лидеры НЦП обещали установить в стране «промежуточный строй», создать «крестьянское государство» как альтернативу народно-демократическому строю. (Манифест-программа НЛП появилась гораздо позднее — в октябре. Она подтверждала приверженность партии принципу частной собственности, декларировала «содружество капитала и труда», провозглашала «открытые двери» для иностранного капитала⁵⁹.)

Ранее лидеры оппозиции и внешнеполитические органы западных держав приложили немало усилий, чтобы заставить румынское правительство провести выборы как можно скорее. А теперь, чувствуя, что почва уходит у них из-под ног, оппозиционеры стремились всячески отсрочить выборы. «Еще недавно, — писала «Ромыния либерэ», — НЛП уверяла зарубежные страны, что подготовку избирательного закона, составление списков кандидатов и проведение выборов можно осуществить всего за 3 месяца. Теперь партия требует 6 месяцев только на составление списков. Это еще раз показывает, сколь мало обоснованы не только действия НЛП, но и позиция некоторых иностранных кругов»⁶⁰.

Представители оппозиции в правительстве — министры Хациегану и Ромничану продолжали деструктивную линию и «использовали любой случай для выражения своего недовольства, провокации и саботажа работы правительства»⁶¹. В руках оппозиции находилось около 15 газет и журналов, которые она использовала исключительно для очернения правительства и демократических партий. В этой деятельности она располагала не только моральной поддержкой Запада. Для ведения «предвыборной пропаганды» руководство НЦП получило 6 млрд лей из-за рубежа⁶².

Но всего этого было явно недостаточно, чтобы заставить отступить партии, объединившиеся в демократический Блок. Несмотря на недавнюю неудачу дипломатического давления империалистических держав на СССР и румынское правительство, чтобы заставить последнее принять требования оппозиции относительно процедуры выборов, лидеры НЦП и НЛП вновь пытались добиться вмешательства США и Англии. 23 июня они направили в американскую и английскую миссию новые меморандумы. В них утверждалось, что законы, выдвинутые на обсуждение, противоречат конституции и делают невозможным выполнение Московского соглашения по вопросу о выборах⁶³. После так называемой «королевской забастовки» была предпринята повторная попытка использовать монархию и конституционный фактор. Под давлением лидеров оппозиции 4 июля король довел до сведения иностранных представителей в Бухаресте, что не может подписать законы, поскольку они противоречат конституции в вопросе о роспуске сената⁶⁴.

Однако, помня об исходе «королевской забастовки» в 1945 г., Михай не собирался доводить до полного разрыва

разногласия с правительством. Он сообщил Б. Берри, что если ему не удастся настоять на своем, то он будет вынужден подписать законы⁶⁵.

Однако в Вашингтоне и Лондоне больше не верили в возможность вынудить румынское правительство принять требования оппозиции и западных держав. Тем не менее Берри все же предлагал обратиться к кабинету П. Грозы с требованием изменить избирательный закон, запретить на время выборов деятельность министерств пропаганды, юстиции, внутренних дел, допустить в страну иностранных наблюдателей для надзора за выборами. Нам надо заранее смириться с тем, писал он, что это будет «не более чем „бумажный“ протест. Однако мы должны это сделать, чтобы иметь возможность не признавать результатов выборов»⁶⁶. В то же время Б. Берри был против доведения до конца конфликта между королем и правительством, чтобы король не лишился «возможности вступить в борьбу снова, когда его позиция будет более сильной»⁶⁷. 13 июля король подписал законы о проведении выборов и роспуске сената.

Так и не направленные румынскому правительству ноты протеста окончательно потеряли смысл. Дело заключалось отнюдь не в нерешительности госдепартамента и Форин оффис. Положения избирательного закона носили столь ярко выраженный демократический характер, что госдепартамент оказался вынужден признать, что «против них нельзя выдвинуть весомых возражений»⁶⁸. Внешнеполитические органы США и Англии ограничились устным обращением своих представителей в Бухаресте к румынскому правительству с напоминанием об обязательстве провести свободные выборы⁶⁹.

Таким образом, уже в начале избирательной кампании в Румынии империалистические державы поняли, что они не способны оказать решающее воздействие на политическое противоборство оппозиции и демократического Блока. Это поставило под сомнение возможность использовать решения Московского совещания, для того чтобы отстранить правительство П. Грозы от власти в ходе выборов.

Не получив ощутимой поддержки из-за рубежа, румынская оппозиция быстро теряла свои позиции. Престиж ее неуклонно падал. Прошедший в мае суд над Антонеску и другими руководителями военно-фашистского режима выставил на всеобщее осуждение связи лидеров НЦП и Н.П. с военными и фашистскими преступниками. 26 ию-

ля все румынские газеты опубликовали коммюнике МВД о следствии по делу участников выявленных диверсионных групп «Голос крови», «Черные сермяги», «Гайдуки Аврама Янку», «Группа Елены Басарабяну». В коммюнике содержались сведения о постоянных контактах лидеров НЦП и НЛП с руководством этих групп. «Теряя реальные возможности обмануть массы, усыпить их бдительность. — отмечал Г. Георгиу-Деж, — они полагают, что могут бросить страну во время выборов в пламя гражданской войны, чтобы доказать за рубежом, что правительство не в состоянии контролировать ситуацию»⁷⁰. Вскрытые факты вызвали негодование широких народных масс.

Не могли предотвратить дальнейшего падения престижа НЦП и НЛП и демагогичные избирательные программы оппозиционных партий. Многие члены национал-царанистской и национал-либеральной партий отказывались следовать политике, проводимой их лидерами, объявляя о разрыве с ними. Один из видных деятелей НЦП Н. Граур заявил 8 июня, что эта партия представляет собой собрание экспроприированных помещиков, подозрительных адвокатов, государственных деятелей эпохи Антонеску, новоиспеченных богачей⁷¹. «Румынская политическая реальность, — писала «Скынтейя», — категорически продемонстрировала, что «исторические» группировки окончательно выродились в клики, не пользующиеся доверием масс, без поддержки широких слоев населения, выражающие политические интересы паразитирующих кругов и отвергаемые подавляющим большинством румынского народа»⁷².

Сложившаяся летом 1946 г. расстановка политических сил предвещала провал замыслов империалистических держав, пытавшихся использовать решения Московского совещания по вопросу о правительстве Румынии для нанесения решающего удара народно-демократической власти.

§ 3. Искажение внешнеполитическими органами империалистических держав сущности московского соглашения по вопросу о болгарском правительстве

Стремление каким-либо способом использовать решения Московского совещания для реализации своих целей империалистические державы проявляли и в отношении Болгарии. Но сделать это было еще сложнее, чем в отношении Румынии. Соглашение не предусматривало никаких обязательств болгарского правительства, не выстав-

ляло никаких условий его признания, кроме одного — включения двух представителей оппозиции, согласных ложно сотрудничать с ним. А это означало, отмечала газета «Отечествен фронт», что представители оппозиции «должны признать программу Отечественного фронта, считаться с Отечественным фронтом, быть готовыми на деле работать с ним»⁷³. Ни одно из требований болгарской оппозиции не было учтено.

3 января лидер оппозиционного БЗНС встретился с американским представителем в Софии М. Барнсом и обсудил создавшуюся ситуацию. Н. Петков прямо заявил, что оппозиция единодушна в отказе войти в правительство Отечественного фронта. Не принимая во внимание решение, принятое в Москве, оппозиционные лидеры были намерены добиваться того, чтобы коммунисты покинули министерство внутренних дел, а также роспуска парламента, отмены результатов выборов 18 ноября 1945 г. и проведения новых выборов в Народное собрание⁷⁴. Оппозиционные газеты не печатали дословно текст московского соглашения. Они утверждали, что «правительство не признано, а признана оппозиция»⁷⁵. Однако в них содержались угрозы, что сколько бы представителей оппозиции ни вошло в кабинет, она «будет добиваться изменения не формы, а его характера»⁷⁶. На страницах своей газеты Н. Петков открыто потребовал, чтобы БРП(к) передала другой партии министерства внутренних дел и юстиции, было распущено Народное собрание и «проведены новые выборы»⁷⁷.

Со своей стороны, правительство Болгарии приветствовало соглашение Московского совещания и было готово к его исполнению. Совет Министров Болгарии 3 января назначил правительственную комиссию для ведения переговоров с оппозицией. На следующий день премьер-министр К. Георгиев направил письма лидерам оппозиционных БЗНС (Н. Петков) и СДРП(о) с предложением назначить представителей для переговоров⁷⁸. Разрабатывая позицию правительства в переговорах с оппозицией, Г. Димитров отметил, что не может стоять вопрос о роспуске законно избранного Народного собрания. Оно должно продолжать свою работу до предстоящих выборов в Великое Народное собрание. Все основные министерства должны оставаться в руках тех партий, которые ими руководят. Только такая линия правительства в переговорах, подчеркнул Димитров, могла отвечать букве и духу решения в Москве⁷⁹. 5 января представителям оппозиции

было передано заявление правительства, что на переговорах будет обсуждаться только один вопрос — о включении в правительство двух дополнительных представителей, согласных с его внутренней и внешней политикой. Оппозиционные группы, выдвигающие представителей в правительство, должны соотносить свои действия с этой политикой, отказаться от враждебных по отношению к правительственным органам выступлений в печати. В заявлении также указывалось, что Народное собрание будет работать до 28 марта, оно проведет голосование по бюджету, закону о созыве Великого Народного собрания и другим неотложным вопросам⁸⁰. Правительство Отечественного фронта добросовестно сделало все, что от него зависело, выполняя рекомендации Московского совещания.

6 января оппозиционные БЗНС и социал-демократическая партия вручили правительству ответ на его обращение. В документах обеих партий делались нападки на Отечественный фронт и его внутреннюю политику, выдвигались условия участия в правительстве: передача им министерств внутренних дел и юстиции, роспуск Народного собрания, проведение новых выборов в парламент, очищение командования армии от коммунистов. Принять эти требования, отказаться от завоеваний Отечественного фронта, нарушить условия московского соглашения правительство не могло. 7 января в специальном коммюнике оно заявило об отказе вести переговоры с оппозицией на подобной основе⁸¹.

События первой недели после завершения Московского совещания показали, что правительство Болгарии было готово выполнить его рекомендации и сделать предусмотренную в них уступку — включить в свой состав двух представителей оппозиционных партий. Решение министров иностранных дел СССР, США и Англии не оказало серьезного воздействия на оппозицию, она продолжала выдвигать прежние требования. Решения Московского совещания она использовала для того, чтобы навязать правительству диалог на основе собственных условий, а не тех, которые были предусмотрены на совещании в Москве.

Действия болгарской оппозиции вынудили державы, чьи представители участвовали в этом совещании, определенным образом отреагировать на создавшуюся ситуацию. Советский Союз, внесший решающий вклад в достижение компромиссных соглашений, добившийся отказа делегаций США и Англии в Москве от требований о корен-

ной реорганизации правительства Болгарии и проведения новых выборов в парламент, сразу же твердо заявил о необходимости строго соблюдать решения, принятые в Москве. Позиция Советского Союза была изложена Председателю Совета Министров К. Георгиеву, а также министрам иностранных дел и внутренних дел Болгарии П. Стайнову и А. Югову во время их визита в Москву 7—10 января 1946 г.⁸² Советские руководители рекомендовали представителям болгарского правительства в случае дальнейших переговоров с оппозицией ограничиваться рамками московского соглашения и не вступать в дискуссию о выборах, о каких-либо изменениях в Палате или ее роспуске⁸³. 9 января в Софию был направлен заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинский. Он беседовал с руководителями партий Отечественного фронта, встретился с лидерами оппозиции. Н. Петков и К. Лулчев вновь выдвинули требования к правительству. «Я приехал не обсуждать и не принимать ваши условия, — заявил советский представитель. — Я приехал, чтобы передать вам решение, принятое в Москве, в соответствии с которым, если вы согласны, должны направить двух представителей в правительство»⁸⁴. Однако, как указывалось в сообщении ТАСС от 13 января, уклоняясь от ответа, Лулчев и Петков продолжали настаивать на своих условиях, «отвергнув таким образом решение о Болгарии министров иностранных дел СССР, Соединенных Штатов и Великобритании»⁸⁵. После встречи А. Я. Вышинского с Н. Петковым и К. Лулчевым стало ясно, что дальнейшие переговоры бессмысленны, оппозиция не намерена выполнять московское соглашение, поэтому болгарское правительство приняло решение об их прекращении.

Сорвав выполнение этого соглашения, оппозиция развязала новую кампанию нападок в адрес правительства. Его обвиняли в неспособности навести порядок в стране, в насилии и терроре, что должно было аргументировать требование о передаче министерств внутренних дел и юстиции представителям оппозиционных партий⁸⁶. 25 января Н. Петров и К. Лулчев направили письмо в СКК. В нем говорилось о политическом кризисе в Болгарии, о «нарушениях» прав и свобод, о необходимости роспуска Народного собрания и проведения новых выборов. О Московском совещании вообще не упоминалось. В письме содержалось обращение к Комиссии с просьбой содействовать преодолению «политического кризиса»⁸⁷.

Оппозиция обратилась в СКК с ведома и при поощрении американских и английских представителей. Послед-

ние были в курсе намерений оппозиции не принимать во внимание решение Московского совещания и всячески одобряли этот курс. Американский политический представитель в Софии М. Барнс, действуя вопреки соглашению министров иностранных дел СССР, США и Англии, еще 3 января на первых консультациях с Н. Петковым рекомендовал ему добиваться создания нового правительства⁸⁸. По сообщениям оппозиционных социал-демократов, такие же рекомендации давал и английский представитель⁸⁹. Еще не получив инструкций из госдепартамента и действуя на свой страх и риск, М. Барнс пытался «исправить ошибку», допущенную западными представителями в Москве. 22 января он поставил перед премьер-министром К. Георгиевым, а 23 января перед министром иностранных дел П. Стайновым вопрос о роспуске Народного собрания и проведении новых выборов. Когда же болгарские представители подтвердили стремление своего правительства соблюдать рекомендации Московского совещания, отвергнутые оппозицией, М. Барнс прямо заявил, что следует «придать больше значения ноте США от 16 ноября 1945 г. и меньше внимания уделять политическому эффекту от уступок оппозиции»⁹⁰. Ссылаясь на ноту от 16 ноября 1945 г., он пытался подчеркнуть необходимость провести новые выборы, не придавая значения московскому решению о включении в правительство двух представителей оппозиции. Эти заявления Барнс сделал в тот день, когда Софию покинул А. Я. Вышинский, подтвердивший мнение Советского правительства о необходимости строго придерживаться рекомендаций Московского совещания. М. Барнс принял участие и в составлении письма оппозиционных лидеров в адрес СКК.

Бурная деятельность американского представителя, противоречившая московскому соглашению, его участие в составлении петиции были замечены и осуждены прогрессивной болгарской общественностью. «Знаем, что существуют очень близкие, интимные отношения между оппозиционными лидерами и одним иностранным дипломатом. Он мало действует как выразитель политики своей собственной державы, а больше как ревностный советник наших оппозиционеров», — писала «Работническо дело»⁹¹. Этот представитель, отмечала другая газета, не постеснялся сообщить нашим видным общественным деятелям, что «московское решение относительно Болгарии не имеет никакого значения, хотя знает, что под ним стоит подпись министра иностранных дел его страны»⁹².

Письмо лидеров оппозиции не было принято руководством СКК. Генерал-полковник С. С. Бирюзов заявил, что подобный недостойный документ не может подлежать обсуждению и вернул его авторам⁹³. Н. Петков и К. Лулчев и не рассчитывали на то, что их обращение будет принято СКК. Их задача, отмечает М. Исусов, состояла лишь в том, чтобы создать предлог для вмешательства империалистических держав⁹⁴.

Однако для того чтобы вмешаться в спор между болгарским правительством и оппозицией, западные державы должны были разработать свою позицию в свете новой ситуации, созданной соглашением в Москве. Как уже отмечалось, отречься от него вскоре после его подписания Вашингтон и Лондон не могли. Кроме того, предстоявшее подписание мирного договора требовало восстановления дипломатических отношений с Болгарией. Но, с другой стороны, прекратить борьбу против Отечественного фронта и обречь на поражение оппозицию империалистические державы тоже не хотели.

И все же большая часть сотрудников внешнеполитических органов США по-прежнему считала необходимым продолжать политику непризнания болгарского правительства. Дж. Кеннан запугивал госдепартамент тем, что признание этого правительства откроет Советскому Союзу путь к захвату Проливов⁹⁵. А. Гарриман предполагал, что продолжение политики непризнания может вынудить болгарское правительство пойти на уступки госдепартаменту⁹⁶. М. Барнс буквально засыпал госдепартамент меморандумами, в которых расписывал ужасы выхода СССР в восточное Средиземноморье, Адриатику, подчинения Турции и Греции, если в Болгарии не будет оказано «хоть какое-нибудь сопротивление в форме непризнания болгарского правительства до всеобщих выборов в конце весны или начале лета»⁹⁷. Барнс писал, что московское решение основано на неправильной оценке ситуации в Болгарии в свете американских интересов⁹⁸.

В конце января Форин оффис и госдепартамент провели совещания своих сотрудников по вопросу о ситуации в Болгарии. 9 февраля Лондон уведомил Вашингтон, что не желает выступать перед Советским Союзом с новыми инициативами в отношении Болгарии⁹⁹.

Руководитель госдепартамента Дж. Бирнс оказался в сложном положении. Он знал о негативном отношении к решению Московского совещания президента, ведущих сотрудников госдепартамента и сам понимал, что ни выпол-

нение этого соглашения, ни отказ от его реализации и продолжение политики непризнания болгарского правительства не могут привести к серьезным изменениям положения в Болгарии. Вместе с тем он пытался найти выход из тупика, по возможности сохранив свое лицо как участника Московского совещания.

В конце концов Дж. Бирнс принял предложение сотрудника госдепартамента Б. В. Коэна довести до сведения СССР, что «хотя Московское соглашение не предусматривало особых условий для включения в болгарское правительство двух представителей оппозиции, оно не препятствует и даже более того, на наш взгляд, подразумевает, что участие этих представителей произойдет на условиях, взаимоприемлемых как для правительства, так и для оппозиции»¹⁰⁰. Другими словами, предлагалось сделать вид, что госдепартамент трактует соглашение как рекомендацию болгарскому правительству принять представителей оппозиции на компромиссных условиях. Предложение Коэна устраивало госсекретаря, так как в определенной мере «оправдывало» подпись Бирнса под соглашением в Москве, в то же время позволяя по-прежнему добиваться кардинальных уступок от болгарского правительства. Подобный курс был продолжением прежних попыток добиться фундаментальной реорганизации болгарского правительства и вынуждал США и Англию вести прежнее противоборство с СССР в рамках союзной политики.

16 февраля Б. В. Коэн встретился с Вышинским. Он изложил советскому представителю американскую точку зрения, согласно которой в соответствии с соглашением в Москве оппозиция должна войти в правительство на условиях, приемлемых для нее. Однако, как сообщал работник госдепартамента, А. Я. Вышинский в очередной раз подчеркнул, что в соглашении названы только два условия вхождения представителей оппозиции в болгарское правительство: они будут действительно представлять оппозицию и будут лояльно сотрудничать с правительством¹⁰¹.

В столицах западных держав предвидели подобный ответ Советского правительства. Об этом предупреждал М. Барнс, скептически расценивший перспективы нового дипломатического маневра госдепартамента. И тем не менее претензии на то, что решение Московского совещания подразумевало компромисс между правительством и оппозицией, стали официальным курсом США и Англии

до завершения мирного урегулирования и фундаментального изменения стратегии империалистических держав в отношении СССР и народно-демократических стран. Это был вынужденный шаг, предпринятый в силу обстоятельств, обойти которые было невозможно. Успех его был чрезвычайно проблематичен, так как ввиду отказа болгарского правительства рассматривать требования оппозиции, все зависело от позиции СССР. Прежний опыт борьбы с советской дипломатией по вопросу о «реорганизации» болгарского правительства не давал оснований для оптимизма.

И все же империалистические державы пошли в наступление. 22 февраля неофициальный политический представитель Болгарии в США генерал-лейтенант Вл. Стойчев был приглашен в отдел Юго-Восточной Европы госдепартамента, где ему вручили ноту США. Ее текст 25 февраля был передан министру иностранных дел Болгарии, а 27 февраля — Советскому правительству. В ноте, адресованной Советскому правительству, сообщалось, что «правительство США интерпретирует московское решение в том смысле, что болгарскому правительству и оппозиции надлежит предложить *найти взаимоприемлемый базис* для участия в настоящем болгарском правительстве двух членов, действительно представляющих оппозиционные партии», базис, который «*даст возможность*» двум членам оппозиции участвовать в правительстве (курсив наш. — К. Ж.)¹⁰². Британское правительство заявило, что разделяет взгляды, изложенные в этой ноте¹⁰³.

Эта акция империалистических держав резко активизировала действия оппозиции. Усиленно распространяя слухи о новой мировой войне, оппозиция стремилась вызвать тревогу, неуверенность среди трудящихся, толкала профашистские и шовинистические элементы на антигосударственные действия¹⁰⁴. Используя американские ноты, оппозиционеры цинично требовали, чтобы правительство, узнав «другое толкование московского решения», вывело страну из «кризиса без постороннего вмешательства»¹⁰⁵.

Однако болгарское правительство не приняло обвинений в том, что «оно будто бы неправильно истолковало московское решение». Оно указало, что США своими действиями «побуждают оппозицию провалить решение, принятое Московским совещанием, в котором участвовал и представитель США»¹⁰⁶. Вместе с тем подчеркивалось, что болгарское правительство приняло во внимание авторитетное толкование, переданное советским представите-

лем от имени трех держав. «Если же это толкование не отвечает взглядам кого-либо из подписавших Московское соглашение, то с этим вопросом следует обращаться не к болгарскому правительству»¹⁰⁷.

Начатое правящими кругами США и Англии наступление против демократической Болгарии получило достойный отпор со стороны Советского правительства. 7 марта поверенный в делах СССР в США Н. В. Новиков передал в госдепартамент ответную советскую ноту. В ней очередной раз подчеркивалась необходимость соблюдения предусмотренных в соглашении условий вступления представителей оппозиции в болгарское правительство. Причем отмечалось также, что в этом соглашении «ничего не говорится о том, что представители оппозиции должны войти в состав болгарского правительства на базе каких-то взаимоприемлемых условий» и что «заявление правительства США является нарушением Московского соглашения», поскольку в нем выдвинуто новое условие для участия оппозиции в правительстве. В ноте Советского правительства говорилось также, что Барнс систематически подстрекает оппозиционеров выдвигать новые условия и что заявление США 22 февраля проникнуто тем же стремлением. Оно «толкает оппозицию на срыв решения, принятого при участии представителя Соединенных Штатов на Московском совещании»¹⁰⁸.

Но западные державы продолжали упорствовать. Советскому правительству 10 марта была направлена новая нота, в которой вновь утверждалось, что американские предложения соответствуют московскому соглашению. Правительство США и госдепартамент старались снять с себя и со своего представителя в Болгарии обвинение в подстрекательстве оппозиции к антиправительственным акциям, заявляя, что их действия направлены на распространение среди всех партий Болгарии духа сотрудничества¹⁰⁹.

Между тем в госдепартаменте лучше, чем где-либо знали, что сказанное Советским правительством о действиях М. Барнса в Софии полностью соответствует действительности. Это не было секретом и для широкой общественности. Американская «Чикаго сан» писала, что было бы гораздо легче прийти к соглашению по вопросам развития восточноевропейских стран, «если бы вместо миссий, заполненных истерическими противниками красных, как в Софии, западные демократии имели бы представителей, которые понимают, что мы стремимся жить в дружбе с

Россией»¹¹⁰. В своих действиях в Болгарии и в донесениях в госдепартамент Барнс так упорно осуждал московское соглашение и так настойчиво подстрекал к его нарушению, что это стало мешать попыткам внешнеполитических органов США и Англии оказать давление на болгарское правительство со ссылкой на необходимость выполнения московского соглашения. Более того, М. Барнс выступил с критикой и этих попыток. Он предлагал дождаться удобного случая, когда вновь остро встанет вопрос о признании болгарского правительства и вернуться к прежнему требованию о проведении выборов¹¹¹.

Развязный тон Барнса, беззастенчивая критика соглашения, подписанного государственным секретарем США в Москве, реакция в Болгарии и Советском Союзе на его действия положили конец терпению Дж. Бирнса. 22 марта он отдал распоряжение отозвать М. Барнса из Софии¹¹². Однако советники госдепартамента рекомендовали Бирнсу повременить, так как «все поймут, что мы отзываем его из-за советской критики»¹¹³. Госсекретарю пришлось ограничиться личным письмом Барнсу. Он писал, что Барнс допускает ошибку, полагая и публично заявляя о том, что московское соглашение отвечает интересам только Советского Союза. «Это противоречит мнению вашего правительства о тех преимуществах, какие могут быть достигнуты при выполнении московского соглашения, — говорилось в письме. — Представляя свое правительство в Софии, вы должны тщательно воздерживаться от подобных заявлений»¹¹⁴.

Была и другая причина, не позволявшая торопиться с отзывом Барнса. 21 марта правительство К. Георгиева ушло в отставку. У многих в Болгарии и за ее пределами создалось впечатление, что она была вызвана акциями Вашингтона и Лондона, тем, что Советский Союз согласился пойти на уступки ввиду жесткой и воинственной позиции, продемонстрированной западными державами. Оппозиция сразу же заявила, что отставка правительства свидетельствует о глубоком политическом кризисе. Газета Н. Петкова поторопилась вновь выразить несогласие принять рекомендацию Московского совещания, объявив, что «преодоление кризиса путем заштопывания прорех в Отечественном фронте будет вредным для интересов страны»¹¹⁵.

Однако подлинные причины отставки кабинета министров Болгарии были иными. Выступая 23 марта на собрании парламентской группы БРП(к), Г. Димитров отметил,

что в соответствии с выборами 18 ноября 1945 г. должно появиться новое правительство. Попытки реализовать московское соглашение задержали его создание. Дальше откладывать его формирование бессмысленно. Отечественный фронт и теперь стремится выполнить рекомендацию Московского совещания и включить в состав правительства двух представителей оппозиции, согласных лояльно сотрудничать с ним. Г. Димитров подчеркнул, что для Болгарии «является авторитетным то толкование этого решения, которое дал наш защитник Советский Союз в ответной ноте Америке (7 марта 1946 г. — К. Ж.)»¹¹⁶.

24 марта К. Георгиев пригласил лидеров оппозиционных БЗНС и БРСДП и изложил им предложения правительства, которые вновь продемонстрировали искреннее желание Отечественного фронта выполнить московское соглашение. Подчеркнув законность выборов 18 ноября 1945 г., он отметил, что правительство не возражает против проведения новых выборов в Народное собрание одновременно с ранее запланированными в Великое Народное собрание, которому предстояло разработать новую конституцию. Участие в них позволило бы оппозиции быть представленной в парламенте и войти в правительство. К. Георгиев информировал и о предстоявших изменениях в правительстве.

Однако сказанное К. Георгиевым лидеры оппозиции восприняли как капитуляцию партий Отечественного фронта. Выдвинутые ими новые условия участия в правительстве шли даже дальше требований оппозиции в январе. Н. Петков заявил, что Народное собрание должно быть немедленно распущено, изменен избирательный закон, новые выборы проведены не позднее 15 июня. Его партия требовала передать ей министерство юстиции, командование милицией, а пост одного из заместителей министра МВД отдать оппозиционным социал-демократам. Наряду с этими условиями К. Лулчев потребовал, чтобы Великое Народное собрание начало работу над конституцией только после подписания мирного договора (т. е. после вывода из Болгарии советских войск. — К. Ж.), чтобы были амнистированы осужденные за антисоветскую и антидемократическую деятельность¹¹⁷.

Требования оппозиции свидетельствовали, что она неправильно оценила собственные силы и возможности покровительствующих ей империалистических держав. Обращение правительства с призывом выполнить соглашение трех союзных держав в Москве, его согласие провести но-

вые выборы в Народное собрание она восприняла как готовность капитулировать. Прикрываясь американским и английским толкованием этого соглашения как компромисса между правительством и оппозицией, Н. Петков и К. Лулчев, по сути дела, повторяли свои бескомпромиссные требования. М. Барнс полагал, что госдепартамент и Форин оффис окажут серьезную поддержку оппозиционным лидерам, если подтвердят, что принятие требований Н. Петкова и К. Лулчева и будет означать тот «компромисс», к которому стремились Вашингтон и Лондон. Поэтому он предложил, чтобы государственный секретарь объявил, что удовлетворен продвижением болгарского правительства и оппозиции к общему «компромиссу»¹¹⁸.

26 марта Барнсу было дано указание информировать К. Георгиева, оппозицию и регентский совет о том, что «усилия обеих сторон хорошо приняты правительством» США. Барнсу надлежало также сообщить, что в Вашингтоне будут приветствовать решение о проведении новых выборов¹¹⁹. Присоединиться к этой акции собирался и Лондон.

Но события вновь опередили действия внешнеполитических органов западных держав. 28 марта состоялась очередная встреча Н. Петкова и К. Лулчева с представителями Отечественного фронта. В ходе этой встречи оппозиционеры повторили свои требования, подтвердив бескомпромиссную позицию. Последние шансы на осуществление рекомендаций Московского совещания окончательно исчезли, переговоры были прекращены¹²⁰.

Западные представители в Софии еще пытались спасти положение. В тот же день, 28 марта, М. Барнс передал К. Георгиеву, регентам, лидерам оппозиции послание государственного секретаря. Одновременно в регентский совет и на имя премьер-министра поступила нота правительства Великобритании. В ней говорилось: «Если возникнет действительно представительное правительство, включающее членов оппозиции, которые войдут в него на условиях, приемлемых для всех заинтересованных сторон, правительство Его Величества с удовольствием признает такое правительство»¹²¹.

В то время как западные представители пытались оказать давление на правительство Болгарии, Советский Союз заявил о своей поддержке позиции партий Отечественного фронта. Советский посол в Болгарии С. П. Кирсанов 28 марта передал К. Георгиеву сообщение, в котором

говорилось: «Советский Союз считает, что условия участия в правительстве, предъявленные оппозицией, идут вразрез с решениями Московского совещания трех министров и поэтому неприемлемы. Советское правительство считает правильными условия, выдвинутые К. Георгиевым в переговорах с оппозицией»¹²².

31 марта в Болгарии было сформировано новое правительство из представителей партий Отечественного фронта. Премьер-министром остался руководитель союза «Звено» К. Георгиев. Г. Кулишев заменил П. Стайнова на посту министра иностранных дел, были осуществлены и некоторые другие изменения. Решение Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии не было реализовано.

5 апреля в выступлении перед парламентской группой компартии Г. Димитров подвел итоги переговоров с оппозицией. Он отметил, что оппозиция окончательно разоблачила свою антинародную сущность. Свои надежды она возлагает на разногласия великих держав, более того, делает все от нее зависящее, чтобы содействовать обострению взаимоотношений между Советским Союзом, с одной стороны, Великобританией и США — с другой. «Из всего этого следует, — подчеркнул Г. Димитров, — возможно более быстрая изоляция этой злобствующей реакционной оппозиции от общественной политической жизни нашей страны. Обуздание этой оппозиции является для нашего народа политической необходимостью»¹²³.

Результаты политического противоборства в Болгарии заставили некоторых деятелей на Западе более трезво оценить сущность оппозиции и характер правительства Отечественного фронта. Английская газета «Манчестер гардиан» 4 апреля признала, что оппозиция не желала выполнения московского соглашения. «Есть мало данных, свидетельствующих, что лидеры оппозиции имеют конструктивную программу, которую они могли бы противопоставить программе Отечественного фронта. И еще меньше данных о том, что они могли бы выполнить эту программу, если бы и имели ее, — писала газета. — В настоящее время Болгария нуждается в правительстве, которое может решить проблемы восстановления»¹²⁴. В апреле 1946 г. Болгарию посетил левый лейбористский депутат британского парламента Джон Мак. Он встречался с деятелями Отечественного фронта, представителями оппозиции. Увиденное в Болгарии убедило его в том, что Отечественный фронт является подлинным представителем бол-

гарского народа. Беседуя с главами английской военной и политической миссий в Софии, Джон Мак заявил, что за время краткого визита в Болгарию он сделал для престижа Англии больше, чем они, и посоветует премьер-министру Великобритании признать болгарское правительство. Вернувшись на родину, Дж. Мак выступил в печати со своими впечатлениями о Болгарии и направил в Форин оффис доклад, в котором рекомендовал признать болгарское правительство¹²⁵.

Правительство Отечественного фронта и само прилагало усилия для того, чтобы ознакомить общественность западных держав с истинным положением в Болгарии. 2 мая в США было распространено заявление болгарской политической миссии. В нем не содержалось критики американской и английской политики непризнания болгарского правительства, а только излагались факты о положении в Болгарии. В заявлении был дан краткий обзор истории Болгарии, сообщалось о героических действиях болгарской освободительной армии в годы войны, рассказывалось об осуждении военных преступников, выполнении соглашения о перемирии, о восстановлении народного хозяйства. В нем подчеркивалось, что главным желанием болгар являются миролюбивые отношения с другими народами¹²⁶.

Обнаружившаяся неспособность западных держав вынудить Отечественный фронт принять требования оппозиции под прикрытием реализации решений Московского совещания заставляла лидеров болгарской оппозиции задуматься над дальнейшей тактикой. Маневры западной дипломатии вызывали у них все больше разочарования. 8 мая Н. Петков, К. Лулчев и лидер еще одной оппозиционной партии «независимых болгарских интеллектуалов» Петко Стоянов направили государственному секретарю США Дж. Бирнсу и министру иностранных дел Великобритании Э. Беvinу письмо, в котором болгарское правительство обвинялось в нарушении демократических свобод, устава ООН и принципов «Декларации об освобожденной Европе». Письмо завершалось утверждением, что оппозиция «борется за установление подлинно демократического правительства путем свободных выборов»¹²⁷. Это свидетельствовало об изменении тактики борьбы. Оппозиция более не верила в возможность фундаментальной реорганизации правительства, под каким бы предлогом ее ни добивались, и основные надежды связывала с намерением участвовать в новых выборах в Народное собрание.

Между тем внешнеполитические органы западных держав по-прежнему требовали «реорганизации» болгарского правительства. 7 июня Э. Бевин ответил Петкову, Лулчеву и Стоянову, что Великобритания «ожидает реорганизации болгарского правительства», как «предусмотрено» московским соглашением¹²⁸. Так в действиях империалистических держав и намерениях болгарских оппозиционеров намечилось расхождение.

Это расхождение подтвердилось и в связи с теми прогнозами, которые Вашингтон и Лондон строили в ходе разработки мирного договора с Болгарией. В мае—июне 1946 г. в Париже проходила новая сессия Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая. На этой сессии советская делегация заявила о согласии СССР полностью вывести свои войска из Болгарии и охранять коммуникационные линии с советскими войсками в Австрии, располагавшиеся на Дунае, только со стороны Румынии, при условии, что и западные союзники аналогичным образом выведут свои войска из Италии¹²⁹. Советское правительство полагало, что после завершения периода перемирия войска союзных держав следует вывести из бывших вражеских государств, и было твердо уверено, что болгарский народ сумеет оказать достойный отпор реакционным силам, к каким бы мерам те ни прибегали. Такую уверенность высказывали и демократические силы Болгарии. Выступая 2 июня на митинге шахтеров в г. Перник, Г. Димитров заявил: «Наивны те, кто строит себе иллюзии, надеясь, что после ухода советских войск из Болгарии они сумеют поднять свое знамя, и с Отечественным фронтом будет покончено... Источником силы нашей народной власти является сам народ, рабочий класс, крестьянство, народная интеллигенция. Советские войска могут уйти, перед ними не стояла задача остаться у нас навсегда, но народ останется, останется Отечественный фронт, его глубокие корни, и никакая сила не сможет вырвать эти корни»¹³⁰.

Тем не менее подобные иллюзии в тот момент разделяли многие в госдепартаменте и Форин оффисе. Как только стало известно о предложении Советского правительства, М. Барнс поторопился сообщить о мнении лидеров оппозиции, считавших, что «достоинства мирного договора, предусматривающего вывод из Болгарии советских войск, значительно превосходят те преимущества, которые можно получить от доведения политики непризнания болгарского правительства до отказа подписать

мирный договор». Он утверждал, что ради подписания такого договора оппозиция готова облегчить признание правительства Отечественного фронта и «войти в правительство, даже если придется отказаться от важных условий ее участия в нем, ранее являвшихся непреодолимым препятствием в выполнении московского соглашения»¹³¹.

Однако, то ли Барнс в своих донесениях искажил мнение оппозиции о ее желании участвовать в правительстве в новых условиях, то ли оппозиция очень быстро утратила иллюзии. Уже через неделю, 29 июля, и М. Барнс, и военный представитель США при СКК генерал В. И. Робертсон сообщили, что оппозиция согласна войти в правительство только на условиях принятия ее прежних требований: если ей будут переданы министерство юстиции, посты двух заместителей министра внутренних дел. Одновременно Робертсон писал, что болгарская оппозиция «разочарована, так как все понимают, что вывод советских войск из Болгарии не изменит ситуации»¹³². Оппозиционеры еще более укрепились в намерении, не вступая в правительство Отечественного фронта, принять участие в выборах. «Этот план, — предупреждал Барнс, — основан на их собственном мнении или по крайней мере надежде, что США не подпишут мир с правительством, которое они сами осудили»¹³³. Зная, что США и Англия намерены подписать мирные договоры с бывшими вражескими государствами, М. Барнс окончательно разуверился в возможностях империалистических держав добиться своих целей в Болгарии и оценивал перспективы чрезвычайно пессимистично¹³⁴.

Оппозиционные лидеры считали, что США и Англия сумеют обеспечить для них благоприятные условия для участия в выборах. 26 июля Народное собрание Болгарии приняло законы о проведении 7 сентября 1946 г. референдума о форме государственного правления и ликвидации монархии и 27 октября—выборов в ВНС. Оппозиция заявила о своем решении участвовать в референдуме и в выборах.

Таким образом, летом 1946 г. политика империалистических держав в отношении болгарского правительства вновь оказалась в тупике. Оставалось все меньше надежд добиться фундаментальной реорганизации правительства Отечественного фронта, используя превратное толкование московского соглашения. Лидеры БЗНС (НП) и БРСДП(о) окончательно разуверились в такой возможности и приняли решение об участии в референдуме и выборах в ВНС.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ ПОЛИТИКИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА ПЕРЕМИРИЯ С БОЛГАРИЕЙ И РУМУНИЕЙ

§ 1. Враждебные действия Вашингтона и Лондона в ходе разработки мирных договоров

Участие США и Великобритании в разработке мирных договоров с Болгарией и Румынией стало в 1946 г. важным направлением их враждебных акций в отношении демократических государств Восточной Европы. Они стремились использовать процедуру мирного урегулирования для навязывания Болгарии и Румынии таких положений мирных договоров, которые и после заключения мира лишали бы их суверенных прав в международной жизни, ставили бы деятельность их правительств под контроль других держав, препятствовали бы экономической независимости и самостоятельности этих стран. Международные переговоры по вопросам мирного урегулирования западные державы рассматривали как удобную арену, где можно развернуть еще один фронт борьбы против болгарского и румынского правительств с целью заставить их принять требования оппозиции. Отказавшись от применявшейся в 1945 г. тактики затягивания процесса мирного урегулирования, США и Англия теперь стремились к скорейшему заключению мирных договоров. Они рассчитывали на возможности, которые должны были, по их мнению, появиться у противников народной власти вследствие вывода советских войск из бывших вражеских государств. Кроме того, как уже указывалось, империалистические державы были заинтересованы в завершении мирного урегулирования и потому, что не хотели более делить с СССР ответственность за судьбы бывших вражеских государств Восточной Европы, стремились прервать послевоенное сотрудничество и перейти к политике открытой борьбы против СССР и демократических стран.

Первый же опыт жесткой политики в разработке мирных договоров оказался неудачным. Вскоре после Московского совещания в Лондоне над проектами мирных договоров начали работу заместители министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Осуществляя тактику «жесткость и терпение» (формулировка Дж. Бирнса), западные представители пытались навязать свою точ-

ку зрения по всем вопросам мирных договоров. За месяц не было согласовано ни одного важного вопроса, остались не разработанными процедура и порядок работы мирной конференции¹. Затягивание переговоров, вызванное жесткой позицией западных держав, стало противоречить их интересам. Желая сдвинуть с места вновь забуксовавший процесс мирного урегулирования, Дж. Бирнс предложил созвать сессию Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая (СМИД).

Все заинтересованные стороны рассматривали предстоящую сессию СМИД в Париже как важную веху в мирном урегулировании. Она открылась 20 апреля 1946 г. Для «подстраховки» Бирнса, чтобы удержать его от новых возможных «уступок» СССР, в американскую делегацию были включены активные критики соглашения, достигнутого в Москве, сенаторы Т. Коннэли и А. Ванденберг. С первых же заседаний началась демонстрация американской политики «жесткость и терпение» в отношении Советского Союза. По словам американского исследователя Н. Грэнбнера, эта политика превратилась в «жесткость без терпения»².

Наступление против восточноевропейских стран сосредоточилось в экономической сфере. На первом же заседании СМИД по рассмотрению проектов мирных договоров с Румынией и Болгарией 7 мая американская делегация поставила вопрос о предоставлении режима наибольшего благоприятствования для государств ООН во всех сферах экономической жизни Румынии, а также Болгарии и других бывших вражеских государств в Восточной Европе. Такое требование мыслилось как создание канала для беспрепятственного наступления могущественного американского капитала, которому в условиях послевоенной слабости экономики этих стран не составляло труда овладеть ее ключевыми позициями. «От осуществления принципа наибольшего благоприятствования, — писала «Скынтейя», — без каких-либо жертв выиграют большие и богатые страны, в то время как малые, ослабевшие во время войны государства, такие как Румыния, не получают никакой возможности пользоваться так называемой взаимностью»³.

После краткого обмена мнениями, в ходе которого советские представители выдвинули возражения против неограниченного действия режима наибольшего благоприятствования в Румынии и других бывших вражеских го-

сударствах, министры иностранных дел перешли к рассмотрению проекта мирного договора с Болгарией.

По проекту мирного договора с Болгарией было решено составить предварительный текст статьи о неизменности греко-болгарской границы в том виде, в каком она была на 1 января 1941 г., а окончательный текст ее разработать после мирной конференции. Сумму и срок выплаты Болгарией репараций Греции предстояло определить также после конференции⁴.

Согласовав еще ряд статей, не вызывавших разногласий между делегациями СССР, США и Великобритании, американцы посчитали, что «терпение» уже достаточно проявлено и перешли к демонстрации жесткости. На следующий же день 8 мая Дж. Бирнс поставил вопрос о созыве мирной конференции. Добиваясь немедленного назначения даты конференции, американская делегация блокировала дальнейшую работу министров иностранных дел.

Но такая ультимативная тактика напугала английских партнеров. Форин оффис опасался, что чрезмерная жесткость американской делегации приведет к полному срыву переговоров о мирном урегулировании, в которых Великобритания защищала свои не только политические, но и широкие, особенно в Румынии, экономические интересы. Лондонская «Таймс» писала: «Сегодня многие дипломаты и обозреватели в Париже... не могли не выразить сомнения в том, что широкая конференция достигнет успеха там, где не смогли его достичь главные союзники»⁵. Министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин выступал за продолжение работы над проектами мирных договоров. Его поддержал и французский представитель⁶. 15 мая в работе сессии был объявлен перерыв.

Вторая часть Парижской сессии СМВД возобновила работу 15 июня и сконцентрировала внимание на экономических проблемах мирного урегулирования. Теперь в экономическом наступлении инициативу взяла на себя Англия. Развернутое представителями США и Англии на Парижской сессии СМВД наступление шло по трем основным направлениям: экономическое порабощение с помощью принципов «равных возможностей» и «открытых дверей»; восстановление и упрочение позиций западного капитала в экономике восточноевропейских стран; ущемление прав СССР на возмещение понесенного им в результате фашистской агрессии ущерба.

Важным средством политического и экономического подчинения восточноевропейских стран являлось стремление воссоздать довоенный интернационализированный режим судоходства на Дунае, контролируемый империалистическими державами. С осени 1944 г. США и Англия настаивали на включении пункта о том, что дунайское судоходство будет контролироваться органом, в котором примут участие и недунайские державы, сначала в соглашениях о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией, а затем в мирных договорах с ними⁷.

Советские представители сделали все возможное, чтобы защитить национально-государственные интересы болгарского и румынского народов. В результате упорной борьбы советской делегации английским и американским представителям, не желавшим признать вклад Румынии и Болгарии в разгром фашистской Германии, пришлось согласиться отметить в преамбуле мирных договоров их активное участие в войне против Германии и указать, что союзные державы поддержат их просьбу о принятии в ООН. Политические статьи договоров, разработанные на сессии СМВД в Париже, не препятствовали демократическому развитию двух стран⁸.

Значительное количество других статей осталось не согласованными. В проекты договоров, подготовленные для мирной конференции, были включены и советские предложения, и предложения западных держав. Хотя окончательно статью о режиме наибольшего благоприятствования в экономике Румынии и Болгарии не удалось согласовать, СССР добился ограничения срока его действия 18-ю месяцами, что сделало практически невозможным использование названной статьи для экономической экспансии в восточноевропейские страны. В проекте было зафиксировано мнение делегации СССР о необходимости частичной компенсации ущерба западных держав на территории побежденных стран, ее несогласие на создание привилегированного положения для западного капитала в экономике Румынии. Стремлению американцев и англичан закрепить в мирных договорах принципы действия будущего режима дунайского судоходства и тем самым обеспечить свое участие в контроле над ним, СССР противопоставил предложение, внесенное в проекты: «Вопрос о Дунае не может быть решен в мирных договорах... поскольку он должен решаться при участии всех дунайских стран»⁹.

Зафиксированная в проектах договоров советская точка зрения по различным аспектам мирного урегулирования свидетельствовала, что СССР намерен и дальше противостоять империалистическим устремлениям США и Англии.

Парижская мирная конференция открылась 29 июля. В ее работе приняли участие делегации 21 государства членов ООН. По настоянию СССР на конференцию были приглашены представители бывших вражеских государств, которые могли изложить точку зрения своих правительств в отношении подготовленных в СМВД проектов договоров и в случае необходимости дать разъяснения участникам конференции по интересующим их вопросам политической жизни в этих странах. Понимая, что надежды навязать свою волю Советскому Союзу невелики, Вашингтон и Лондон в самом начале работы конференции спровоцировали спор о процедуре голосования и с помощью делегаций зависимых от них стран, таких как Южно-Африканский Союз, Бразилия, Новая Зеландия протасили решение о принятии постановлений конференции простым, а не квалифицированным (в две трети) большинством голосов¹⁰.

В качестве главного орудия борьбы против Болгарии Великобритания и США широко использовали инспирированные ими же огромные притязания Греции, претендовавшей на отторжение от Болгарии значительной территории вплоть до Родопских гор и получение репараций в сумме 985 млн долларов. Не сумев добиться принятия этих притязаний из-за противодействия на конференции делегаций СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, империалистические державы блокировали решения мирной конференции по соответствующим статьям мирного договора, имевшим первостепенное значение для Болгарии. Так, делегация Англии отказалась голосовать за разработанную при ее участии в СМВД статью о неизменности греко-болгарской границы. Вместе с ней от голосования воздержались ее доминионы и некоторые неевропейские государства. По сложнейшей проблеме территориального разграничения между Болгарией и Грецией конференция не смогла выработать согласованных рекомендаций. Вопрос о репарациях, которые Болгария должна была выплатить Греции, также не получил рекомендаций, одобренных квалифицированным большинством участников конференции, так как ни одно из выдвинутых на конференции предложений не получило такого большинства голосов.

Советник американской делегации на конференции К. В. Кеннон писал по этому поводу: «...мы работали с гораздо большей энергией в интересах Греции, чем можно было ожидать, если бы мы решали эту проблему просто как „галантный“ союзник»¹¹.

В отношении Румынии империалистические державы настойчиво добивались большинства в две трети голосов по своим экономическим требованиям, отвергнутым Советским Союзом на предшествовавших сессиях СМВД. Тут, как и прежде, особую активность проявляла Великобритания. Она продолжала настаивать на получении полной компенсации ущерба, понесенного ее нефтяными монополиями, судостроительными, страховыми компаниями, банковским капиталом в Румынии, изменении трудового законодательства этой страны для использования иностранной рабочей силы на английских предприятиях в Румынии. Американская делегация продолжала добиваться неограниченного режима наибольшего благоприятствования в экономике бывших вражеских государств. Но, не получив рекомендаций мирной конференции, несогласованные вопросы возвращались в СМВД, где западным державам приходилось учитывать точку зрения СССР.

Серьезную опасность для экономики Румынии и репарационных интересов СССР представляло предложение, выдвинутое делегацией Австралии, за спиной которой стояли США и Англия. Оно предусматривало аннулирование статьи о репарациях в соглашении о перемирии с Румынией и создание специальной комиссии для определения заново суммы репараций, которые выплачивались Советскому Союзу. Комиссия должна была обеспечить сбор средств в счет репараций, которые следовало выплачивать в долларах и фунтах стерлингов¹². Советские делегаты, разоблачив антирумынскую и антисоветскую подоплеку этой акции, подчеркнули, что «смысл австралийских предложений заключается в том, чтобы сорвать репарации или использовать их для нажима на Румынию»¹³.

В том же русле шло и заявление американской делегации, что выплата Румынией частичных репараций Советскому Союзу ложится невыносимым бременем на ее экономику. В противовес безответственным заявлениям американских делегатов советские представители с фактами в руках продемонстрировали принципиальный подход СССР к репарационной проблеме, его заботу о восстановлении экономической независимости Румынии, других бывших вражеских государств, в Восточной Европе

как важного фактора установления прочного и длительного мира. Они привели данные о том, что к августу 1946 г. из 300 млн долларов установленных репараций Румыния выплатила 86 млн¹⁴.

Желанием получить новый рычаг для давления на демократические правительства Болгарии и Румынии были обусловлены попытки западных держав и их подпевал на конференции ввести в мирные договоры дополнительные гарантии соблюдения в этих странах политических свобод и прав человека. И тут советские делегации сумели доказать, что румынское и болгарское правительства проводят демократическую внутреннюю политику, полностью обеспечивающую демократические права и свободы.

Заодно с делегациями Советского Союза, УССР, БССР действовали и представители Югославии, Польши, Чехословакии. Они разоблачали необоснованные экономические и политические притязания империалистических держав и их сторонников на конференции. Благодаря их действиям политические постановления мирных договоров, одобренные конференцией, не навязывая побежденным странам «какого-либо политического устройства или политического режима, создавали возможности для развития этих стран по действительно демократическому пути в соответствии с волей их народов»¹⁵.

И хотя центральные проблемы экономического мирного урегулирования не получили согласованных квалифицированных большинством голосов рекомендаций мирной конференцией, борьба еще не была завершена. Эти вопросы возвращались в СМВД, где советские представители продолжали бороться за их справедливое решение.

На фоне антиболгарских и антирумынских выпадов, продолжавшихся до последнего дня работы мирной конференции, внешнеполитические ведомства США продолжали будировать вопрос о «выполнении московского соглашения по Болгарии и готовить почву для «свободных» выборов в обеих странах.

29 августа в Париже состоялась встреча государственного секретаря США Дж. Бирнса с К. Георгиевым и В. Коларовым. На ней присутствовал и М. Барнс, приехавший в Париж для консультации американской делегации на мирной конференции. В ходе беседы Бирнс возложил на болгарское правительство вину за то, что решение Московского совещания не было до тех пор реализовано. Но когда болгарские представители попытались объяснить политику своего правительства и подлинные

причины того, что решение, принятое в Москве, осталось на бумаге, Дж. Бирнс прервал их. Пригрозив, что при ратификации мирного договора в сенате возникнет вопрос, отвечает ли существующее болгарское правительство требованиям «Декларации об освобожденной Европе», государственный секретарь США прямо указал, как можно «исправить ситуацию» — присутствием оппозиции в правительстве, проводящем выборы в Великое Народное собрание и предоставлением оппозиционной прессе «полной свободы»¹⁶.

В тот же день состоялась беседа Дж. Бирнса с министром иностранных дел Румынии Г. Тэтэреску. Признав, что избирательный закон удовлетворителен, государственный секретарь США вновь добивался заверений румынского правительства, что будут приняты требования в отношении выборов, изложенные в американской и английской нотах о восстановлении дипломатических отношений от 5 февраля. Он предупредил, что проведение выборов — это вопрос будущих отношений между США и Румынией¹⁷.

Давление на болгарское правительство продолжал оказывать М. Барнс. В беседе с К. Георгиевым 29 августа он пытался убедить премьер-министра Болгарии, что оппозиция готова смягчить условия своего участия в правительстве, хотя и будет по-прежнему претендовать на министерство юстиции. До выборов осталось менее двух месяцев, подчеркнул Барнс, поэтому «реорганизацию» правительства следует провести как можно скорее¹⁸. Он предложил вызвать в Париж лидеров оппозиции и тут же на месте найти «компромиссную» основу для участия оппозиции в правительстве¹⁹.

3 сентября Барнс вновь встретился с К. Георгиевым и опять настаивал на включении представителей оппозиции в правительство. По его словам, это должно было подтвердить в глазах общественного мнения, что выборы будут свободными. В ответ на это К. Георгиев заявил, что «политический реализм заключается в понимании бесполезности стремиться к невозможному»²⁰.

Отражая натиск внутренней и внешней реакции, болгарское правительство, как и прежде, опиралось на поддержку СССР. В ходе визита делегации БРП(к) в Москву в июне 1946 г. и во время пребывания в Москве Г. Димитрова в августе советское руководство выразило солидарность с позицией болгарского правительства. В выступлениях на Парижской мирной конференции совет-

ские представители постоянно подчеркивали демократический характер строя в Болгарии и Румынии, который давал делегациям СССР и дружественных ему стран веские основания требовать благоприятных для Болгарии и Румынии условий мирных договоров.

31 августа К. Георгиев вручил Дж. Бирнсу ответ болгарского правительства на предложение государственного секретаря вновь возобновить переговоры с оппозицией. Этот ответ продемонстрировал спокойствие и выдержку правительства Отечественного фронта. В нем указывалось, что политика Отечественного фронта будет и дальше определяться принципами, изложенными в его программе. Они лягут в основу будущей конституции. Правительство примет все меры для обеспечения свободы выборов, оппозиция сможет получить представительство в Великом Народном собрании. Предложение о вызове лидеров оппозиции в Париж и реализации решения Московского совещания на их условиях отвергалось²¹. После этого ответа Отечественного фронта Барнс посоветовал прекратить дальнейшие беседы с болгарскими представителями, чтобы не создать впечатления, что США готовы пойти на уступки.

К завершению Парижской конференции стало ясно, что империалистическим державам не удалось использовать процесс разработки мирных договоров для ущемления демократических завоеваний болгарского и румынского народов, ослабления экономики двух стран, восстановления былой зависимости от иностранного капитала.

§ 2. Поражение США и Англии в борьбе за фундаментальную реорганизацию болгарского правительства.

Итоги выборов в Великое Народное собрание 1946 г.

Болгария шла навстречу выборам в ВНС, назначенным на 27 октября, в условиях новых успехов, одержанных Отечественным фронтом. 8 сентября 1946 г. болгарский народ практически единодушно высказался за республику. «Народный опрос показал, — писала в связи с этим болгарская пресса, — что по самым важным вопросам государственного устройства и управления болгарский народ в своем подавляющем большинстве един с правительством и Отечественным фронтом»²². «Работнически-дело» подчеркивала международное значение возникновения республики в Болгарии: «В самой невралгиче-

ской точке Европы — на Балканах родилась новая республика. И родилась она при таком единодушии народа, какое редко знала мировая демократия»²³. Западные обозреватели также отмечали, что «не многие пожалеют о конце долгого дурного правления Кобургской династии в Болгарии»²⁴.

Решающим политическим событием в стране должны были стать выборы в парламент. Закон о порядке их проведения был принят 2 августа. Он повторял основные положения избирательного закона, одобренного народом в июне 1945 г. Партии Отечественного фронта вновь решили участвовать в выборах единым списком. 2 сентября была опубликована их общая избирательная платформа. Однако бюллетени с общими списками печатались различных цветов для разных партий ОФ. Это обеспечивало справедливое распределение мест в парламенте в соответствии с результатами выборов.

Оппозиционные группы, ранее добивавшиеся проведения выборов отдельными списками для каждой партии и отказавшиеся под этим предлогом от участия в выборах в августе 1945 г., теперь также решили объединиться. 10 сентября БЗНС-НП, БРСДП(о) и группа независимых интеллектуалов составили предвыборную коалицию и создали общий список кандидатов²⁵.

С самого начала избирательной кампании оппозиционные группировки стали прибегать к грязным методам. Арест каждого спекулянта и уголовника они называли «предвыборным террором», призывали восстановить Тырновскую конституцию²⁶, чернили деятельность правительства, утверждали, что произошла замена диктатуры короны на диктатуру правительства²⁷. Особое возмущение в стране вызывала поддержка оппозицией дискриминационных предложений по мирному договору империалистических держав и их подпевал на конференции в Париже²⁸.

Поднятая оппозиционной прессой шумиха, как всегда, была подготовкой к просьбе об иностранном вмешательстве. Перенесся основной акцент с требований о «реорганизации» правительства на борьбу с Отечественным фронтом в ходе выборов, оппозиция, как предупреждал М. Барнс, рассчитывала на помощь империалистических держав.

19 сентября Н. Петков, К. Лулчев и П. Стоянов, лидеры независимых интеллектуалов, передали в американскую миссию в Софии очередное письмо. В нем они просили как можно скорее направить в Болгарию междуна-

родную комиссию для наблюдения за избирательной кампанией, предлагая включить в нее по 3—10 представителей от США, Великобритании и СССР. Они предупредили, что спасти Болгарию от превращения в «коммунистическую республику» может только вступление оппозиции в правительство до подписания мирного договора²⁹.

Внешнеполитические ведомства западных держав попали в затруднительное положение. Как уже отмечалось, с февраля 1946 г. Вашингтон, а вслед за ним и Лондон сосредоточили основные усилия на том, чтобы добиться фундаментальной реорганизации болгарского правительства, используя свою трактовку московского соглашения как компромисса между правительством и оппозицией. Накануне выборов в Великое Народное собрание надеяться на фундаментальную реорганизацию правительства Отечественного фронта уже не приходилось. В то же время опыт выборов в Народное собрание осенью 1945 г., неспособность западных держав навязать румынскому народу свои рецепты проведения «свободных» выборов делали эфемерными надежды добиться своих целей в отношении предстоящих выборов в Болгарии.

В такой критический момент Лондон снова решил остаться в тени. Форин оффис сообщил, что рассматривает весь комплекс отношений с Болгарией не только в текущее время, но и на будущее и попросил время для разработки позиции³⁰.

В этих условиях госдепартамент решил не связывать себя нотами в адрес болгарского правительства с конкретными требованиями в отношении выборов и обращения к Советскому правительству о совместных действиях. Вместо безусловно обреченных на провал попыток создать международную комиссию, о которой просили лидеры оппозиции, было решено ограничиться письмами болгарскому правительству и СКК. Представляя собой нажим на правительство Отечественного фронта и демонстрируя «верность» Вашингтона своему политическому курсу, эти письма, в отличие от нот, не связывали его необходимостью каким-либо образом реагировать на отрицательный ответ.

Новая дипломатическая акция началась 18 сентября. М. Ревинкель, заместитель все еще находившегося в Париже М. Барнса, заявил К. Георгиеву, что государственный секретарь США интересуется тем, предприняло ли болгарское правительство необходимые шаги для обеспечения свободного участия оппозиции в выборах³¹. 24 сен-

тября Дж. Бирнс направил К. Георгиеву письмо, которое было как бы продолжением их беседы в Париже в ходе мирной конференции. В нем государственный секретарь вновь утверждал, что «осуществление московского соглашения о расширении основы болгарского правительства путем включения в его состав двух авторитетных лидеров оппозиции перед выборами в Великое Народное собрание 27 октября было бы самым эффективным способом для обеспечения широкого признания результатов выборов»³².

Думается, Бирнс не рассчитывал на «реорганизацию» болгарского правительства. Связав включение в болгарское правительство двух новых членов с признанием результатов еще не проведенных выборов, государственный секретарь старался и после проведения выборов с участием оппозиции сохранить предлог для непризнания болгарского правительства, а вернее, простор для возможных дипломатических маневров в этом вопросе.

Письмо Бирнса, датированное 24 сентября, М. Барнс передал К. Георгиеву только 2 октября одновременно с обращением военного представителя США генерал-майора В. М. Робертсона к председателю СКК. Это могло усилить эффект американских акций. Хотя в заголовке письма В. М. Робертсона указывалось, что оно написано по вопросу о выполнении решения Московского совещания по Болгарии, в нем ни слова не говорилось о соглашении в Москве. Американский генерал просил созвать специальное заседание СКК, «чтобы рассмотреть, какие меры могут быть приняты в дальнейшем комиссией... для обеспечения свободных выборов в болгарское Великое Народное собрание 27 октября». Выдвинутые далее требования чернили политику болгарского правительства, поскольку предусмотренное в них добросовестно осуществлялось в ходе избирательной кампании: 1) свобода печати, радио и собраний для оппозиции; 2) невмешательство милиции как в отношении кандидатов, так и избирателей; 3) освобождение политических заключенных; 4) устранение угрозы репрессиями по политическим причинам после выборов³³. Уже само обсуждение в СКК мер по обеспечению таких свобод должно было свидетельствовать об их отсутствии. Конечно, никаких аргументов и доказательств их нарушения ни в письме Бирнса, ни в письме Робертсона не содержалось.

4 октября письмо генерал-полковнику С. С. Бирюзову направил и британский представитель генерал-майор В. Оксли. «Я уполномочен заявить,— писал он,— что пра-

вительство Его Величества фактически полностью согласно с посланием к Вам генерала Робертсона, что Союзная контрольная комиссия должна собраться на специальное заседание и обсудить, какие меры могут быть приняты комиссией, чтобы еще больше обеспечить свободные выборы в болгарское Великое Народное собрание»³⁴.

Обвинения болгарского правительства в нарушении свободы выборов пытались увязать с московским соглашением, ни слова не говорившем о выборах в Болгарии. Подобная увязка являлась неправомерной. Советский Союз еще в 1945 г. отказался участвовать в контроле за выборами. При этом он подчеркнул, что болгарское правительство в состоянии обеспечить свободу и порядок их проведения и что СКК неуполномочена решать данный вопрос. Ответ председателя СКК генерал-полковника С. С. Бирюзова 4 октября 1946 г. подтверждал принципиальную позицию СССР: «...обеспечение свободных выборов является прерогативой Болгарского правительства, которое в этом отношении сделало все необходимое... Обсуждение поставленных Вами вопросов в СКК и тем более принятие каких-либо мер с ее стороны явилось бы нарушением этих прерогатив и грубым вмешательством в дела Болгарии»³⁵.

Определенный ответ на действия США и Англии в связи с приближавшимися в Болгарии выборами был дан и в выступлении заместителя министра иностранных дел СССР на мирной конференции в Париже 11 октября. В нем указывалось, что дружеский совет Московского совещания принят болгарским правительством, но обязательство США и Англии признать это правительство остается невыполненным, что болгарское правительство третируется как неравноправное и чуть ли не поднадзорное. Демарш генерала Робертсона был оценен как «один из фактов, характеризующих стремление американского правительства, как и британского правительства, поставить молодую демократическую Болгарию в положение неравноправного государства»³⁶. Курс болгарского правительства был одобрен и во время поездки Г. Димитрова в Москву в первых числах октября.

11 октября К. Георгиев дал ответ на письмо государственного секретаря США. В нем указывалось, что выполнить московское соглашение невозможно из-за нежелания оппозиции направить своих представителей в правительство. К. Георгиев писал, что состав нового правительства определяют выборы. В письме также содержалась ин-

формация о мерах, предпринятых болгарским правительством по обеспечению свободных и беспрепятственных выборов³⁷.

Спокойствие и уверенность в своих силах, проявленные болгарским правительством, вызвали явное раздражение М. Барнса. Переправляя государственному секретарю ответ К. Георгиева, он писал: «Возможно, в прошлом бывали случаи, когда микроскопическое бывшее вражеское государство придерживалось подобных взглядов и открыто выражало их великим державам-победительницам, но я не столь подробно знаю историю, чтобы вспомнить подобное»³⁸. Не меньшее раздражение испытывали и военные, вновь поставившие перед Лондоном и Вашингтоном вопрос об отзыве своих представителей из СКК в Болгарии³⁹.

Тем не менее империалистические державы не могли рассчитывать на какие-либо меры, способные эффективно воздействовать на ситуацию в Болгарии. Не случайно, ни Вашингтон, ни Лондон не выступили накануне выборов с публичными протестами, нотами и т. п. в адрес болгарского правительства. Была даже отвергнута рекомендация Барнса запретить возвращение в Вашингтон политического представителя Болгарии генерала Вл. Стойчева, ранее выехавшего в Софию, поскольку для этого, как указывал госдепартамент, не было «подходящих оснований»⁴⁰.

Выборы состоялись, как и было запланировано, 27 октября. Их результаты были убедительной победой Отечественного фронта. Они проходили в условиях небывалой в прошлом активности населения: 94,18% избирателей приняли в них участие. За партии Отечественного фронта проголосовало 70% избирателей. В то же время итоги выборов выявили, что основной политической силой в стране является БРП(к), которая завоевала 53,6% голосов. За оппозицию проголосовало немногим более четверти избирателей. В Великом Народном собрании из 465 мандатов партии Отечественного фронта получили 366, оппозиционные партии — 99⁴¹.

Вопреки поставленной задаче оппозиция не добилась победы на выборах и не смогла прийти к власти. В этом заключалось ее политическое поражение. Она не сумела доказать, что пользуется поддержкой большей части населения страны.

В период выборов в Болгарии находилось большое количество иностранных корреспондентов. Даже те из них, кто стремился опорочить правительство, не могли не при-

знать, что народ отдал предпочтение Отечественному фронту. Так, спецкорреспондент лондонской «Обсервер», написавший немало измышлений о «притеснении» оппозиции, заметил: «Я обнаружил, что большинство крестьян в деревнях, которые мне пришлось посетить, согласны с политикой Отечественного фронта и коалицией с коммунистами... В этих деревнях я также обнаружил, что оппозиционного лидера Земледельческого союза Петкова поддерживает незначительное меньшинство»⁴².

Вместе с тем следует отметить, что, благодаря участию в выборах, болгарская оппозиция завоевала определенные позиции в парламенте. М. Исусов пишет, что вслед за коммунистической партией БЗНС-НП получила больше голосов, чем любая другая партия. Это свидетельствовало о сильной поляризации политических сил в стране, о том, что социальная опора еще не была окончательно выбита из-под ног буржуазии⁴³. Все это позволяло оппозиции надеяться на возможность дальнейшей борьбы против Отечественного фронта, основной ареной которой могло стать ВНС. На основе результатов выборов она не могла претендовать на ведущие министерства в правительстве и поэтому не выступила со своими предложениями об участии в кабинете. Ее больше устраивала оппозиция правительству в парламенте.

22 ноября было сформировано новое правительство Отечественного фронта во главе с Г. Димитровым. Великое Народное собрание открылось 7 ноября. Его председателем стал В. Коларов. В избранную конституционную комиссию вошли представители всех фракций. В программной декларации нового правительства отмечалось, что оно будет и дальше осуществлять программу Отечественного фронта, бороться за уничтожение остатков фашизма и обуздание реакции, восстановление и развитие всех отраслей народного хозяйства, обеспечение быстрой индустриализации страны, подъем жизненного уровня трудящихся⁴⁴.

Выборы 1946 г. имели для Болгарии большое внешнеполитическое значение. «Теперь после выборов, — указывал Г. Димитров, — будет легче и имеется больше возможностей изменить отношение американского и английского правительств к новой Болгарии. Одно большое препятствие отпадает, оно ликвидировано. А с изменением отношения американского и английского правительств к Болгарии создается возможность нормализации отношений с этими двумя великими державами, потому что у нас,

у нашего народа есть и всегда было искреннее желание нормализовать эти отношения». Г. Димитров отметил, что результаты выборов помогут добиться благоприятных и достойных условий мирного договора. Выражая желание народной Болгарии нормализовать отношения с США и Великобританией, он подчеркнул: «...мы считаем себя вправе предъявить одно единственное скромное условие для такой нормализации отношений — не ущемлять наш национальный и государственный суверенитет, дать нам возможность спокойно распоряжаться в нашем скромном доме так, как этого требуют интересы и воля нашего народа»⁴⁵.

Выборы в Великое Народное собрание 1946 г. подвели черту под начатым весной 1945 г. курсом империалистических держав, направленным на фундаментальную реорганизацию болгарского правительства. После участия оппозиции в выборах и признания ею их результатов, что подтверждало ее участие в парламенте, нежелания войти в правительство, возглавленное Г. Димитровым, изыскать предлог для требований о «реорганизации» правительства было невозможно. Этот курс полностью исчерпал себя. Лидеры болгарской оппозиции отошли от него еще летом 1946 г. Вашингтону и Лондону предстояло принять решение относительно дипломатических отношений с Болгарией и признания нового болгарского правительства.

§ 3. Победа демократических сил Румынии на выборах в Национальное собрание осенью 1946 г.

Осенью 1946 г. внешнеполитические органы США и Великобритании уже в полной мере осознали банкротство враждебной политики империалистических держав в отношении Румынии, проводившейся после Московского совещания трех министров иностранных дел в декабре 1945 г. и прикрывавшейся «благородным» требованием обеспечения «свободы» выборов в парламент. Начавшаяся избирательная кампания, распад, переживаемый «историческими» партиями, безрезультатность предпринимавшихся западными державами попыток навязать правительству П. Грозы «обязательства» в отношении процедуры проведения выборов, вызывали пессимизм как у лидеров румынской оппозиции, так и у их американских покровителей. «Политическая оппозиция приходит в уны-

ние», — сообщал Р. Мельбурн из Бухареста в сентябре⁴⁶. «Мы не многого можем сейчас добиться в Румынии», — признавал Б. Берри⁴⁷. Ю. Маниу даже обсуждал с американскими и английскими представителями перспективу отказаться от участия в выборах, но получил ответ: «Кто не борется, тот проигрывает»⁴⁸.

Румынская оппозиция шла по изъезженному пути требований о вмешательстве извне в процедуру выборов и организации международного контроля за их проведением. Ю. Маниу постоянно обращался к иностранным корреспондентам, чтобы через зарубежную прессу требовать присылки контролеров⁴⁹, печатать свои меморандумы и обращения к правительствам великих держав⁵⁰. 8 октября министр, представлявший в правительстве НЦП, Э. Хациегану вручил английскому представителю А. Холмену обращение к СМВД. В нем утверждалось, что в ходе предвыборной кампании оппозиция испытывает притеснение со стороны правительства⁵¹. Министр от НЛП М. Ромничану уверял иностранных корреспондентов, что кандидаты оппозиции будут арестованы накануне выборов⁵². Группировка Т. Петреску требовала пересмотреть под международным контролем все избирательные списки, не допускать к выборам военнослужащих, запретить на время их проведения деятельность милиции и общественных организаций⁵³.

Однако зарубежные корреспонденты, иностранные общественные деятели, находившиеся в то время в Румынии, активно опровергали подобные измышления. В интервью «Скынтейе» член английского парламента левый лейборист Плэттс-Миллс заявил: «Самым лучшим доказательством наличия свободы в Румынии является тот факт, что люди, которые жалуются на ее отсутствие, могут сделать это совершенно свободно. Печать оппозиции содержит такую ожесточенную критику правительства, какую никто не осмелился бы опубликовать в Англии»⁵⁴. В Румынии допускается больше критики в адрес правительства, чем могут позволить себе консерваторы в Англии, писала одна из английских газет. «Пропагандисты оппозиции взывают к невежеству и предрассудкам крестьян, и никакая тактика не кажется им слишком низкой»⁵⁵.

Работники госдепартамента не верили в возможность победы оппозиции на выборах. Почти дословно повторяя то, что М. Барнс писал об американской политике в отношении Болгарии, политический представитель США в Румынии Б. Берри убеждал: «Если США намерены признать

результаты выборов, они должны предупредить об этом лидеров оппозиционных партий, которые связали с нами существование своих партий и даже свою жизнь». В ином случае, предупреждал Берри, наши друзья в Восточной Европе посчитают, что США отказались от своих обязательств и предали все демократические элементы⁵⁶.

Однако Форин оффис проявил больше упорства. 16 октября англичане со ссылкой на московское соглашение еще раз предложили попытаться навязать румынскому правительству определенные обязательства по процедуре выборов в Национальное собрание⁵⁷. Вновь ссылаясь на московское соглашение, они хотели заставить правительство П. Грозы пересмотреть избирательный закон. Следовало продиктовать порядок работы всех избирательных комиссий, подсчета голосов, обжалования нарушений в ходе выборов. Лондон просил срочного ответа госдепартамента и его согласия направить румынскому правительству аналогичную ноту.

Хотя в госдепартаменте уже не верили, что ноты протеста могут повлиять на результаты выборов, там думали не только о выборах, но и об американской политике в последующий после них период. «Я рекомендую, — писал Б. Берри, — чтобы решение (о ноте. — К. Ж.) было принято не в соответствии с потребностями нынешнего положения в Румынии, а в соответствии с линией, которую госдепартамент захочет проводить в будущем в отношении этой страны»⁵⁸. В конечном итоге госдепартамент решил согласиться направить ноту в адрес румынского правительства, но значительно смягчив ее тон и сняв те положения, которые могли вызвать необходимость определенной реакции на результаты выборов. Т. е. госдепартамент стремился сохранить в этом вопросе, как и в отношении выборов в Болгарии, свободу рук. 23 октября британское посольство в США получило сообщение о том, что госдепартамент согласен послать ноту протеста румынскому правительству, но считает нежелательным категорически требовать изменений в румынском избирательном законе, поскольку в целом он «обеспечивает основу для свободных выборов»⁵⁹. Таким образом, госдепартамент отказался полностью перекрыть возможность признания результатов выборов, сколь бы «неудовлетворительными» они ни были.

28 октября румынскому правительству были вручены английская и американская ноты. 2 ноября румынское правительство в ответной ноте указало, что не может при-

нять протест со ссылками на московское соглашение, так как Советское правительство не выдвинуло каких-либо возражений против методов его реализации. Правительство П. Грозы отказалось обсуждать рекомендации империалистических держав, рассматривая их как вмешательство во внутренние дела Румынии⁶⁰. В интервью газете «Адевэрул» П. Гроза отметил, что лица, представляющие круги, которые протестуют по поводу избирательной процедуры, «избегают посещать собрания, демонстрирующие организованность избирательной кампании и популярность сил, входящих в демократический Блок»⁶¹. 15 и 16 ноября США и Англия направили румынскому правительству новые ноты, в которых также не содержалось прямой угрозы непризнания результатов выборов⁶².

Без веры в успех госдепартамент поддержал и другую инициативу Великобритании, пытавшейся через СКК оказать давление на румынское правительство. 5 ноября британское посольство в США направило госдепартаменту памятную записку. В ней предлагалось рассмотреть в СКК меморандум НЦП, НЛП и группировки Т. Петреску, направленный американским, английским и советским представителям в Румынии 26 октября, в котором оппозиция выдвигала свои требования по процедуре проведения выборов⁶³.

Как и в связи с вопросом о нотах, Б. Берри писал, что согласие СССР на рассмотрение этой проблемы в СКК не будет получено, но необходимо поставить ее на обсуждение, памятуя о том полезном, что может принести такая акция в будущем как в самой Румынии, так и за ее пределами⁶⁴. Госдепартамент согласился на предлагаемый англичанами демарш, и 14 ноября американский генерал К. Шилер поднял в СКК вопрос о совещании по вопросу о контроле за выборами⁶⁵.

Но через несколько дней Лондон дал отбой. Он информировал Вашингтон, что ставить этот вопрос в СКК уже слишком поздно, нет надежды добиться согласия советских представителей на изменение процедуры выборов, кроме того, нежелательно обосновывать свои действия обращения оппозиции к представителям западных держав⁶⁶. Это еще раз подтвердило неспособность империалистических держав повлиять на исход выборов, что наконец поняли и в Лондоне.

Сознавала свою слабость и оппозиция. Накануне выборов она попыталась укрепить свои ряды и выступить единым фронтом против Блока демократических партий.

22 октября было опубликовано коммюнике о предвыборном соглашении НЦП, НЛП и «независимой социал-демократической партии» Т. Петреску. В нем подчеркивалось, что они «синхронизировали» свои действия для защиты «свободы выборов»⁶⁷. Однако эти усилия ничего не могли изменить.

День выборов 19 ноября принес победу Блоку демократических партий. Из 6 955 658 голосов БДП получил 4 773 689 и соответственно 347 мест в парламенте из 414, НЦП — 33 места, НЛП — 3, социалисты Т. Петреску не получили ни одного мандата. Эти результаты показали, отмечает М. Фэту, что «реакционные силы понесли сокрушительный удар, румынский народ проголосовал за демократию, мир, прогресс, свободу»⁶⁸.

Выборы проходили в подлинно демократической обстановке. Кроме двух основных противоборствующих блоков в них со своими списками участвовали около 15 партий. В голосовании приняло участие вдвое большее число граждан, чем на любых выборах в прошлом⁶⁹. Избирателей не напугали отдельные террористические диверсии, предпринятые царанистами — нападения на здание Центральной избирательной комиссии, на 23 участка, на депутатов Блока демократических партий⁷⁰. «После восьмилетнего перерыва, — писала «Ромыния либерэ», — румынский народ избрал своих представителей в парламент в подлинно демократических условиях. Надо отметить порядок и спокойствие, которые царили во время выборов, несмотря на то, что представители оппозиции попытались кое-где спровоцировать инциденты»⁷¹.

Свободный и демократический характер выборов подтверждали западные журналисты, находившиеся в Румынии. В связи с этим более 50 из них подписали специальное заявление⁷². И хотя в западной прессе появилось немало статей, порочивших выборы в Румынии, в то же время там отмечали и достижения правительства П. Грозы, успешное проведение земельной реформы, возобновление школьного образования, возрождение кооперативного и профсоюзного движения, социальное обеспечение рабочих. Именно этим английская «Нью Стейтсмен энд Нейшн» объясняла поражение оппозиционных групп, которые «ничего не могли предложить избирателям за исключением утверждения, что их поддерживают Лондон и Вашингтон»⁷³. Свободный характер выборов подтверждали и некоторые представители оппозиции. Так, К. Пилат, один из депутатов НЛП в парламенте, заявил: «Выборы

были свободными и протекали в полном спокойствии. Был отмечен огромный наплыв избирателей»⁷⁴.

Г. Георгиу-Деж отмечал, что «успех, одержанный на выборах, означал укрепление позиций демократического строя и правительства. Избирательная кампания вновь показала, что основной силой в нашей стране является рабочий класс, трудовое крестьянство и прогрессивная интеллигенция во главе с коммунистической партией»⁷⁵.

Рассматривая выборы как решающую битву с правительством, румынская оппозиция делала все, чтобы опорочить их результаты. Руководство НЦП приняло резолюцию с требованием отстранить правительство П. Грозы и немедленно провести новые выборы⁷⁶. Либералы также выступили с требованием провести новые выборы под руководством правительства оппозиционных партий⁷⁷. «Дрептатя» обвинила иностранных журналистов, подписавших заявление о свободе выборов в «недостаточной профессиональной честности»⁷⁸. Выступая 10 декабря перед представителями иностранной печати, Ю. Маниу распространялся о «ростках крупных народных волнений» и призывал к иностранному вмешательству⁷⁹. Он издал воззвание «К нации», в котором заявлял, что НЦП не может признать результаты выборов, что «правительство осталось в меньшинстве», звал «на бесстрашную борьбу до окончательной победы» и даже требовал передать вопрос на рассмотрение международного трибунала⁸⁰. Одновременно лидеры «исторических партий» настаивали, чтобы король не признавал результатов выборов и не выступал на открытии парламента с тронной речью. НЦП демонстративно отказалась участвовать в Национальном собрании.

В то же время оппозиция ждала, что США и Англия, наконец, предпримут решительные действия в соответствии с их заявлениями, делавшимися в течение всего 1946 г. 28 ноября Ю. Маниу обратился к Б. Берри с просьбой, чтобы США содействовали аннулированию результатов выборов. Через два дня с такой же просьбой он обратился и к британскому политическому представителю⁸¹.

Документы госдепартамента, отражающие обсуждение вопроса об ответных действиях США и Англии на события в Румынии, свидетельствуют о безысходности положения, в котором оказались внешнеполитические органы империалистических держав. 23 ноября Б. Берри констатировал, что с точки зрения США результаты выборов признать невозможно. Дав некоторые советы о дальнейших

шагах госдепартамента, он, в частности, предложил опубликовать официальное заявление и направить румынскому правительству ноту о том, что в противоречие московскому соглашению и обязательствам правительства П. Грозы выборы не были свободными. Однако не следовало доводить дело до разрыва дипломатических отношений с Румынией. Он рекомендовал обсудить вопрос о румынском правительстве на том же уровне, на каком было принято московское соглашение. Удобный случай для этого представляла Нью-Йоркская сессия СМВД.

Далее Б. Берри советовал придать американскому представительству в Румынии статус не посольства, а дипломатической миссии и продемонстрировать свое отношение к румынскому правительству назначением не посла, а поверенного в делах США. Чтобы не сложилось впечатления, что американское правительство согласно с результатами выборов, его представителям не следовало присутствовать на открытии парламента. И, наконец, Берри рекомендовал сменить его на посту американского политического представителя в Румынии, так как после выборов он не мог одновременно поддерживать контакты и с правительством, и оппозицией, не вызывая враждебности последней.

В очередной раз Б. Берри подчеркивал, что все эти меры не приведут к изменению ситуации в Румынии, но с их помощью США «окажут поддержку демократическим элементам в стране всеми имеющимися у них средствами и продемонстрируют, что приложили немало усилий к тому, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Румынии, принятые в Ялте, Потсдаме и Москве»⁸².

Однако большая часть и этих малоэффективных, как предупреждал Берри, рекомендаций не была осуществлена. Свое отношение к результатам выборов в Румынии администрация США изложила не в правительственном заявлении, а в пресс-релизе госдепартамента, зачитанном в передаче на Румынию «Голоса Америки»⁸³. 26 ноября госдепартамент, все еще пытавшийся изменить положение, предложил Форин оффис направить ноты правительствам СССР и Румынии о том, что итоги выборов не являются результатом свободного выражения воли румынского народа, запросить мнение Советского правительства о совместных мерах по проведению новых выборов. Предлагалось также провести в Москве новое международное совещание министров иностранных дел трех великих держав⁸⁴.

30 ноября англичане ответили, что они не согласны с предложениями США об обращении к СССР, так как это не приведет к желаемым последствиям, а лишний раз подтвердит впечатление об американском и английском бессилии⁸⁵. В тот же день в госдепартаменте состоялось совещание, на котором было принято окончательное решение не посылать нот протеста и не делать никаких предложений Советскому Союзу. Заместитель государственного секретаря Д. Ачесон доказывал, что дело не в том, что подобные меры были бы «рекламой бессилия», а в том, что они привели бы только к длительной нотной переписке. Однако все понимали, что отсутствие нот протеста по поводу выборов в Румынии, как, впрочем, и в Болгарии, действительно демонстрировало бессилие империалистических держав изменить ситуацию в двух народно-демократических странах. Проекты нот были сданы в архив с аккуратной пометкой «не отправлено»⁸⁶.

Бессилие западных держав ярко проявилось и в ходе контактов Б. Берри с королем и его эmissарями. На третий день после выборов американский представитель принял секретаря и советника короля, а также маршала двора. Секретарь и советник короля полагали, что Михай не должен признавать результаты выборов. У США и Англии, подчеркивали они, также нет иного выхода. «Король, англичане и американцы, — заявил советник Михая, — находятся в одной лодке и должны отказаться от признания выборов»⁸⁷. Ничего определенного Берри ответить не мог. В госдепартамент он писал, что не следует давать королю советов, «так как мы не можем ничем подкрепить свои советы, кроме как моральной поддержкой»⁸⁸.

Однако одной моральной поддержки действий короля было мало. 28 ноября, без особого желания, Берри был вынужден встретиться с королем. «Хотите ли вы, чтобы я взорвал бомбу, как сделал это 20 августа прошлого года?» — прямо спросил Михай. Монарх жаловался, что оппозиция оказывает на него давление, требует, чтобы он не признал результаты выборов и отказался открыть парламент. М. Ромничану даже предложил ему искусственно поднять температуру с помощью инъекции, чтобы иметь оправдание не присутствовать на открытии парламента. «Если я сделаю это, — с нескрываемым раздражением говорил он, — я стану героем в глазах Маниу и его окружения. Но для меня это не имеет большого значения, так как я понял, что моя популярность среди политиков

зависит от того, выполняю ли я в точности все, что они хотят от меня»⁸⁹.

Путь, предлагаемый оппозицией, был неприемлем для монархии. Михай прекрасно понимал, что после небольшой отсрочки парламент начнет работу в соответствии с конституцией и без его тронной речи. Однако он надеялся, что в будущем возникнут «другие спорные вопросы», по которым он сможет «спровоцировать кризис». Лицемерно заявляя, что он не держится за трон, понимая, что больше «нет места для людей его профессии», он доказывал, что печется об интересах румынского народа, хочет оставаться с ним до конца и поэтому должен открыть парламент. Ийти против правительства и демократических партий король мог только в одном случае, о котором четко сказал Берри: «Если вы можете подтвердить, что ваше правительство предоставит мне больше, чем моральную поддержку»⁹⁰. Но американский представитель не мог дать такого обещания. Король не только открыл парламент, но в своей тронной речи даже признал успехи в деятельности народно-демократического правительства⁹¹.

Результаты выборов 1946 г. в Румынии, как и в Болгарии, продемонстрировали крах того политического курса, который проводился империалистическими державами с весны 1945 г. Главная цель этого курса — отстранение от власти демократических правительств — выполнена не была. Ни тактика длительного непризнания правительства Отечественного фронта, ни дипломатические маневры вокруг выборов в парламенты двух стран не оправдали себя. Более того, к концу 1946 г. внешнеполитические органы США и Англии признали, что в арсенале избранного курса больше нет эффективных средств воздействия на политическую ситуацию в Румынии и Болгарии.

НАЧАЛО „ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ“ ПРОТИВ СССР И НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ

§ 1. Завершение мирного урегулирования с Болгарией и Румынией

В конце 1946 г. в Нью-Йорке состоялась сессия Совета министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. На ней был окончательно разработан текст мирных договоров с бывшими европейскими сателлитами фашистской Германии. Придавая огромное значение справедливому подведению итогов второй мировой войны, основную тяжесть которой он вынес на своих плечах, Советский Союз приложил максимум усилий для того, чтобы Нью-йоркская сессия закрепила демократический, в целом справедливый, характер мирных договоров. Политические положения этих договоров обеспечивали независимость и суверенитет народно-демократических стран. Притязания монархической Греции на отторжение болгарских территорий были отвергнуты.

Экономические статьи договоров, согласованные в Нью-Йорке, приобрели компромиссный характер. Империалистическим державам удалось внести в текст договоров отдельные несправедливые положения: компенсация за ущерб, понесенный их фирмами и трестами в бывших вражеских государствах, достигала двух третей реального ущерба (репарации, получаемые СССР, составляли 1/5 его потерь); на территории побежденных стран почти во всех сферах их экономики на срок 18 месяцев вводился режим наибольшего благоприятствования для всех Объединенных наций; репарации, которые Болгарии предстояло выплатить Греции, были завышенными. Имелись и некоторые другие несправедливые положения. Тем не менее и в экономическом мирном урегулировании США и Англия не смогли реализовать свои экспансионистские устремления и восстановить зависимость экономики Бол-

гории и Румынии от западного капитала, подточить экономические основы народной власти¹.

Не сумели западные державы внести в мирные договоры и статью, обеспечивающую их контроль за режимом судоходства на Дунае. В окончательном тексте мирных договоров фиксировалось, что режим Дуная должен быть основан на принципе свободы судоходства для всех союзных государств. Разработать этот режим предстояло придунайским государствам с участием представителей СМИД на специальной конференции².

Подходившая к завершению разработка мирных договоров со всей остротой поставила перед внешнеполитическими органами США и Англии вопрос о восстановлении дипломатических отношений и признании правительства Отечественного фронта. Форин оффис раньше госдепартамента понял неизбежность восстановления дипломатических отношений с Болгарией и признания ее правительства. О намерении заключить с Болгарией мирный договор со всеми вытекающими последствиями английская дипломатия информировала Вашингтон еще до проведения выборов в Великое Народное собрание. 9 октября британское посольство в США направило в госдепартамент меморандум. В нем констатировалось, что правительство Великобритании «считает очень важным заключить мирный договор с Болгарией как можно скорее и поэтому вопрос о признании ее правительства подлежит немедленному рассмотрению». Отметив, что в политике болгарского правительства не видно перемен и уступок, что коммунисты, как и прежде, занимают ключевые посты в правительстве Отечественного фронта, Форин оффис тем не менее высказал согласие признать болгарское правительство после подписания мирного договора, «сколь неудовлетворительным бы ни был такой курс». Лондон был намерен сопроводить восстановление дипломатических отношений декларацией о том, что признание болгарского правительства не означает согласия с его политикой³.

23 октября накануне выборов госдепартамент ответил на меморандум британского посольства «полным нежеланием признать болгарское правительство». Был выражен отказ признать болгарское правительство и после подписания мирного договора, «если ситуация в Болгарии не изменится». Госдепартамент сообщил, что Вашингтон рассматривает различные возможности подписания мирного договора без признания болгарского правительства, но пока не выработал окончательно свой курс⁴.

14 ноября, уже после выборов в Великое Народное собрание, между англичанами и американцами вновь состоялся обмен мнениями о перспективах признания болгарского правительства. Первый секретарь британского посольства в Вашингтоне Х. М. Сичел передал сотрудникам госдепартамента меморандум, в котором отмечалось, что «условия в Болгарии в день выборов были относительно удовлетворительными». Тем не менее Лондон утверждал, что итоги выборов не отражают подлинных взглядов болгарского народа и не дают оснований для признания его правительства. С другой стороны, подчеркивалось в меморандуме, «эти итоги более не затрудняют признание» болгарского правительства, если американцы и англичане решат пойти на такой шаг⁵. Устно Сичел добавил, что британские эксперты изучают возможности подписания и ратификации мирного договора с непризнанным правительством.

Таким образом, Лондон занял позицию, ничего общего не имевшую с принципиальным подходом к оценке выборов как основы для решения вопроса о признании болгарского правительства. Тем не менее необходимость заключения мирного договора с Болгарией и другими восточноевропейскими странами представлялась Лондону более весомой, чем вопрос о признании правительства Отечественного фронта.

К моменту завершения Нью-йоркской сессии СМВД и в госдепартаменте начинало превалировать мнение о необходимости восстановить с Болгарией дипломатические отношения. Активными сторонниками признания правительства Отечественного фронта выступили собиравшийся в отставку государственный секретарь Дж. Бирнс и также помышлявший оставить свой пост, политический представитель США в Софии М. Барнс. Хорошо зная ситуацию в Болгарии, они понимали, что политика непризнания болгарского правительства полностью исчерпала себя. Ясно было, что как бы ни изворачивались внешнеполитические службы США и Англии, официальное признание правительства Болгарии неизбежно произойдет с вступлением в силу мирного договора.

Заключение мирного договора и установление дипломатических отношений с Болгарией, по мнению Барнса, которое он довольно откровенно изложил министру иностранных дел в новом правительстве Болгарии К. Георгиеву, могло помочь защите американских интересов. Подписание договора устранило бы СКК, что могло «позво-

лить правительству США напрямую воздействовать на болгарское правительство»⁶.

Немалое значение имела и позиция СССР. Длительная и упорная борьба советской дипломатии за успешное завершение мирного урегулирования была одновременно борьбой за нормализацию внешнеполитического статуса Болгарии, поскольку предстоявшее подписание мирного договора с этой страной по нормам международного права означало признание ее правительства де-юре. Но советские представители стремились к тому, чтобы текст мирных договоров оговаривал необходимость наличия дипломатических отношений между сторонами, заключающими эти договоры. Соответствующее предложение советская делегация внесла еще на Парижской сессии СМВД.

Это привело к тому, что на сессии СМВД в Нью-Йорке в текст договоров вошла статья, гласившая, что споры относительно их толкования, не урегулированные в ходе переговоров между спорящими сторонами, должны передаваться на рассмотрение глав дипломатических миссий СССР, США и Великобритании в соответствующих бывших вражеских государствах⁷. Так, США и Англия лишились возможности подписать и ратифицировать мирный договор с Болгарией, избежав каким-либо образом установления дипломатических отношений с ней и признания правительства Отечественного фронта.

5 декабря 1946 г. СССР, США, Великобритания и Франция завершили работу над мирными договорами с бывшими европейскими сателлитами фашистской Германии. При всех недостатках, свойственных им, разработанные договоры были лучшим, чего можно было достичь в условиях постоянного роста международной напряженности и ухудшения отношений между западными державами и Советским Союзом. В целом они отвечали принципам демократии, не оставляли безнаказанной агрессию, частично компенсировали ущерб, нанесенный Объединенным Нациям, восстанавливали нормы взаимоотношений между государствами на мирной основе. Они защищали суверенитет Болгарии и Румынии, не препятствовали возрождению мирной экономики, превращению их в равноправных участников международной жизни.

Сразу же после завершения Нью-Йоркской сессии СМВД вопреки прежним утверждениям в госдепартаменте стали искать возможность каким-либо образом оправдать отход от прежнего курса непризнания болгарского правительства. В письме к новому государственному сек-

ретарю Д. Маршаллу М. Барнс 30 января 1947 г. с горечью признавал, что перед США никогда не стояла такая сложная задача, как признание болгарского правительства, имея в виду, что признание означало публичный отказ от прежнего курса. В том же письме Барнс писал, что не верит в возможность добиться мирными средствами чего-либо в восточноевропейских странах⁸. Дж. Бирнс и М. Барнс пришли к общему мнению, что признание болгарского правительства должно последовать после подписания и ратификации мирного договора сенатом. Бирнс предлагал в качестве «извинительной» причины для восстановления отношений сослаться на присутствие в болгарском парламенте весомого представительства оппозиции. Ссылка на это Барнсу показалась малоубедительной. Он предложил указать, что нормализация отношений между США и Болгарией будет способствовать «эволюции» политической жизни в этой стране в соответствии с принципами, согласованными в Ялте и Потсдаме⁹. Другими словами, М. Барнс рекомендовал указать, что если болгарское правительство не будет соблюдать эти принципы (естественно, в американской трактовке), то США могут пересмотреть свое решение. Н. Петков, ознакомленный с предложениями Барнса, согласился с ними. По его мнению, подобное заявление должно было уменьшить впечатление обмана, которое будет порождено у оппозиции признанием Соединенными Штатами существовавшего режима¹⁰.

Утвержденный на должность государственного секретаря 6 января 1947 г. Д. Маршалл поддержал предложение о специальном заявлении в связи с признанием болгарского правительства. Однако его содержание он был намерен составить по-иному. В нем следовало указать на обязательства Болгарии по статье 2 мирного договора о соблюдении прав человека и на тот факт, что выполнение ею договора позволит Болгарии вступить в члены ООН¹¹. Это же заявление надо было повторить в момент вступления в силу мирного договора с Румынией¹².

В словах Маршалла содержался «зародыш» того курса, который США развернут в отношении Болгарии и Румынии еще до вступления в силу мирных договоров с этими странами. Основным направлением его должно было стать использование обязательств правительств этих стран в мирных договорах соблюдать права человека в качестве предлога для постоянного давления на них и вмешательства в их внутренние дела. Политика непризна-

ния правительства приобрела тенденцию перехода в политику недопущения Болгарии и Румынии в ООН.

Великобритания полностью поддержала новое направление антиболгарской и антирумынской политики США и также решила сопроводить признание правительства Отечественного фронта аналогичным заявлением. Мирные договоры с Болгарией, Румынией, другими бывшими вражескими государствами Европы были подписаны в Париже 10 февраля 1947 г. На следующий день, 11 февраля, специальной нотой Великобритания уведомила о признании болгарского правительства де-юре. В ноте содержалась оговорка, что признание не означает одобрения политики болгарского правительства, несогласовывавшейся якобы с духом и положением «Декларации об освобожденной Европе». Кроме того, в ноте подчеркивалось обязательство правительства Отечественного фронта соблюдать в соответствии со ст. 2 мирного договора права человека¹³. Надо согласиться с тем, писала лондонская «Таймс», что «отказ признать иностранное правительство редко приносил кому-либо пользу»¹⁴. Вскоре политического представителя Англии в Болгарии В. Е. Хаустона-Босуэла заменил временный поверенный Дж. Беннет. А. Холмен стал послом в Румынии. Послом США в Румынии стал Р. Шенфельд.

М. Барнс отказался от назначения послом в Болгарию. Причины отказа он объяснил тем, что в период своего пребывания в Болгарии он «далеко переходил за рамки действий политического представителя в полном ранге посла». И далее Барнс отмечал, что, если он получит назначение быть поверенным в делах США именно в тот момент, когда его страна признает правительство Болгарии, это вызовет замешательство среди «демократических элементов» страны, которые будут поражены этим признанием. Действительно, после того как два с лишним года Барнс постоянно подталкивал оппозицию к антиправительственным действиям, обещая, что США не признают правительство Отечественного фронта, появиться в ранге посла или поверенного при признанном правительстве означало полностью дискредитировать себя. Кроме того, он опасался, что не получит агремана¹⁵. Просьба Барнса была удовлетворена. В госдепартаменте решили направить после вступления в силу мирного договора послом Д. Хита.

Запланированное заявление по поводу болгарского правительства было сделано в связи с ратификацией в се-

нате мирных договоров. 14 июня Г. Трумэн выразил «сожаление» о том, что решения Ялты и Потсдама по проблемам Румынии и Болгарии «остались невыполненными». Президент также подчеркнул обязательство их правительств выполнять статью мирного договора о правах человека¹⁶.

После того как договоры были ратифицированы в столицах СССР, США, Англии, бывших вражеских государств и 15 сентября ратификационные грамоты поступили на хранение в Москву, мирные договоры вступили в силу.

16 сентября прекратила деятельность СКК в Румынии. Выступая на приеме в честь советских представителей в Комиссии, П. Гроза заявил: «В течение всего периода перемирия суверенитет румынского государства, его независимость и национальное достоинство румынского народа ни разу не были ущемлены. Напротив, представители Советского правительства были щитом, защищающим эту независимость, свободу и достоинство от каких бы то ни было посягательств... Мы никогда не забудем об этом и сохраним свою признательность в будущем»¹⁷.

15 сентября заместитель председателя СКК в Болгарии генерал-лейтенант А. И. Черепанов объявил о ее роспуске. Оценивая деятельность Союзной контрольной комиссии, В. Коларов отметил, что «не было ни одного случая, чтобы СКК под председательством представителей доблестной Красной Армии нарушала законные права болгарского народа или допускала, чтобы было осуществлено внешнее давление на его суверенную волю»¹⁸.

Американский посол прибыл в Софию 25 октября, а 2 декабря 1947 г. правительство США официально объявило о восстановлении дипломатических отношений с Болгарией. Этот акт аргументировался «желанием США быть информированными о развитии страны и поддерживать усилия по защите американских интересов в ней»¹⁹. Так к концу 1947 г. дипломатические отношения Болгарии и Румынии с Великобританией и США были полностью восстановлены.

Высоко было оценено значение вступивших в силу мирных договоров. Прогрессивная общественность Болгарии и Румынии, не закрывая глаза на недостатки договоров, приветствовала их как крупный успех демократических сил. «Вместе со своими положительными и отрицательными для Румынии моментами мирный договор, — писала „Скынтейя“, — является результатом упорной

борьбы румынской демократии, с одной стороны, за устранение с командных высот общественной жизни виновников нынешнего состояния, а с другой — за то, чтобы убедить международную демократию, что Румыния покончила с позорным прошлым»²⁰. В народно-демократических государствах высоко оценили роль СССР в защите законных прав и интересов их народов в мирном урегулировании. «СССР добился таких окончательных статей договора, — отмечалось в Болгарии, — в которых устранены те первоначальные предложения империалистической реакции, которыми она упорно стремилась урезать политическую и экономическую независимость Болгарии... Так советская дипломатия упрочила освободительное дело Советской Армии»²¹.

Заключение мирных договоров и признание правительства Отечественного фронта подвели черту под курсом империалистических держав в отношении Болгарии и Румынии, разработанным весной 1945 г. Его провал окончательно обнаружился к концу 1946 г. Отстранить от власти демократические правительства этих стран, объявленные «недемократичными» и «непредставительными», не удалось ни в ходе борьбы за их фундаментальную реорганизацию, ни путем поддержки реакционной буржуазной оппозиции на выборах в парламенты. Вашингтон и Лондон не смогли превратить ответственность за развитие демократического процесса в Болгарии и Румынии в средство навязывания двум странам своей воли, в инструмент борьбы против победившего в них народно-демократического строя. В защиту их национально-государственных интересов, революционных завоеваний выступал Советский Союз, который играл ведущую роль в решении международных проблем, связанных с судьбами государств Восточной Европы.

Неутешительные для империалистических держав итоги борьбы за осуществление своих политических целей в этом регионе способствовали обострению отношений между США и Англией, с одной стороны, СССР — с другой, укрепляли намерение Вашингтона и Лондона покончить с сотрудничеством в рамках антигитлеровской коалиции и взять на себя, по выражению Дж. Кеннана, «руководство народами мира». Заключение мирных договоров с Болгарией и Румынией (как и с другими бывшими государствами в Европе) не противоречило таким намерениям. Оно завершало совместную ответственность союзников за судьбу этих стран и позволяло начать новый тур борьбы

против народной власти, используя ряд положений договоров, и в первую очередь статью о правах человека. Наконец, западные державы были заинтересованы и в том, чтобы, завершив мирное урегулирование с бывшими сателлитами фашистской Германии, перейти к решению проблем самой Германии, Австрии, Японии, о чем президент Трумэн информировал конгресс 6 января 1947 г.²²

Названный комплекс причин объясняет, почему вопреки многочисленным заявлениям о «неудовлетворенности» положением в Румынии и Болгарии, открытого проявления недовольства политикой их правительств, угрозам не заключить мира и не признать эти правительства, США и Англия в 1947 г. подписали и ратифицировали мирные договоры с Болгарией и Румынией, полностью восстановили с ними дипломатические отношения на уровне посольств, объявили о признании болгарского правительства. Завершая мирное урегулирование с Болгарией и Румынией, США и Англия переходили к проведению в отношении них, как, впрочем, и других государств Восточной Европы, нового курса, ставшего важным компонентом стратегии «сдерживания».

§ 2. „Доктрина Трумэна“ и новые политические средства борьбы против двух народно-демократических стран

Переход к новой военно-политической стратегии империализма, предусматривавшей замену многостороннего сотрудничества держав антигитлеровской коалиции открытой конфронтацией с СССР, странами народной демократии, непримиримую борьбу против мирового коммунистического движения на грани новой войны, завершился в 1947 г.

Новая военно-политическая стратегия империализма была сформулирована в докладе президента США Конгрессу 12 марта 1947 г. и получила название «доктрины Трумэна». Хотя в докладе говорилось о предоставлении «помощи» Греции и Турции в размере 400 млн долларов, президент вел речь о противоборстве с СССР и революционными движениями во всемирном масштабе. Отметив, что большинство стран стоит перед выбором пути, Трумэн прямо заявил: «Мы не можем допустить изменений в статус-кво»²³. Объявив революционные и национально-освободительные движения «агрессивными», американский

президент предупредил, что «коммунизму не позволят беспрепятственно развиваться»²⁴. Не случайно, ссуда 400 млн долларов Греции и Турции аргументировалась интересами безопасности США. В советской историографии отмечается, что в докладе Г. Трумэна был поставлен «вопрос о том, чтобы США взяли на себя роль всемирного жандарма, чтобы они отныне вмешивались в дела всех стран на стороне сил реакции и контрреволюции, помогали подавлять освободительное движение всех народов и открыто выступали против революции, против социалистического пути развития государств»²⁵.

Выбор в качестве объектов «помощи» Греции и Турции был не случайным. Дело заключалось не только в том, что Великобритания более не могла сдерживать борьбу греческого народа против реакционного антидемократического монархического режима и просила США «сменить ее на посту». По словам Трумэна, «достаточно было взглянуть на карту», чтобы убедиться, что события тут имеют гораздо более широкое значение. Приход к власти демократических сил или, как выражался Трумэн, «вооруженного меньшинства», в этой стране воздействовал бы на Турцию и весь Ближний Восток. Терять позиции в таком чрезвычайно важном стратегическом регионе империалистические державы не были намерены. С другой стороны, исход противоборства демократических и реакционных сил в Греции немедленно оказал бы воздействие на соседние восточноевропейские страны. «Во-первых, — отмечает И. И. Орлик, — подавив революционные силы Греции и Турции и укрепив здесь позиции реакционных сил, США надеялись превратить эти два государства в плацдарм будущей агрессии против соседних стран, вступивших на путь социализма. Во-вторых, был создан прецедент «помощи» в этом районе, которая в случае ослабления народно-демократического строя в какой-либо из восточноевропейских стран должна была быть предоставлена реакционным элементам этой страны»²⁶. Эта акция, пишет болгарский исследователь И. Недева, должна была породить «новые надежды в буржуазных кругах народно-демократических стран на получение от США поддержки в борьбе против демократических сил»²⁷.

Истинный смысл речи Трумэна был сразу же понят как в США, так и за рубежом. Советское правительство отметило, что большая часть ассигнуемых Греции и Турции сумм предназначается не для восстановления их экономики, а «для военных нужд». «Сам характер „помощи“,

которую правительство США намерено оказывать Греции и Турции таков, — указывал А. А. Громыко в выступлении на заседании Совета Безопасности ООН 7 апреля 1947 г. — что его никак нельзя признать соответствующим целям и принципам Объединенных Наций». «Действительная материальная помощь, в которой нуждается греческий народ, — заявил советский представитель, — может и должна быть ему оказана, но эта помощь должна быть именно помощью, а не прикрытием целей, не имеющих с помощью ничего общего»²⁸.

Новая политическая стратегия США, провозглашенная Трумэном, вызвала резкую критику и американской общественности, и ряда ответственных деятелей на Капитолийском холме. Выступая по радио на следующий день после речи Трумэна, бывший вице-президент и министр торговли США Г. Уоллес прямо сказал, что Трумэн «фактически предложил, чтобы американцы несли полицейскую службу вдоль всех границ России»²⁹. Известный американский политический обозреватель У. Липпман писал, что Греция и Турция были избраны потому, что «они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза»³⁰. Говоря о тщетности «крестового похода» против коммунизма и социализма на мировой арене, Г. Уоллес подчеркивал: «Трумэн не может предотвратить изменений в мире так же, как он не может помешать приливу в море или заходу солнца»³¹.

Агрессивный характер «доктрины Трумэна» разоблачался коммунистическими партиями и правительствами народно-демократических стран. «„Доктрина Трумэна“, — указывал Г. Димитров, — означает непрерывное давление на другие страны, и в особенности на страны народной демократии, систематические попытки вмешательства во внутренние дела этих стран под тем предлогом, что в них якобы существует „диктатура“, „тоталитаризм“, мнимые завоевательные устремления и т. д. „Доктрина Трумэна“ означает открытую помощь всем реакционным режимам, всем элементам, выступающим против демократии и мира»³².

Провозглашение «доктрины Трумэна» было сопряжено с усилением подрывной деятельности, которую империалистические державы разворачивали по всей Восточной Европе. Специальные ведомства США разрабатывали планы создания в восточноевропейских странах террористических групп, финансирования подпольных организа-

ций, подготовки убийств видных деятелей коммунистических и рабочих партий. При ЦРУ была создана особая секция «И», которая руководила «работой» в странах Восточной Европы³³.

Немалое внимание уделялось непосредственно Румынии и Болгарии. 22 мая 1947 г. в госдепартаменте подготовили очередной обзор ситуации в Румынии. В нем прямо указывалось, что усилия США по осуществлению своих целей в этой стране после окончания войны провалились. Вместе с тем отмечалось, что хотя реализация этих интересов «будет трудно достижима в обозримом будущем», США продолжают борьбу. В обзоре констатировалось, что в Румынии еще есть силы, иногда «активно», но «все менее и менее эффективно» выступающие против народно-демократической власти. «Наша политика заключается в том, — подчеркивалось в обзоре, — чтобы оказывать этим элементам любую поддержку, на какую мы способны»³⁴. Только что аккредитованный посол США в Болгарии Д. Хит призывал оказывать поддержку противникам Отечественного фронта. 31 декабря 1947 г. он писал в госдепартамент, что в Болгарии нет организованного «сопротивления» народной власти, «но как только появится реальная надежда на поддержку из-за рубежа и нынешнее разочарование улетучится, появится стремление к его организации... Можно достичь состояния близкого к войне... и это необходимо сделать в ближайшем будущем»³⁵.

Лидеры реакционной оппозиции в Румынии и Болгарии еще осенью 1946 г. укрепились в намерении перейти к вооруженной борьбе, особенно после поражения на выборах. Советские и румынские исследователи выявили факты, проливающие свет на подготовку в Румынии широкого вооруженного сопротивления народной власти. Так, в сентябре 1946 г. на ряде встреч эmissаров Ю. Маниу с профессиональными американскими и английскими разведчиками разрабатывался детальный план создания специальной организации с целью свержения народно-демократического строя вооруженным путем. Американские и английские представители на этих встречах обещали большую финансовую помощь взамен шпионской информации, которую обязались поставлять лидеры оппозиции³⁶. Наряду с организацией руководящего центра подпольным движением в самой Румынии, получившим название «Профессиональный военный кружок», предусматривалось создание комитетов и за рубежом³⁷. Особое

значение эти мероприятия приобрели после поражения оппозиции на выборах. «Если мы не смогли выиграть выборы, — заявил Маниу, — необходимо развернуть национальное сопротивление»³⁸.

Действия болгарской оппозиции шли в двух основных направлениях. С одной стороны, используя свое представительство в Великом Народном собрании, она делала все возможное, чтобы затруднить деятельность правительства, затормозить поступательное развитие демократического строя. С самого начала работы первой сессии ВНС, открывшейся 8 ноября 1946 г., депутаты от оппозиционных партий повели обструкционистскую линию, «пытались создать атмосферу ненависти, беспорядка, неуважения к присутствующим, самому органу власти»³⁹. О поведении оппозиции в парламенте Г. Димитров сказал: «Ее дебют на первом заседании плачевен и пойдет ей во вред»⁴⁰. Г. Димитров отметил, что лидеры оппозиции, «продолжая свою прежнюю подрывную политику, не проявили никакого желания сотрудничать в строительстве нашей молодой республики, видимо, поэтому они не сделали ни председательству республики, ни премьер-министру, которому было поручено составить новый кабинет, никаких предложений о сотрудничестве с Отечественным фронтом или об участии в управлении страной»⁴¹.

Несмотря на подобные действия оппозиции, правительство стремилось найти приемлемые формы сотрудничества с оппозиционными партиями. Димитров полагал, что не следует отрицать возможность существования какой бы то ни было оппозиции. Если она не противопоставляет себя народу, занимает конструктивные позиции, она может служить противовесом против таких недостатков в деятельности правительства, как бюрократизм, головокружение от успехов⁴². Выступая в Великом Народном собрании 11 февраля 1947 г., он отметил, что если оппозиция стремится к сотрудничеству, она должна прекратить посылать на трибуну ВНС хулиганов, клеветников, опозорившихся субъектов, искажать факты, натравливать на правительство недовольные элементы, затруднять отношения Болгарии с соседними странами и великими державами. «Необходимо включиться в работу. Не только критиковать, ругать и клеветать, но и работать»⁴³. Но это не входило в планы реакционной оппозиции.

Одновременно существовало и другое направление в деятельности болгарской оппозиции. Под эгидой оппозиционных партий шло объединение всех антинародных и

профашистских сил, велась работа среди офицерского состава армии, создавались специальные подпольные организации⁴⁴. Но до конца февраля — начала марта 1947 г., по словам Н. Ганчовского, реакционная оппозиция не раскрыла окончательно свое лицо⁴⁵.

Провозглашение «доктрины Трумэна» подстегнуло подготовку румынских и болгарских реакционеров к вооруженному перевороту. Печать оппозиционных партий приветствовала открытое вмешательство США в дела балканских народов. В этот период, по мнению Н. Ганчовского, начался новый этап в деятельности оппозиции. Ее знаменем стал «циничный антикоммунизм»⁴⁶.

18 марта печать Отечественного фронта обнародовала тайное письмо ярого врага народно-демократической Болгарии Гемето, с помощью английских и американских представителей бежавшего из страны весной 1945 г. и окопавшегося в США. Письмо было адресовано главарям оппозиции и призывало после вывода советских войск устроить в Болгарии переворот⁴⁷.

В этот же период при поддержке госдепартамента группа Гемето в США создала так называемый «Национальный комитет свободной и независимой Болгарии», поддерживавший постоянную связь с оппозиционерами в Болгарии. В США функционировал и «Земледельческий комитет», в который наряду с Гемето вошли представители буржуазных аграрных партий Венгрии и Югославии⁴⁸. В задачи комитета входила организация подпольной агитации и саботажа в восточноевропейских странах. Участники «Земледельческого комитета» подписали в Вашингтоне так называемую Декларацию независимости Восточной Европы⁴⁹.

Еще большую активность оппозиции провозглашение «доктрины Трумэна» вызвало в Румынии. И до марта 1947 г. оппозиция вела активную подпольную подготовку к вооруженному перевороту. В начале 1947 г. НЦП распространила манифест «Румыны!». В нем утверждалось, что «наступило время генеральной битвы». «Вновь будем просить помощи наших союзников — Англии и Америки, — призывал манифест, — и начнем действия по свержению правительства... У нас есть атомная бомба наших друзей, которые немедленно придут к нам на помощь»⁵⁰. В целях подготовки к восстанию реорганизовывались старые и создавались новые подпольные заговорщические группы и террористические организации. Под руководством «Профессионального военного кружка» был разработан специ-

альный «Генеральный план организации армии» для осуществления переворота сразу же после вывода советских войск⁵¹.

Лидеры НЦП, НЛП и оппозиционной социал-демократической группировки продолжали апеллировать к английским и американским представителям, ООН, министрам иностранных дел великих держав, требуя вмешательства во внутренние дела Румынии. Так, 10 марта 1947 г. руководство НЦП и НЛП направило госсекретарю США Д. Маршаллу, выехавшему на сессию СМВД в Москве, очередное послание, в котором вновь обвиняло правительство в нарушении политических свобод⁵². 11 марта письмо с такими же обвинениями было направлено и в адрес генерального секретаря ООН Трюгве Ли⁵³. Оппозиция «фабрикует новую серию антиправительственных меморандумов и докладов, надеясь вновь вызвать англо-американское вмешательство во внутренние дела Румынии», — писала газета «Попорул»⁵⁴. Однако госдепартамент не хотел афишировать перед всем миром связи с румынскими оппозиционерами и «выполнять роль почтовой конторы для этих меморандумов»⁵⁵.

Провозглашение «доктрины Трумэна» Ю. Маниу и другие румынские реакционные лидеры восприняли как решимость империалистических держав немедленно приступить к свержению народно-демократических правительств. «Доктрина Трумэна», утверждали оппозиционеры, — «это доктрина вмешательства во имя обеспечения мира и свободы на земле... Мы считаем эту новую меру спасительной»⁵⁶. На следующий же день после выступления американского президента в Конгрессе, транслировавшегося по «Голосу Америки», Ю. Маниу явился к американскому представителю Б. Берри и доложил ему о готовности оппозиции к восстанию. «В его планы не входит революция, — информировал Берри госдепартамент, — но их реализация может вызвать кровопролитие». По словам Маниу, и оппозиция, и монархия были готовы к кровавому перевороту, но для его успеха нуждались в поддержке великих держав. Об этой поддержке и просил Ю. Маниу⁵⁷.

Однако пыл румынских реакционеров скоро охладился. 19 марта госдепартамент дал указание Берри информировать Маниу, что «правительство США не может поддерживать или оправдать попытку насильственного свержения» народно-демократической власти⁵⁸. Не о румынском народе, конечно, пеклись на Западе. Успех вооруженного пере-

ворота был возможен, по мнению Вашингтона и Лондона, только после вывода советских войск. Английский политический представитель в Румынии А. Холмен и Б. Берри пришли к общему мнению, что «глупо подстрекать к свержению правительства П. Грозы пока советские войска находятся в Румынии»⁵⁹. Однако следовало поддержать намерения оппозиции в целом, чтобы их «не захлестнула волна пессимизма, столь же высокая, как и волна оптимизма, возникшая после речи Трумэна 12 марта»⁶⁰.

Не получив поддержки внешнеполитических органов империалистических держав в стремлении немедленно развернуть вооруженные действия против народной власти, лидеры реакционной румынской оппозиции попытались действовать иначе. Как свидетельствует М. Фэту, «видя, что вся их заговорщическая деятельность в стране, направленная против народно-демократического строя, не может быть доведена до конечного результата — свержения демократического правительства, Маниу решил с помощью американских и английских реакционных кругов консолидировать заговорщический центр за рубежом, создав так называемое временное правительство»⁶¹.

Еще в конце 1946 г. за границу отправился Гр. Никулеску-Бузешть. Он должен был возглавить зарубежную группу оппозиционеров, включавшую К. Вишоюну, Г. Гафенку, А. Крецяну⁶². При прямой поддержке США началось сколачивание «Румынского национального комитета». Во главе его стоял генерал Рэдеску. В программе этого комитета, принятой позднее, говорилось, что основной целью организации является борьба за «освобождение» Румынии при поддержке западных стран⁶³. Стремясь к созданию зарубежного временного правительства, Маниу изыскивал всяческие возможности переправить через границу новые группы реакционеров.

Однако летом 1947 г. антигосударственная деятельность болгарских и румынских лидеров оппозиции, направленная на свержение народно-демократической власти, была полностью разоблачена и пресечена. 5 августа начался судебный процесс по делу Н. Петкова, 16 августа на основе закона о защите народной власти его приговорили к смертной казни. Великое Народное собрание утвердило закон о роспуске БЗНС-НП, превратившейся в центр реакционной и заговорщической деятельности⁶⁴.

14 июля при попытке переправить за границу очередную партию румынских заговорщиков арестовали группу

лидеров национал-царанистской партии. 19 июля был арестован Ю. Маниу. Следствие установило, что в стране существовал широкий антиправительственный заговор. Кроме того, было доказано и прямое участие в заговоре американских агентов Т. Хелла и Дж. Гамильтона⁶⁵. 29 июля румынский парламент проголосовал за роспуск НЦП. Вскоре объявила о самороспуске и НЛП⁶⁶.

Разгром реакционной антигосударственной оппозиции в Болгарии и Румынии затормозил осуществление планов империалистических держав. Однако Вашингтон и Лондон не смогли помешать исчезновению с политической арены двух стран противников демократической власти. Тем не менее меры давления на правительства Болгарии и Румынии в связи с этим осуществлялись. Политические представители США и Англии неоднократно вели беседы с Г. Димитровым и В. Коларовым. В публиковавшихся многочисленных заявлениях двух держав выражалась «озабоченность» судебными процессами в Болгарии и Румынии⁶⁷, делались попытки организовать консультации представителей СССР, США и Англии⁶⁸, использовать СКК для вмешательства в судебное разбирательство⁶⁹.

Вашингтон и Лондон предпринимали эти акции, прекрасно понимая, что изменить что-либо они уже не смогут. 9 июня на специальном заседании сотрудников госдепартамента при участии заместителя государственного секретаря Д. Ачесона, руководителя отдела планирования политики Дж. Кеннана, помощника государственного секретаря Ч. Болен и других высокопоставленных лиц упоминалось, что публичные протесты «полезны не столько в надежде изменить ситуацию или просто оказать воздействие на другие страны, сколько как часть нашей «войны нервов»⁷⁰. Поэтому были отвергнуты более эффективные меры, как, например, предложение М. Барнса поехать в Болгарию и выступить на суде в защиту Н. Петкова или предложение Дж. Хорнера и Дж. Беннетта выслать из США и Англии болгарских политических представителей и др.⁷¹ Кроме того, США поторопились информировать болгарское правительство о желании восстановить дипломатические отношения до казни Н. Петкова. Подобные действия США и Англии способствовали ускорению окончательного распада оппозиции в ходе разоблачения антигосударственной деятельности ее лидеров. Дж. Хорнер сообщал, что «главным элементом пораженческих настроений оппозиции является окончательная

потеря веры в способности США предоставить ей эффективную помощь и поддержку»⁷².

Разоблаченная перед лицом своих народов, лишившаяся последних надежд получить эффективную помощь империалистических держав, реакционная оппозиция в Болгарии и Румынии исчезла с политической арены. Оказавшийся в ноябре 1947 г. в Лондоне румынский король Михай растерянно вопрошал, следует ли ему возвращаться на родину. Ни члены английского правительства, ни У. Черчилль, ни американский посол в Великобритании Л. В. Дуглас не могли посоветовать ему ничего определенного. Американцы и англичане в тот период даже не были намерены разрешить ему обратиться с воззванием к румынскому народу с территории своих стран⁷³. 30 декабря 1947 г. Михай подписал акт об отречении. Чрезвычайное собрание парламента провозгласило Румынию Народной Республикой.

Завершение мирного урегулирования и установление полных дипломатических отношений с Болгарией и Румынией не противоречили новой стратегии, сформулированной в «доктрине Трумэна». «Битву за мир» Вашингтон и Лондон проиграли. Теперь империалистические державы пытались приспособить для нужд враждебной антидемократической политики в отношении Болгарии и Румынии, других бывших вражеских государств в Восточной Европе определенные положения мирных договоров. Накануне их подписания 28 января 1947 г. государственный секретарь США отметил, что вступить в ООН Болгарии позволит выполнение ею обязательств «в отношении предоставления прав и свобод своим гражданам». Об этом следовало информировать и румынское правительство⁷⁴. Намерение госдепартамента поддержал и Лондон⁷⁵.

США и Англия рассматривали начавшиеся летом 1947 г. в Болгарии и Румынии судебные процессы над государственными преступниками как удобный предлог для демонстрации новой линии. Ее сутью был перенос центра тяжести в борьбе против народно-демократических стран с их внутривластной арены на международную. Ссылаясь на мнимые нарушения свобод, оговоренных в мирных договорах, империалистические державы намеревались воспрепятствовать вступлению Болгарии и Румынии в ООН, обращению в Международный суд, а также изыскивала любую возможность, чтобы затруднить внешнеполитическую деятельность их правительств, изолировать эти страны от мирового сообщества, и таким образом все-

мерно содействовать ослаблению демократической власти. Поэтому, подняв большую шумиху вокруг «нарушений» подписанных, но еще не вступивших в силу мирных договоров, в связи с осуждением лидеров реакционной антинародной оппозиции в Болгарии и Румынии, США и Англия и не помышляли отказаться от полного завершения мирного урегулирования.

Сразу же после ареста Н. Петкова, американский и английский представители заявили Г. Димитрову, что «правительство США будет рассматривать арест Петкова как нарушение духа мирного договора». Эта угроза содержалась в многочисленных нотах протеста, обращениях к СССР, советскому руководству СКК⁷⁶. В качестве «нарушений» мирных договоров выдавались роспуск реакционных НЦП и БЗНС-НП⁷⁷.

Замысел империалистических держав выяснился окончательно, как только Румыния и Болгария обратились в ООН с просьбами о приеме. Румынское правительство передало просьбу 10 июля 1947 г. В обращении румынского правительства указывалось, что, реорганизовав внутреннюю жизнь государства путем проведения широкой программы демократических реформ, «Румыния желает внести свою долю в дело установления мира и международного сотрудничества»⁷⁸. 26 июля к Трюгве Ли обратилась Болгария. Описав вклад Болгарии в войну против фашистской Германии, демократические преобразования, свершившиеся после 9 сентября 1944 г., болгарское правительство заявляло, что желание вступить в ООН продиктовано «стремлением сотрудничать в установлении прочного мира и внести свой вклад в дело международного сотрудничества»⁷⁹.

Просьбы Болгарии и Румынии послужили для Лондона и Вашингтона сигналом к действию. «Дипломатия империализма, — пишет М. А. Мунтян, — пыталась поставить вопрос о приеме народно-демократических государств в ООН в прямую зависимость от реализации своей генеральной линии в отношении стран социалистического лагеря — задержать в них развитие революций и реставрировать капиталистический строй»⁸⁰. Внутривнутриполитические события в Болгарии и Румынии, судебные процессы над лидерами реакционной антигосударственной оппозиции были объявлены нарушением положений мирных договоров о правах человека. Это немедленно было выставлено в качестве аргумента в отказе империалистических держав благосклонно отнестись к просьбе о при-

еме в ООН народно-демократических стран. Так, например, в ноте Великобритании, направленной румынскому правительству 21 июля, указывалось, что «правительство Соединенного Королевства будет сопротивляться допуску Румынии в ООН до тех пор, пока она не пожелает выполнять свои обязательства по мирному договору»⁸¹. С первого же дня обсуждения просьб Болгарии и Румынии в Совете безопасности, а затем и в специальном комитете по приему новых членов империалистические державы и их сторонники развернули яростную кампанию за недопущение этих стран в ООН.

В связи с подобными инсинуациями болгарское правительство направило в адрес правительства США «Меморандум по поводу приема Народной Республики Болгарии в ООН». Болгария категорически отвергала обвинения в нарушении прав человека. «В Болгарии никого не преследуют за политические убеждения, — говорилось в меморандуме, — ...Болгарское правительство предприняло и предпринимает меры в соответствии с законами страны против организаций и лиц, которые совершают или поощряют действия, представляющие опасность государственной безопасности и народным интересам»⁸².

В народно-демократических странах прекрасно понимали подоплеку действий империалистических держав. «Англичане и американцы не могут примириться с тем, что Румыния и ее соседи разорвали цепи империализма и определили свою внешнюю политику в соответствии с жизненными интересами своих народов, — разъясняла «Скынтейя»⁸³. Болгарская пресса объясняла, что «возражения, выдвигаемые некоторыми против приема, не имеют ничего общего с духом и буквой устава ООН. Они отвечают интересам пропагандистов новой войны. Отстранение народно-демократических стран от ООН свидетельствует об их стремлении превратить ООН в прикрытие и инструмент своих экспансионистских планов»⁸⁴. Несмотря на происки империалистических держав, в Болгарии и Румынии верили, что справедливость восторжествует. «Наш народ не питает каких-либо иллюзий и знает трудности, которые ему предстоит преодолеть для того, чтобы быть принятым в ООН и отстаивать свою национальную независимость», — писала «Работническо дело»⁸⁵. «Мы будем неустанно требовать этого справедливого права для демократической Румынии, находящей поддержку у демократических стран во главе с СССР», — отмечали румынские газеты⁸⁶. Позиция США и Англии подвергалась критике и западной об-

щественностью. Одна из американских газет заявляла, что прежде чем ставить вопрос о нарушениях прав человека в других странах, «США должны отчитаться за массовые аресты в Греции... крупные эксцессы, происходящие там ежедневно под вдохновляющим влиянием „доктрины Трумэна“»⁸⁷.

Для того, чтобы воспрепятствовать вступлению народно-демократических государств в ООН, применялись не только обвинения в нарушении прав человека. Западные державы стремились очернить и их внешнюю политику, приписать им агрессивные устремления. Еще в декабре 1946 г. США и Англия инспирировали обращение в ООН монархической Греции с жалобами в адрес Болгарии, Югославии и Албании, которые обвинялись во вмешательстве во внутренние дела Греции на стороне противников реакционного монархического режима. По настоянию империалистических держав была создана международная комиссия для проверки жалоб Греции. Члены комиссии обследовали пограничные районы Греции и соседних стран, включая Болгарию. И хотя выводы комиссии говорили не в пользу Греции, США и Англия продолжали выдвигать антиболгарские требования в Совете Безопасности⁸⁸.

По инициативе империалистических держав 21 октября 1947 г. в ООН была создана еще одна так называемая Балканская комиссия с мандатом на неопределенное время. Под предлогом очередной проверки жалоб монархической Греции представители комиссии настаивали на обследовании оборонительных сооружений Болгарии, Югославии и Албании, стремились получить разведывательные данные об армиях этих стран. В совместном заявлении болгарского и югославского правительств 27 ноября 1947 г. указывалось, что Балканская комиссия «создана в нарушение устава ООН», «наносит урон государственному суверенитету балканских народов», а потому они «не могут оказать ей никакого содействия и допустить ее представителей на свою территорию»⁸⁹. Некоторые члены британского кабинета сообщали о том, что не получено доказательств о содействии болгарского правительства греческим партизанам. Однако выводы Балканской комиссии, подтвердившей «жалобы» Греции, использовались в Комитете ООН по приему новых членов для того, чтобы обосновать недопущение Болгарии в международное сообщество⁹⁰.

Противодействие империалистических держав вступлению в ООН народно-демократических стран открыло новое направление их прежней враждебной политики. Параллельно с началом использования обвинений о нарушении обязательств соблюдать права человека для недопущения Болгарии и Румынии в ООН, США и Англия готовились поднять вокруг этого вопроса враждебную шумиху и как державы, ответственные за выполнение мирных договоров. Еще до их подписания в феврале 1947 г. Форин оффис поставил на обсуждение внешнеполитических служб США и Англии вопрос о создании специальной комиссии из представителей СССР, США и Великобритании, в функции которой входил бы надзор за выполнением мирных договоров⁹¹. Это предложение противоречило положениям мирных договоров, предусматривавших, что споры относительно их выполнения и толкования должны передаваться на рассмотрение глав дипломатических миссий трех держав. Великобритания стремилась создать международный орган, который бы санкционировал постоянное вмешательство во внутренние дела бывших вражеских государств и после подписания мирного договора.

Против английского предложения сразу возразил американский политический представитель в Болгарии М. Барнс. Он полагал, что формулировки мирного договора не согласуются с тем, что предлагали англичане. Создание специальной комиссии, по мнению Барнса, потребовало бы участия в ней советских представителей, в то время как весь предшествовавший опыт работы СКК подтверждал, что это не позволит осуществить свои планы через совместный с советскими представителями орган. «Давайте, ради бога, действовать самостоятельно», — призывал М. Барнс⁹². Официальный ответ госдепартамента на запрос Форин оффис повторял доводы Барнса.

Но англичане все же стремились заранее создать специальный орган, наблюдающий за «нарушением» мирных договоров. 28 февраля 1947 г. они практически вновь повторили свои предложения, заменив комиссию на совет представителей великих держав. Предусматривалось даже создание специальных комитетов по надзору за выполнением отдельных статей — военных, экономических и т. п. 5 апреля английский представитель в Румынии А. Холмен попытался выяснить позицию СССР по этому вопросу. Поскольку советские представители отказались его обсуждать, английское предложение было окончательно-

но похоронено⁹³. Поэтому Форин оффис решил присоединиться к плану госдепартамента использовать в своих интересах предусмотренную в мирных договорах процедуру рассмотрения споров о выполнении и толковании мирных договоров, действуя через свои дипломатические представительства.

В конце 1947 г. Лондон и Вашингтон обвинили Болгарию и Румынию в нарушении военных статей и произвольном увеличении армии и вооружения. Выступая 19 декабря 1947 г. в палате общин, Э. Бевин привел явно завышенные данные о размерах болгарской армии — 80 тыс. человек. В действительности же к этому периоду ее численность находилась в полном соответствии с требованиями мирного договора и составляла 65 тыс. человек⁹⁴. Под предлогом проверки этих данных 7 октября американские представители направили в Министерство иностранных дел Болгарии ноту с требованием предоставить чрезвычайно широкую информацию, касающуюся государственной безопасности Болгарии. Болгария должна была дать «отчет» о составе высшего командования своей армии, структуре, расположении и организации воинских соединений и национальной милиции, военном оборудовании, военных школах, тренировочных объектах, названии и месторасположении военных предприятий или предприятий, способных выпускать военную продукцию и т. п.⁹⁵ Британская миссия направила ряд аналогичных нот румынскому и болгарскому правительствам⁹⁶. Болгарское правительство отказалось давать подобную информацию так же, как и пустить различных «контролеров» в свои пограничные районы. В меморандуме болгарского правительства правительству США 30 сентября 1948 г. указывалось, что утверждения о нарушении Болгарией военных статей мирных договоров «не имеют реальных оснований». С трибуны Великого Народного собрания были даны точные сведения о составе и количестве болгарских войск, соответствующих требованиям статьи 9 (мирного договора. — К. Ж.). Претензии США на инспекцию южных границ Болгарии были отвергнуты, как не соответствующие мирному договору и «нацеленные на превращение Болгарии в вассальную страну»⁹⁷. Румынское правительство также отказалось предоставить информацию⁹⁸. И советское посольство не согласилось участвовать в контроле⁹⁹.

Как показали последующие события, первые попытки в 1947—1948 гг. использовать «споры» и «разногласия» по

выполнению мирных договоров с Болгарией и Румынией вылились в широкомасштабное наступление. В марте 1949 г. госдепартамент опубликовал заявление, в котором правительства Болгарии, Румынии и Венгрии обвинялись в нарушении положений мирных договоров, гарантирующих права человека, ограничение вооружений и вооруженных сил, защищающих интересы и собственность Объединенных наций на территории названных трех стран¹⁰⁰. Затем в апреле и мае 1949 г. США и Англия направили правительствам этих стран уже официальные ноты, в которых утверждалось, что между правительствами США и Англии, с одной стороны, и правительствами народно-демократических стран, с другой, возникли разногласия в трактовке мирных договоров. Было выдвинуто требование создать комиссию из дипломатических представителей США, Англии и СССР в этих странах для разрешения разногласий в соответствии с механизмом, предусмотренным в мирных договорах¹⁰¹.

СССР отказался участвовать в подобной комиссии, указав, что роспуск оппозиционных партий и другие мероприятия правительств народно-демократических стран, выдаваемые Вашингтоном за нарушения мирных договоров, «полностью подлежат национальной юрисдикции этих стран, являющихся суверенными государствами». Действия империалистических держав Советское правительство расценило как попытку «вмешаться во внутренние дела этих стран, оказать давление на их внутреннюю политику»¹⁰². И впоследствии СССР пресекал подобные поползновения империалистических держав. Народно-демократические государства не признавали выдвинутых против них обвинений и не считали, что находятся в споре с кем-либо по перечисленным вопросам. Еще в октябре 1947 г. в интервью корреспонденту агентства «Юнайтед Пресс» Г. Димитров сказал, что «было бы абсурдно утверждать, что статья 2 мирного договора ставит себе задачей гарантировать кому бы то ни было свободу... организации военных переворотов и террористических актов. Такую свободу мы не можем признать ни для кого. Тем более, что статья 4 того же мирного договора ясно обязывает болгарское правительство не допускать существования и деятельности организаций, имеющих целью лишить народ его демократических прав»¹⁰³.

Однако, начатая в 1947—1948 гг. кампания обвинений продолжалась. Империалистические державы в последующий период стремились добиться подтверждения нару-

шения мирных договоров в Организации Объединенных Наций, Международным судом.

Таким образом, на заключительной стадии мирного урегулирования в течение 1947 г. на фоне общего изменения военно-политической стратегии империалистических держав, провозглашенного «доктриной Трумэна», сформировались новые направления враждебного курса в отношении Болгарии и Румынии. Наиболее важными политическими средствами борьбы против народно-демократического строя стали недопущение этих стран в ООН под предлогом ущемления в них прав человека, обвинения в нарушении политических, военных и экономических статей мирных договоров с целью ограничения их суверенитета, дискриминации на международной арене, вмешательства в их внутренние дела. Подобные акции были не краткосрочной кампанией, а явились составной частью новой глобальной стратегии империалистических держав.

§ 3. Начало экономического наступления империалистических держав против Болгарии и Румынии

Наряду с изменением главных политических средств борьбы против народной власти новая военно-политическая стратегия империалистических держав открыла еще одно направление массированного наступления на демократические страны — экономическое. До 1947 г. попытки ослабить хозяйственные основы народной власти таких государств, как Болгария и Румыния, предпринимались главным образом в ходе разработки мирных договоров. Империалистические державы преследовали цель — обеспечить с помощью этих договоров восстановление позиций западного капитала в бывших вражеских странах, а следовательно, и зависимость экономики Болгарии и Румынии от западных держав. Хотя США и Англии удалось настоять на введении в мирные договоры некоторых несправедливых положений, отвечавших своекорыстным интересам западных фирм и трестов, выполнить поставленную задачу они все же не смогли.

Между тем, несмотря на большие трудности, опираясь на поддержку Советского Союза, восточноевропейские страны, в том числе Болгария и Румыния, в течение 1945—1946 гг. успешно вели восстановление промышлен-

ности и сельскохозяйственного производства, укрепляя экономические основы нового строя.

В начале 1947 г. на развитие болгарской промышленности были выделены значительные ассигнования, основное налоговое бремя перенесено на долю крупных собственников. Денежная реформа, уменьшившая почти втрое находившуюся в обращении денежную массу, способствовала усилению контроля государства за частным капиталом и доходами нетрудовых элементов, стабилизировала болгарскую валюту и еще более сузила позиции капитализма в экономике Болгарии¹⁰⁴.

В 1945—1946 гг. было положено начало плановому регулированию промышленного и сельскохозяйственного производства. В феврале 1947 г. Великое Народное собрание приступило к обсуждению двухлетнего плана развития народного хозяйства. Одобренный и принятый 1 апреля 1947 г. двухлетний народнохозяйственный план являлся «не только экономической программой правительства Отечественного фронта, но и политическим вопросом международного значения... каждый успех плана, — отмечал Г. Димитров, — будет успехом правительства, а каждый неуспех его будет злостно использован врагами»¹⁰⁵. В декабре 1947 г. ВНС приняло законы о национализации и реорганизации банков. Г. Димитров указывал, что «национализация промышленности является самым важным революционным мероприятием в экономике, окончательно утвердившим плановое развитие всей нашей страны по пути к социализму»¹⁰⁶.

В Румынии в качестве важного рычага для экономического послевоенного восстановления использовали осуществленную в декабре 1946 г. национализацию Национального банка¹⁰⁷. Созданное в апреле 1947 г. министерство промышленности и торговли получило полномочия контроля за деятельностью государственных и частных промышленных предприятий. Организации государственного регулирования развития промышленности Румынии, ограничению экономической деятельности капиталистов содействовали появившиеся в мае отраслевые промышленные управления¹⁰⁸. Как и в Болгарии, сильно ослабила экономические позиции эксплуататорских классов денежная реформа в августе 1947 г. Выпуск новых денег сопровождался установлением новых ставок заработной платы и твердых цен на основные промышленные и продовольственные товары. Решающим шагом на пути уничтожения экономического господства буржуазии, создания условий

для организации планового ведения хозяйства стала национализация основных промышленных предприятий, железнодорожных, транспортных и страховых обществ, природных ресурсов, проведенная 11 июня 1948 г.¹⁰⁹

Широкое наступление на экономические позиции капитализма в Болгарии и Румынии, укрепление роли государства в сфере производства не могли не вызвать яростного противодействия внутренних и внешних противников народно-демократической власти. До последних дней существования реакционной буржуазной оппозиции каждое мероприятие правительств Болгарии и Румынии в этой области сопровождалось ее активным сопротивлением. Так, при обсуждении в Великом Народном собрании бюджета министерства промышленности, оппозиционеры открыто выступили против выделения крупных ассигнований на развитие индустрии. Они утверждали, что Болгария традиционно является аграрной страной и не в состоянии создать свою промышленность. Они стремились доказать, что без займов у империалистических держав экономическое развитие Болгарии невозможно¹¹⁰.

Особым нападкам подвергался двухлетний план развития народного хозяйства. Газеты оппозиционных партий называли его «комичной выдумкой», которая приведет страну «к хозяйственной анархии и разрухе»¹¹¹, сеяли неверие, что «это литературное сочинение будет выполнено»¹¹². Оппозиционеры пророчили, что политика индустриализации, предусмотренная в двухлетнем плане, приведет к обнищанию масс¹¹³.

Румынская оппозиция вела себя еще более разнузданно. Она старалась очернить деятельность румынского правительства по развитию сельского хозяйства страны, называла первые румынские тракторы «самыми слабыми в мире»¹¹⁴. Оппозиция не гнушалась использовать в своих интересах даже такое национальное бедствие, как засуха. «Большая часть крестьян уверена, — вещала газета царанистов, — что урожайные времена наступят после ухода правительства П. Грозы. Засуха приходит на помощь нации»¹¹⁵.

Румынские оппозиционеры пытались доказать, что национализация Национального банка, который якобы являлся «банком всей нации», приведет к ухудшению экономического положения страны¹¹⁶. Когда в Румынии появились отраслевые промышленные управления, реакционная буржуазия открыто объявила о намерении саботировать их работу¹¹⁷. Лидеры национал-царанистской и национал-

либеральной партий утверждали, что в Румынии не существует условий для развития тяжелой промышленности, что планы правительства сильно ослабят сельское хозяйство. Стараясь затруднить восстановление румынской экономики, Ю. Маниу подстрекал реакционные элементы в профсоюзах и на промышленных предприятиях, чтобы те, используя экономические трудности, организовывали забастовки рабочих¹¹⁸. Давая оценку этим действиям, «Скынтейя» писала: «В тяжелые для страны дни оппозиция саботирует производство, сеет панику, пытается организовать анархистские акты на предприятиях, пугает народ голодом, клеветает на страну за границей, провоцирует и убивает. Они надеются спрятаться за статью 3 мирного договора и подорвать демократический режим изнутри»¹¹⁹.

Экономическое наступление империалистических держав было спланировано в первой половине 1947 г. Его основные направления нашли отражение в меморандуме американского политического представителя в Болгарии М. Барнса, составленном 14 февраля. М. Барнс отмечал, что выдвижение претензий к Болгарии по мирным договорам, осуждение ее с трибуны ООН, моральная поддержка оппозиции имеют важное значение. «Однако, — писал Барнс, — я полагаю, что США и Соединенное Королевство располагают другим, возможно, более эффективным средством воздействия на политическое развитие в этой части мира». Говоря об обсуждении в ВНС двухлетнего плана развития, он прогнозировал, что для оплаты «амбициозной программы электрификации, ирригации, развития транспорта и индустриализации» правительству Димитрова «потребуются западные кредиты». Вполне в духе разглагольствования Дж. Кеннана о том, что послевоенная экономика СССР находится на краю развала и не выживет без помощи Запада, Барнс утверждал, что СССР не в состоянии оказать поддержку Болгарии, и болгарские лидеры знают об этом. Отсюда следовал вывод, что если США и Англия будут твердо стоять на своем, то ради получения кредитов «болгарское правительство будет вынуждено расширить свою политическую базу, в ином случае оно позорно падет»¹²⁰. Со свойственным ему цинизмом Барнс призывал: «Пусть они (т. е. болгары. — К. Ж.) какое-то время поварятся в собственном соку... Предоставление существующему коммунистическому режиму Болгарии экономической помощи, на которую он рассчитывает, приведет только к дальнейшему его упрочению»¹²¹.

Экономическая блокада, по мысли Барнса, должна была распространяться на государственный сектор в экономике и препятствовать индустриализации Болгарии. В то же время следовало удовлетворять нужды населения в потребительских товарах, особенно потребности крестьян в одежде, медикаментах, средствах для выращивания урожая. Болгарский народ будет знать, откуда приходят эти товары, писал Барнс, и «ему хватит ума понять, почему эти товары были предоставлены, а амбициозный план правительства не был поддержан»¹²².

Меморандум завершался патетическим разъяснением возможных итогов таких действий: «Если мы останемся твердыми в своих убеждениях в какой-нибудь точке на протяжении от Балтийского до Эгейского моря и вызовем доверие к нам своей жесткой политикой в этом районе мира, эта уязвимая точка обнаружит себя, и огонь вновь обретенной свободы распространится от одного моря до другого»¹²³.

Меморандум М. Барнса не стоило бы столь подробно цитировать, если бы он не отражал основные идеи, изложенные в длинной телеграмме Дж. Кеннана в феврале 1946 г. и превращавшиеся теперь в теоретическую основу нового политического курса империалистических держав, официально объявленного в «доктрине Трумэна». Это подтверждает и документ, составленный 22 мая 1947 г. специальной рабочей группой госдепартамента и отражавший основные направления политики США в отношении Румынии. В нем разъяснялось, что политика США «заключается в том, чтобы оказывать любую поддержку» противникам народно-демократического строя и «отказывать правительству в любой экономической помощи за исключением гуманитарных целей»¹²⁴. Помощь в «гуманных» целях, а именно продажа Румынии зерна в связи с угрозой голода в результате засухи, видимо, также обосновывалась тем, что у румынского народа «хватит ума» понять, кто и почему направляет ему эту помощь. Правда, «гуманный» характер помощи мог померкнуть от того, что в качестве предварительного условия румынское правительство обязывалось перевести на счет США в швейцарском банке 20 500 тыс. долларов в слитках золота и таким образом компенсировать предшествовавшую задолженность. Только после этого Румыния могла получить кредит в 7 500 тыс. долларов на покупку продовольствия¹²⁵. Через два дня после заявления госдепартамента на заседании румынского правительства констатировалось, что

«условия, на которых нам могут предоставить несколько кредитов другие страны, настолько суровы, насколько и оскорбительны»¹²⁶.

Сказанное в меморандуме Барнса и подтвержденное в планах относительно Румынии объясняет, почему в течение 1947 г. США продали Румынии некоторое количество зерна¹²⁷, по линии Красного Креста направили в страну несколько вагонов мыла, медикаментов, одежды, семян общей суммой на 2,5 млн долларов¹²⁸, Англия послала 500 т продовольствия¹²⁹. И хотя часть присланного из США зерна оказалась непригодной в пищу¹³⁰, оппозиционная пресса широко рекламировала эту помощь, разъясняя румынскому народу, «кто является его истинными друзьями». «Дрепатя» умилялась действиям западных благодетелей, которые «отказываются от любимых продуктов и, отрывая их от себя, посылают в Румынию»¹³¹. В то время как каждое мероприятие правительства, направленное на борьбу с засухой, повышение производительности сельского хозяйства, оснащение его техникой наталкивалось на ожесточенное сопротивление противников народно-демократической власти, оппозиционная пресса расписывала сусальные картинки «идиллии», наступившей в румынской деревне в результате помощи западных держав: «На дорогах крестьяне курят американские сигареты, крестьянки обсуждают достоинства американского кофе, дети едят шоколад»¹³². Газеты национал-либералов высмеивали заявление правительства, что «Румыния должна прежде всего полагаться на свои собственные возможности, а не на помощь извне», и издевательски писали, что «абсурдно давать подобные советы паралитику на костылях»¹³³. Когда румынские оппозиционеры утверждали, что Румыния должна опираться на помощь извне, они не имели в виду Советский Союз. Расписывая присылку спичек из США как великое благодеяние для Румынии, оппозиционные газеты даже не упомянули о советско-румынском торговом соглашении, о решении СССР в июне 1947 г. экспортировать в страну 8 тыс. вагонов зерна, хотя продовольственное положение в Советском Союзе в результате войны также было чрезвычайно тяжелым¹³⁴. «В то время как другие пытаются извлечь пользу из экономических затруднений нашей страны, — писала «Скынтейя», — СССР предоставляет нам зерно по ценам более низким, чем мировые. Заключенный недавно румыно-советский торговый договор и последнее соглашение (о поставках зерна. — К. Ж.) вносят новый дух в международные эко-

номические отношения, в их основе лежат не спекулятивные расчеты и стремление ущемить суверенитет»¹³⁵.

Что касается экономических связей империалистических держав с Болгарией, то в течение 1947 г. они были сведены практически к нулю. Газета английских коммунистов писала о торговле с Болгарией: «Если бы Бевина меньше интересовал воображаемый «железный занавес», а больше такие реальные вещи, как яйца, мясо, табак, то торговля вполне могла бы развернуться в настоящий момент. Тот факт, что в последние месяцы общая сумма закупок составляла лишь 7 шиллингов в неделю, является печальным доказательством торжества политических предрассудков в ущерб торговле и доброй воле во всем мире»¹³⁶.

Окончательные очертания новая экономическая политика империалистических держав в отношении демократических стран получила в так называемом «плане Маршалла». 5 июня 1947 г. в Кембридже на собрании ассоциации бывших студентов Гарвардского университета выступил государственный секретарь США. Обрисовав тяжелое экономическое положение европейских стран, разруху и голод, грозящий им, Д. Маршалл заявил, что решающим условием возрождения Европы станет американская экономическая помощь¹³⁷. Маршалл, по мнению советника госдепартамента М. Джоунса, старался «облечь нашу греко-турецкую программу (т. е. «доктрину Трумэна». — К. Ж.) в более обширное объявление нашей политики, основанное на концепции расширения помощи зарубежным странам»¹³⁸. «Доктрина Трумэна», как и «план Маршалла», были нацелены на подавление коммунистического движения в Европе, тесное привязывание европейских капиталистических стран к США, они были направлены на то, чтобы «воспрепятствовать дальнейшему социалистическому развитию восточноевропейских стран и содействовать реставрации в них капиталистических порядков»¹³⁹. В связи с тем, что провозглашение «доктрины Трумэна» вызвало негативную реакцию даже среди американских политических деятелей, подлинный смысл «плана Маршалла» тщательнее закамуфлировали высопарными фразами об экономической помощи всем европейским странам.

Между тем документы госдепартамента, отражающие процесс разработки «плана Маршалла», ясно показывают те империалистические цели, которые преследовали США. На заседании специального комитета представителей госу-

дарственного, военного и морского департаментов 21 апреля констатировалось, что «целью предоставления американской помощи является расширение в национальных интересах США тех намерений, которые недавно были провозглашены президентом в отношении Греции и Турции, путем поддержки экономической стабильности и благонравных политических процессов, предотвращение коммунистического влияния и использования вооруженного меньшинства, ориентации других наций на США»¹⁴⁰. Важное значение отводилось развитию военного союза с теми странами, которые получают американскую помощь. Снабжение их военным оборудованием, советниками, обучающим персоналом должно было заставить их обращаться к США за поддержкой.

Наряду с этим отмечалось, что «результаты программы могут выйти за пределы тех стран, которым оказывается помощь»¹⁴¹. Имея в виду такое воздействие, Э. Бевин заявил помощнику государственного секретаря В. Клейтону, что он «поддержал „план Маршалла“, не задавая никаких вопросов», полагая, что план явится скорейшим способом «разрушить железный занавес», поскольку союзники России «не устоят перед привлекательностью фундаментальной помощи для возрождения Европы»¹⁴².

Поскольку ожидалось, что «план Маршалла» окажет воздействие на народно-демократические страны, накануне его провозглашения в госдепартаменте обсуждался вопрос, что будет более отвечать этой цели: предлагать помощь Европе в целом или только западным странам. Только что созданный отдел планирования политики под руководством Дж. Кеннана рекомендовал предложить помощь Европе в целом, но таким образом, чтобы СССР и народно-демократические страны либо «сами исключили себя нежеланием принять предлагаемые условия или отказались от исключительной ориентации своей экономики»¹⁴³. Другими словами, или пусть народно-демократические страны «варятся в собственном соку», или переориентируют свою внутреннюю и внешнюю политику. Как писал советский исследователь А. И. Шапиро, США хотели навязать народно-демократическим странам такие условия помощи, «которые привели бы их к отказу от проведения социальных преобразований и сохранению аграрного характера большинства этих стран, к лишению их политической и экономической самостоятельности и в конечном счете к ликвидации социалистического строя»¹⁴⁴.

Задуманный план был осуществлен на совещании министров иностранных дел Англии, Франции и СССР в июне—июле 1947 г. Английские и французские представители выдвинули предложение создать «руководящий комитет», который составит всеобъемлющую программу экономического восстановления Европы и определит уровень и направление развития отдельных стран, а также долю американской «помощи»¹⁴⁵. Такие условия «экономической помощи» были неприемлемы для СССР и народно-демократических стран. Советский представитель на совещании в Париже подчеркнул, что «вопрос об американской помощи... послужил поводом для создания новой организации, стоящей над европейскими странами и вмешивающейся во внутренние дела стран Европы вплоть до определения того или иного направления развития главных отраслей промышленности в этих странах... Совершенно очевидно явствует из тех задач, которые ставятся перед этой организацией или перед „руководящим комитетом“, что европейские страны окажутся подконтрольными государствами и лишатся прежней экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду неким сильным державам»¹⁴⁶.

Так же как и провозглашение «доктрины Трумэна», «план Маршалла» был с восторгом встречен реакционной буржуазной оппозицией в народно-демократических странах. «После предложения Маршалла проблема восстановления стала общеевропейской. Румыния должна включиться в ритм времени», — призывали румынские национал-либералы¹⁴⁷. «Мы должны быть признательны США и показать себя достойными их внимания», — подобострастно взывала газета царанистов¹⁴⁸.

В то же время прогрессивные силы понимали, что «план Маршалла» преследует те же политические цели, что и «доктрина Трумэна». Еще летом 1946 г. во время мирной конференции румынские обозреватели отмечали, что «экономическое проникновение означает политическое вмешательство... исходя из опыта своих отношений с иностранным капиталом, малые страны давно поняли, что пока они не добьются экономической независимости, они не смогут избрать политический режим и внешнеполитическую ориентацию согласно собственной воле и национальным интересам»¹⁴⁹. Вместе с другими народно-демократическими странами Болгария и Румыния отказались от участия в «плане Маршалла». «Румынский народ, борющийся за свою свободу и национальную независимость,

не хочет возвращаться к практике периода между двумя мировыми войнами, когда подлинным хозяином румынской земли был иностранный капитал», — писала «Скынтейя»¹⁵⁰. «Болгарский народ, — подчеркивала болгарская газета, — дорожит своей экономической и национальной независимостью и не может согласиться с созданием какой бы то ни было организации, которая может дать возможность иностранным силам вмешаться в ее внутренние дела»¹⁵¹.

В заявлении румынского правительства об отказе получать американскую помощь говорилось: «„План Маршалла“ неизбежным образом ведет к нарушению экономической независимости стран и вмешательству во внутренние дела народов Европы»¹⁵². Болгарское правительство заявило, что присоединение Болгарии к «плану Маршалла» приведет к тому, что «двухлетний план развития народного хозяйства подвергнется опасности ревизии и задержки ради особых интересов других держав»¹⁵³.

Но Вашингтон не ограничился лишь «демонстрацией» преимуществ ориентации на США и тесного союза с ними, гарантирующими экономическое «процветание». Были предприняты меры, содействующие организации полной экономической блокады СССР и восточноевропейских государств, разрыву торговых связей между ними и другими странами Европы. 1 марта 1948 г. США ввели лицензии на экспорт целого ряда товаров в СССР и народно-демократические страны под предлогом защиты безопасности США. Это решение Конгресса практически прервало все торговые связи между ними и США. Одновременно американская администрация предприняла меры, чтобы вовлечь в экономическую блокаду и западноевропейские страны, получавшие по «плану Маршалла» американские субсидии. В тексте официально утвержденного Конгрессом 3 апреля 1948 г. «плана Маршалла» и получившего название «Закона об экономическом сотрудничестве» указывалось, что США приостановят доставку товаров участникам «плана Маршалла», если те используют их для производства продукции, предназначенной для государств Восточной Европы. Затем было объявлено, что США будут контролировать любой экспорт в Восточную Европу. Западноевропейские страны оказались вынужденными принять широкую систему лицензий и других барьеров, с помощью которых были нарушены традиционные экономические связи обеих частей Европы¹⁵⁴.

Следует отметить, что развязанное США экономическое наступление больно ударило по интересам не только слабых западноевропейских стран, но и ближайшего союзника — Великобритании, имевшей немалые довоенные капиталовложения в народно-демократических странах. Торговое и экономическое проникновение в Восточную Европу традиционно рассматривалось в Лондоне как важнейшее направление упрочения ее позиций. Поэтому в течение 1947 г. Англия все еще нащупывала возможности торгово-экономических отношений с восточноевропейскими странами.

Так, в феврале 1947 г. в Болгарию прибыл представитель британского министерства продовольствия. Он проявлял интерес к закупке пищевых продуктов, табака, лесоматериалов. Болгария была намерена закупать в Англии шерсть, хлопок, железобетон, резину, запчасти. Заключение соглашения было сорвано ввиду присоединения Англии к «плану Маршалла» и выдвижения со стороны Лондона таких неприемлемых предварительных условий, как немедленное возмещение Болгарией задолженности, оплата компенсации за национализированные предприятия в иностранной валюте и др. Болгарское предложение рассмотреть вопрос о компенсации после заключения торгового соглашения было отклонено¹⁵⁵.

Тем не менее торговые связи между Болгарией и Великобританией существовали, хотя и были сведены до минимума. Болгария продолжала продавать товары в стерлинговой зоне и на добытую валюту закупать там сырье и оборудование¹⁵⁶. Вашингтон же после введения контроля за экспортом в Европу и блокировкой в США болгарских авуаров полностью порвал торгово-экономические связи с этой страной¹⁵⁷.

Примерно такое же положение сложилось и в торговых связях США и Англии с Румынией. В 1948 г. Англия еще закупила в Румынии нефти, озокерита и смолы на сумму 1 121 213 фунтов стерлингов, в 1949 г. никаких закупок сделано не было¹⁵⁸. США не только сами полностью прервали экономические связи с Румынией, но и навязывали эту политику другим странам. В 1948 г., используя закон о лицензиях, правительство США запретило отправку в Румынию уже оплаченного нефтяного оборудования, Англия отказалась от соглашения поставить в Румынию станки и сталь в обмен на продовольствие¹⁵⁹.

Практически полный разрыв экономических связей между народно-демократическими странами и западными

державами не смог вынудить правительства этих стран согласиться с условиями «плана Маршалла». В тезисах ЦК КПР к празднованию 23 августа 1947 г. прозвучал твердый ответ на действия империалистических держав: «Румыния, вступив на путь экономической консолидации, не станет продавать свою свободу и независимость»¹⁶⁰. «Мы будем независимы, — говорил Г. Димитров, — за тарелку чечевичной похлебки не продадим наши национальные интересы и будущее»¹⁶¹.

Экономическая изоляция народно-демократических стран, так же как и недопущение их в ООН, обвинения в ущемлении прав человека, в нарушении мирных договоров — все эти средства борьбы, пущенные в ход в 1947 г., были рассчитаны на длительный срок. Они явились компонентом новой военно-политической стратегии империалистических держав. Президент Трумэн в марте и государственный секретарь США Маршалл в июне 1947 г. в своих выступлениях официально провозгласили главные аспекты этой стратегии. Ее теоретическим обоснованием служила доктрина «сдерживания коммунизма», разработанная Дж. Кеннаном в 1945—1947 гг. и окончательно сформулированная в июле 1947 г. в статье «Истоки собственного поведения», опубликованной журналом «Форин афферс». Послевоенная переориентация политики западных держав завершилась. Эта доктрина, отмечает исследователь Ю. М. Мельников, отражала глобальные масштабы экспансии империализма, «оправдывала политику силы во всех ее проявлениях, вплоть до войны. Она была направлена на изоляцию, подрыв, использование силы и подготовку войны против СССР и всего социалистического содружества как главного препятствия на пути к установлению мирового господства США»¹⁶².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Периодические рецидивы попыток силового решения всей группы противоречий, разделяющих два мира, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, — разумеется, не случайны... империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную авантюристическую политику»¹. Провозглашение стратегии «сдерживания» было одной из наиболее опасных среди подобных попыток. Она поставила мир на грань новой мировой войны, по сути, привела к разрыву политических, экономических, культурных связей между Западом и Востоком. Империалистические державы рассчитывали, что СССР и народно-демократические страны не смогут успешно развиваться без взаимодействия с западным миром. Это заблуждение было порождено неспособностью империалистических кругов реально оценить потенциальные возможности социализма, экономическую и военную мощь СССР, прочность позиций народно-демократической власти в восточноевропейских странах. На Западе не смогли оценить уже существовавшие тенденции к объединению, внешнеполитическому и экономическому сплочению СССР и народно-демократических государств. Социальные и экономические завоевания народов Восточной Европы в 1944—1947 гг. создавали необходимые предпосылки для того, чтобы противостоять империализму объединенными усилиями. Ускорение процесса сплочения СССР и народно-демократических государств и складывания основ мировой социалистической системы являлось, с одной стороны, закономерностью развития этих стран, а с другой — необходимой мерой защиты против агрессии империализма.

Важным этапом в развитии этого процесса явились торговые, экономические и культурные соглашения между СССР и народно-демократическими странами, между отдельными государствами Восточной Европы. Они позволяли таким странам, как Болгария и Румыния, несмотря на большие трудности, успешно справляться с задачами народнохозяйственного развития. «Вся экономическая помощь и импорт из Советского Союза постоянно соотносились с нуждами экономического развития Болгарии», — пишет А. Наков. В первые годы народной власти экономика страны остро нуждалась в сырье, поэтому оно превалировало в импорте из СССР. Когда же началось строительство фабрик и заводов, то Советский Союз в 12 раз по сравнению с 1945 г. увеличил ввоз машин и оборудования². Двухлетний план развития Болгарии, принятый в апреле 1947 г., был успешно выполнен, благодаря тому, что СССР предоставил Болгарии кредит в размере 25 млн долларов для закупки машин, оборудования для главных строящихся промышленных объектов — химкомбината в Димитровграде, ТЭЦ «София», ТЭЦ «Марица-1» и др.³ Не оправдались предсказания М. Барнса, пророчившего, что СССР не окажет помощь Болгарии и «амбициозный» правительственный план развития экономики Болгарии провалится.

Экономическая помощь СССР сыграла важную роль и в реализации планов восстановления румынского народного хозяйства. В соответствии с заключенным 20 февраля 1947 г. торговым соглашением СССР поставил Румынии сырья на сумму 25 млн долларов, поддержав успешное развитие промышленности Румынии. Страна получила 130 тыс. т угля, 65 тыс. т стали, 60 тыс. т железной руды, 35 тыс. т чугуна, 17 тыс. т хлопка, значительное количество машин и оборудования⁴. В июне 1947 г. СССР направил в Румынию 8 тыс. вагонов зерна, отказавшись от уплаты за него золотом⁵. В 1948 г. СССР согласился вдвое сократить оставшуюся невыплаченной сумму репарационных платежей Румынии, а позднее передал ей свою долю участия в советско-румынских предприятиях, составлявшую 4300 млн леев⁶.

Большое значение для успешного развития экономики народно-демократических стран имела сеть двусторонних договоров между ними. В 1947—1948 гг. Болгария и Румыния заключили договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией, Албанией, Венгрией, Югославией, Польшей. 16 января 1948 г. был заключен

болгаро-румынский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. В Восточной Европе сложилась система договоров, в рамках которой стало осуществляться многостороннее сотрудничество народно-демократических стран.

Особое значение в судьбе Болгарии и Румынии имели договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Советским Союзом. Советско-румынский договор был заключен 4 февраля 1948 г., советско-болгарский — 18 марта 1948 г. Они регулировали развитие и укрепление тесных экономических связей на принципах взаимного уважения, независимости, невмешательства во внутренние дела друг друга. Договоры предусматривали и взаимное предоставление военной и всякой иной помощи в случае агрессии против них. Оценивая значение этого договора, Г. Димитров подчеркнул, что «в тот момент, когда руководители некоторых государств относятся враждебно к созидательному делу нашего народа, когда некоторые силы желают помешать нашему свободному демократическому развитию. Советский Союз подает нам братскую руку, оказывает нам искреннюю помощь в деле нашего развития, в строительстве нашей народной республики, в упрочении ее независимости и государственного суверенитета»⁷. Кардинальное отличие характера помощи, предоставляемой европейским странам Советским Союзом от американской «помощи» по «плану Маршалла», подчеркивал и Г. Георгиу-Деж. Он отмечал, что советско-румынский договор укрепляет «в нашем народе веру в политическую устойчивость нашего народно-демократического строя», «наносит сильный удар по иллюзиям реакционных кругов внутри нашей страны и за ее пределами в отношении возможности восстановления того старого режима, при котором Румыния являлась орудием на службе интересов империалистических держав»⁸.

Вместе с такими же договорами, заключенными с СССР другими восточноевропейскими странами, советско-болгарский и советско-румынский договоры «отразили принципиально новые межгосударственные отношения социалистического типа. Они составили основу коллективной безопасности стран мирового социалистического содружества, превратились в важные инструменты обеспечения международного сотрудничества и упрочения мира во всем мире, в барьер на пути осуществления агрессивных планов империализма»⁹.

Ярким проявлением общих политических и экономических интересов СССР и восточноевропейских стран, их стремления защитить эти интересы объединенными усилиями в борьбе с империализмом явились итоги решения вопроса о режиме дунайского судоходства. В мирных договорах было зафиксировано, что режим судоходства на Дунае будет разработан придунайскими государствами с участием представителей СМД на специальной конференции. Когда же 30 июля 1948 г. дунайская конференция начала работу, западные державы повели дело к ее срыву. Противодействие, которое США и Великобритания оказывали разработке нового статута дунайского судоходства, свободного от диктата великих держав, не остановило прибрежные государства, составлявшие большинство участников конференции. Невзирая на то, что Англия, США и Франция отказались поддержать советский проект дунайской конвенции, он был принят конференцией. Новая дунайская конвенция гласила, что контрольный орган над судоходным режимом Дуная — Дунайская комиссия — будет состоять только из представителей прибрежных государств. «Это означало конец почти столетнему засилью на Дунае неприбрежных держав. Полноправными его представителями стали естественные хозяева — прибрежные государства»¹⁰. Выработка нового демократического режима дунайского судоходства еще больше сплотила государства Восточной Европы и СССР, дала им еще одну возможность совместно противостоять политическому и экономическому натиску империалистических держав.

Тенденция к единству СССР и восточноевропейских стран привела к созданию в январе 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, активными участниками которого стали Болгария и Румыния. Предпосылки создания СЭВ коренились в объективных закономерностях развития социалистических стран, в общности их интересов и целей, однотипности общественного строя, общих задачах борьбы за мир. В то же время ориентации СССР и европейских социалистических стран на взаимные связи, развития многостороннего сотрудничества требовала и политика империалистических держав в Восточной Европе после провозглашения «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». «Не являясь определяющим фактором такого сотрудничества, — отмечают советские исследователи, — внешнеэкономическая обстановка способствовала тому, что СССР и европейские социалистические страны нашли

соответствующие формы экономического сотрудничества, которые позволили им эффективно развивать свое народное хозяйство, используя преимущества мировой социалистической системы»¹¹.

Тесное политическое и экономическое сплочение стран мировой социалистической системы окончательно обрекло на провал замыслы империалистических кругов в отношении восточноевропейских государств, связанных с военно-политической стратегией «сдерживания».

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 12. М., 1982. С. 25.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1946. С. 145.

³ Там же. С. 103.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Сб. документов. М., 1978. С. 329.

⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М., 1946. С. 105.

⁶ Там же. С. 174—175.

⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее — FRUS). 1944. V. IV. Washington, 1966. P. 140.

⁸ Ibidem. P. 144, 152.

⁹ Ibidem. V. III. Washington, 1965. P. 343—344.

¹⁰ Ibidem. P. 343.

¹¹ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. М., 1978. С. 411.

¹² История Румынии. 1918—1970. М., 1971. С. 409.

¹³ См.: *Шмераль Я. Б.* Некоторые общие вопросы народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 22.

¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 183.

¹⁵ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. С. 132.

¹⁶ *Шмераль Я. Б.* Указ. соч. С. 22.

¹⁷ *Язькова А. А.* США и Румыния в первые послевоенные годы (О некоторых аспектах американской политики 40-х гг.) // Американский ежегодник. 1980. М., 1981; *Она же.* Политика США в отношении стран Юго-Восточной Европы в послевоенные годы (основные аспекты проблемы) // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984; *Жигня К. Л.* Режим наибольшего благоприятствования и позиция западных держав в мирном урегулировании с Болгарией, Венгрией и Румынией // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977; *Ангелова Д.*

САЩ и България в навечерието на Потсдамската конференция. В светлината на американските дипломатични документи // Векове. 1975. № 1; *Пинтев С.* България в английската политика от Московското перемирие до Потсдамската конференция // Международни отношения и външна политика на България след втората световна война. София, 1982; *Белоречка Д.* Балканската политика на САЩ през 1945 и България // България и Балканите. София, 1983; *Bălteanu V.* Eșuarea încercărilor monarhiei și a reacțiunei interne și externe de a răsturna regimul democrat-popular (6 martie 1945 — ianuarie 1946) // Studii. Revista de istorie. 1957. N 6.

¹⁵ *Изразлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964; *Трухановский В. Г., Капитонова Н. К.* Советско-английские отношения. 1945—1948 гг. М., 1979; *Мунтян М. А.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948). Кишинев. 1977; *Жигня К. Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. Кишинев, 1981; *Волков В. К.* Особенности международной обстановки на Балканах и место Балкан в системе международных отношений после второй мировой войны (1945—1948) // Балканите в международните отношения. 1944—1948. София, 1984; *Гибианский Л. Я.* Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции // Международные отношения на Балканах. М., 1974; *Он же.* Антигитлеровская коалиция и Болгария на завершающем этапе второй мировой войны // История и культура Болгарии. М., 1981; *Он же.* Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны // *Études balkaniques.* 1976. № 1; *Пинтев Ст.* Начална дейност на Съюза на контролна комиссия в България (октомври 1944 — януари 1945 // Исторически преглед. 1979. Кн. 4—5.

¹⁹ *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972; *Он же.* Советско-румынские отношения и борьба против попыток вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии (6 марта 1945 г. — 1950 гг.) // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев, 1969; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // *Études balkaniques.* 1983. № 1; *Чубарьян А.* Советский Союз и проблема послевоенного мирного урегулирования на Балканах // Балканите в международните отношения. 1944—1948; *Жигня К. Л.* Борьба Советского Союза за дипломатическое признание правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования // На путях нерушимой дружбы. М., 1977; *Она же.* Борьба СССР за дипломатическое признание болгарского правительства на втором этапе мирного урегулирования // Известия АН МССР. 1978. № 2; *Наков А.* Подкрепата на СССР за сключване на справедливо перемирие с България // Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София, 1967; *Добрияднов Т.* Помощта на Съветски Съюз за преодоляване на външнополитическата изолация на народнодемократична България // Балканите в международните отношения; *Емануилов Е. М.* Потсдамската конференция и защитата на националната независимост на България от Съветския Съюз // Исторически преглед. 1985. Кн. 12.

²⁰ СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества 1944—1949 гг. М., 1985; *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынской Народной Республики. Кишинев, 1971; *Наков А.* Българо-съветските отношения. 1944—1948. София, 1978; *Божинов В.* Защитата на националната независимост на

България. 1944—1947. София, 1962; *Bozinov V.* Bulgarian Foreign Policy (1944—1968) // *Etudes historiques*. 1973. № 6; *Тодорова Р.* Външна политика на България (февруари 1947 — януари 1949) // *Международни отношения и външна политика на България след втората световна война*. София, 1982; *Constantinescu-Iași P.* Relațiile româno-sovietice // *Romanoslavica*. 1952. V. V; *Enescu I.* Politica externă a României în anii 1944—1947 // *Anale de istorie*. 1977. N 4; *Alexandrescu I.* Concepția și activitatea PCR și a guvernului democrat privind relațiile economice externe ale României. 1945—1948 // *Anale de istorie*. 1972. N 6.

²¹ История Болгарии. Т. II. М., 1955; История на Българската комунистическата партия. София, 1979; *Исусов М.* Социалная демократия и народно-демократическая революция в Болгарии (1944—1948) // *Etudes balkaniques*. 1972. № 4; *Он же.* Политическите партии в България. 1944—1948. София. 1978; *Он же.* Революционният процес и политическата система на народна демокрация в България (1944—1948) // *Исторически преглед*. 1979. № 4—5; *Куков К.* Разгром на буржоазната опозиция. 1944—1947. София, 1966; История Румынии. 1918—1970; *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963; Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. М., 1974; *Țuțui G.* Înfrîngerea de către forțele revoluționare a acțiunelor antidemocratice și antiguvernamentale întreprinse de partidele politice reacționare și de monarhie (august 1945 — ianuarie 1946) // *Studii. Revista de istorie*. 1967. N 6; *Liveanu V.* Partidul Comunist Român și monarhia (1944—1947) // *Studii. Revista de istorie*. 1972. N 6; *Fătu M.* Sfîrșit fără glorie. Partidul național-țărănesc (Maniu) și Partidul național-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. București, 1972.

²² *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968; *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. III. 1945—1963. М., 1964; Международные отношения после второй мировой войны. Т. I. 1945—1949. М., 1962; История дипломатии. Т. IV. М., 1975; Т. V. Кн. I. М., 1974; История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. М., 1978; Т. 12. М., 1982.

²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2 т. М., 1976; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979; Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980; Советско-българские отношения и связи. Т. II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1981; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1983; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. 1944—1945 гг. М., 1984.

²⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. V. IV. Europe. Washington, 1966; 1945. V. II. General Politics and Economic Matters. Washington, 1967; V. IV. Europe. Washington, 1968; V. V. Europe. 1967; 1946. V. VI. Eastern Europe. The Soviet Union. Washington, 1969; 1947. V. IV. Eastern Europe. The Soviet Union. Washington, 1972.

Глава I

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 188.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 207—208.

³ Там же. С. 208.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II. М., 1946. С. 206—210.

⁵ Советско-английские отношения... Т. 2. С. 209.

⁶ Там же. С. 193.

⁷ См.: История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 462.

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 287—291.

⁹ Чубарьян А. Советский Союз и проблема послевоенного мирного урегулирования на Балканах // Балканите в международните отношения. 1944—1948. София, 1984. С. 4.

¹⁰ Наков А. Българо-съветските отношения. 1944—1948. София, 1978. С. 80.

¹¹ Scînteia. 1946. 12.IX; Frontul Plugarilor. 1946. 12.IX.

¹² См.: Пинтев Ст. Начална дейност на Съюза контролна комисия в България (октомври 1944 — януари 1945) // Исторически преглед. 1979. Кн. 4—5. С. 201.

¹³ Там же. С. 200—201.

¹⁴ FRUS. 1944. V. III. Washington, 1965. P. 483.

¹⁵ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. Пер. с рум. М., 1974. С. 56.

¹⁶ Paraschiva Nichita N. Despre regimul politic în România în perioada 23 august 1944 — 6 martie 1945 // Anale de istorie. 1974. N 6. P. 25.

¹⁷ FRUS. 1945. The Conference at Malta and Yalta. Washington, 1955. P. 248.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Scînteia. 1944. 26.IX.

²⁰ Румыния в годы народно-демократической революции... С. 100.

²¹ Там же. С. 103—104.

²² FRUS. 1944. V. IV. Washington, 1966. P. 143.

²³ Ibidem. P. 271.

²⁴ Ibidem. P. 279.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem. P. 280.

²⁷ Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2. София. 1978. С. 151.

²⁸ Работническо дело. 1944. 18.IX.

²⁹ FRUS. 1944. V. III. P. 495.

³⁰ Ibidem. 1945. V. IV. P. 191.

³¹ Ibidem. 1944. V. III. P. 499.

³² Исусов М. Революционният процес и политическата система на народна демокрация в България (1944—1948) // Исторически преглед. 1979. № 4—5. С. 89.

³³ Ганчовский Н. Г. Димитров: каким я его видел и запомнил. Пер. с болг. М., 1972. С. 23.

- ³⁴ История Болгарии. Т. II. М., 1955. С. 393.
- ³⁵ FRUS. 1944. V. III. P. 496—497.
- ³⁶ Советско-болгарские отношения и связи. Т. II. М., 1981. С. 84—85.
- ³⁷ Советско-английские отношения... Т. 2. С. 193, 452.
- ³⁸ FRUS. 1945. The Conference at Malta and Yalta. P. 249—250.
- ³⁹ Пинтев Ст. Указ. соч. С. 201.
- ⁴⁰ FRUS. 1945. V. IV. P. 163, 187.
- ⁴¹ Известия. 1945. 9.I.
- ⁴² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) Сб. документов. М., 1979. С. 205—206.
- ⁴³ Там же. С. 206—207.
- ⁴⁴ Гибианский Л. Я. Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны (январь—май 1945) // Etudes balkaniques. 1976. N 1. С. 44.
- ⁴⁵ Советский Союз на международных конференциях... Т. IV. С. 268.
- ⁴⁶ România liberă. 1945. 13.I.
- ⁴⁷ Scinteia. 1945. 23.I.
- ⁴⁸ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. С. 108.
- ⁴⁹ Scinteia. 1945. 28.I.
- ⁵⁰ Ibidem. 18.I.
- ⁵¹ История Румынии. 1918—1970. М., 1971. С. 456.
- ⁵² Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. С. 122.
- ⁵³ Там же. С. 123.
- ⁵⁴ Из хроники исторических дней. 1 мая 1944—6 марта 1945 г. Пер. с рум. Бухарест, 1974. С. 229.
- ⁵⁵ Liveanu V. Particularități ale strategiei politice a Partidului Comunist Român în revoluția populară. Revendicările imediate și obiectivul final // Studii. Revista de istorie. 1971. N 3. P. 596.
- ⁵⁶ FRUS. 1945. V. V. Washington, 1967. P. 466.
- ⁵⁷ Ibidem. P. 465—466.
- ⁵⁸ Ibidem. P. 471—472.
- ⁵⁹ Ibidem. P. 478—479.
- ⁶⁰ Ibidem. P. 479.
- ⁶¹ Ibidem. P. 473.
- ⁶² Ibidem. P. 474.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Ibidem. P. 482—492.
- ⁶⁵ Dezbateri: 6 martie 1945. Premise și semnificații // Studii. Revista de istorie. 1975. N 2. P. 187.
- ⁶⁶ Ibidem. P. 166.
- ⁶⁷ Scinteia. 1945. 28.I.
- ⁶⁸ Dezbateri... Studii. Revista de istorie. 1975. N 2. P. 126.
- ⁶⁹ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. С. 120.
- ⁷⁰ Там же. С. 119.
- ⁷¹ Fătu M. Sfârșit fără glorie. Partidul național-țărănesc (Maniu) și Partidul național-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. București, 1972. P. 217.
- ⁷² FRUS. 1945. V. V. P. 498.
- ⁷³ Scinteia. 1945. 19.II.

- ⁷⁴ The Daily Herald. 1945. 10.III.
- ⁷⁵ The New York Times. 1945. 4.III.
- ⁷⁶ Из хроники исторических дней... С. 247.
- ⁷⁷ Там же. С. 248.
- ⁷⁸ FRUS. 1945. V. V. P. 503.
- ⁷⁹ *Ceașescu N. România pe drumul construcției societății socialiste multilateral dezvoltate. București, 1970. P. 623—624.*
- ⁸⁰ Scînteia. 1945. 9.III.
- ⁸¹ Известия. 1945. 10.III.
- ⁸² Там же. 15.III.
- ⁸³ Scînteia. 1945. 13.V.
- ⁸⁴ Ibidem. 19.V.
- ⁸⁵ Timpul. 1945. 18.V.
- ⁸⁶ Scînteia. 1945. 4, 7.IV.
- ⁸⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 255—256.
- ⁸⁸ FRUS. 1945. V. V. P. 506.
- ⁸⁹ Ibidem. P. 512.
- ⁹⁰ Ibidem. P. 510.
- ⁹¹ Ibidem. P. 512—513.
- ⁹² Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 255.
- ⁹³ *Fătu M. Sfîrșit fără glorie...* P. 225.
- ⁹⁴ FRUS. 1945. V. V. P. 525.
- ⁹⁵ Ibidem. P. 538.
- ⁹⁶ Ibidem. P. 539.
- ⁹⁷ Ibidem. P. 534.
- ⁹⁸ *România liberă. 1945. 3.V.*
- ⁹⁹ FRUS. 1945. V. V. P. 539.
- ¹⁰⁰ Ibidem. P. 534.
- ¹⁰¹ Ibidem. P. 540.
- ¹⁰² Ibidem. P. 554.
- ¹⁰³ Ibidem.
- ¹⁰⁴ Ibidem. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. V. I. Washington, 1960. P. 402—403.
- ¹⁰⁵ Ibidem. V. IV. P. 167.
- ¹⁰⁶ См.: *Гибанский Л. Я.* Указ. соч. С. 56—57.
- ¹⁰⁷ Советско-английские отношения... Т. 2. С. 268.
- ¹⁰⁸ FRUS. 1945. V. IV. P. 167.
- ¹⁰⁹ Ibidem. P. 191.
- ¹¹⁰ Работническо дело. 1945. 26.II.
- ¹¹¹ FRUS. 1945. V. IV. P. 167.
- ¹¹² Ibidem. P. 174.
- ¹¹³ *Гибанский Л. Я.* Указ. соч. С. 54—55.
- ¹¹⁴ *Исусов М.* Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945) // Известия на Института по история на БКП. 1972. № 27. С. 129.
- ¹¹⁵ *Исусов М.* Социальная демократия и народно-демократическая революция в Болгарии (1944—1948) // *Études balkaniques.* 1972. № 7. P. 46—50.
- ¹¹⁶ Работническо дело. 1945. 13.III.
- ¹¹⁷ Земеделско знаме. 1945. 20.IV.
- ¹¹⁸ *Исусов М.* Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945). С. 137—139.
- ¹¹⁹ *Ганчовский Н.* Указ. соч. С. 50.
- ¹²⁰ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). V. II. Washington, 1960. P. 694—695.

- ¹²¹ *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. София, 1978. С. 97.
- ¹²² История Болгарии. Т. II. С. 364.
- ¹²³ Земеделско знаме. 1945. 8.VI.
- ¹²⁴ Изгрев. 1945. 8.VI.
- ¹²⁵ Работническо дело. 1945. 14.VII.
- ¹²⁶ *Божинов В.* Защитата на националната независимост на България. 1944—1947. София, 1962. С. 78.
- ¹²⁷ Работническо дело. 1945. I.VIII.
- ¹²⁸ *Исусов М.* Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945). С. 129.
- ¹²⁹ Работническо дело. 1945. 2.VIII.
- ¹³⁰ Там же. 25.VI. Небезынтересно отметить, что манифест был подписан и Н. Петковым.
- ¹³¹ Советско-болгарские отношения и связи. Т. II. С. 62.
- ¹³² *Наков А.* Указ. соч. С. 113.
- ¹³³ Советско-болгарские отношения и связи. Т. II. С. 75—76.
- ¹³⁴ Там же. С. 96.
- ¹³⁵ *Гибианский Л. Я.* Указ. соч. С. 57.
- ¹³⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. М., 1976. С. 411.
- ¹³⁷ Там же. Т. 2. С. 259.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же. С. 266—267.

Глава II

- ¹ См.: История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 634—641.
- ² *Churchill W.* The Second World War. V. 6. London, 1954. P. 456.
- ³ История дипломатии. Т. IV. С. 642.
- ⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 386.
- ⁵ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). V. I. Washington, 1960. P. 256.
- ⁶ *Трухановский В. Г., Капитанова Н. К.* Советско-английские отношения 1945—1978. М., 1979. С. 23.
- ⁷ *Мунтян М. А.* Борьба СССР за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972. С. 29.
- ⁸ *Гибианский Л. Я.* Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны (январь—май 1945) // *Études balkaniques*. 1976. N 1. P. 58—59.
- ⁹ FRUS. 1945. V. V. Washington, 1967. P. 854.
- ¹⁰ Ibidem. P. 860.
- ¹¹ *Гибианский Л. Я.* Указ. соч. С. 56.
- ¹² FRUS. 1945. The Conference of Berlin. V. I. P. 403.
- ¹³ Ibidem. P. 383.
- ¹⁴ *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968. С. 76.
- ¹⁵ История дипломатии. Т. IV. С. 642.
- ¹⁶ *Мунтян М. А.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷ История дипломатии. Т. V. Кн. I. М., 1974. С. 12.
- ¹⁸ См., например: *The Times*. 1945. 23. V; *The Christian Science Monitor*. 1945. 8.VI.
- ¹⁹ FRUS. 1945. The Conference of Berlin. V. I. P. 215.
- ²⁰ Ibidem. P. 216.
- ²¹ См.: Известия. 1945. 30.V.
- ²² Там же. 3.VI.

- ²³ Гибианский Л. Я. Указ. соч. С. 58—59.
- ²⁴ См.: Пинтев Ст. Болгария в английской политике от Московского перемирия до Потсдамской конференции // Международни отношения и външна политика на България след втората световна война. София, 1982. С. 16.
- ²⁵ FRUS. 1945. The Conference of Berlin. V. I. P. 361.
- ²⁶ Ibidem. P. 360.
- ²⁷ Ibidem. P. 360—361.
- ²⁸ Ibidem. P. 362.
- ²⁹ Пинтев Ст. Указ. соч. С. 16.
- ³⁰ Известия. 1945. 19.1.
- ³¹ Там же. 24.III.
- ³² The Times. 1945. I.VIII.
- ³³ The Tribune. 1945. 24.VIII.
- ³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 46.
- ³⁵ Там же. С. 185.
- ³⁶ Там же. С. 181.
- ³⁷ Там же. С. 46.
- ³⁸ Там же. С. 102.
- ³⁹ Там же. С. 176.
- ⁴⁰ Мунтян М. А. Дунайская проблема в международных отношениях. (1945—1948). Кишинев, 1977. С. 41—54.
- ⁴¹ Советский Союз на международных конференциях... Т. VI. С. 101.
- ⁴² Там же. С. 474.
- ⁴³ Там же. С. 459—460.
- ⁴⁴ Там же. С. 459.
- ⁴⁵ Там же. С. 479.
- ⁴⁶ Мунтян М. А. Борьба Советского Союза за прием в ООН... С. 41.
- ⁴⁷ История дипломатии. Т. IV. С. 643.
- ⁴⁸ Работническо дело. 1945. 8.VIII.
- ⁴⁹ Libertatea. 1945. 4.VIII.
- ⁵⁰ FRUS. 1945. V. IV. P. 310.
- ⁵¹ Р. М. 1945. 23.VIII.
- ⁵² Известия. 1945. 22.VIII.
- ⁵³ The Daily Worker. 1945. 21.VIII.
- ⁵⁴ FRUS. 1945. The Conference of Berlin. V. I. P. 383.
- ⁵⁵ Ibidem. V. V. P. 564.
- ⁵⁶ Ibidem. P. 566.
- ⁵⁷ Fătu M. Sfârșit fără glorie. Partidul național-țărănesc (Maniu) și Partidul național-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. București. 1972. P. 253—254.
- ⁵⁸ Ibidem. P. 254.
- ⁵⁹ Бонев В. О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии. Пер. с болг. М., 1973. С. 374.
- ⁶⁰ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. С. 153—154.
- ⁶¹ Țițu G. Înfrângerea de către forțele revoluționare a acțiunilor antidemocratice și antiguvernamentale întreprinse de partidele politice reacționare și de monarhie (august 1945 — ianuarie 1946) // Studii. Revista de istorie. 1967. N 6. P. 1100.

- ⁶² FRUS. 1945. V. V. P. 562.
- ⁶³ Libertatea. 1945. 14.VIII.
- ⁶⁴ FRUS. 1945. V. V. P. 563.
- ⁶⁵ Земеделско знаме. 1945. 29.VII.
- ⁶⁶ FRUS. 1945. V. V. P. 567.
- ⁶⁷ Ibidem.
- ⁶⁸ См.: *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН...
- С. 47.
- ⁶⁹ FRUS. 1945. V. V. P. 579.
- ⁷⁰ *Tuțui G.* Op. cit. P. 1101—1102.
- ⁷¹ FRUS. 1945. V. V. P. 578.
- ⁷² Ibidem. P. 583—584.
- ⁷³ Ibidem. P. 584.
- ⁷⁴ Ibidem. P. 580.
- ⁷⁵ Ibidem. P. 583.
- ⁷⁶ *Мунтян М. А.* Указ. соч. С. 47.
- ⁷⁷ Работническо дело. 1945. 11.VIII.
- ⁷⁸ FRUS. 1945. V. IV. P. 274.
- ⁷⁹ Работническо дело. 1945. 16.VIII.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² История Болгарии. Т. II. М., 1955. С. 403.
- ⁸³ Земеделско знаме. 1945. 15.IX.
- ⁸⁴ FRUS. 1945. V. IV. P. 294.
- ⁸⁵ Работническо дело. 1945. 29.VIII.
- ⁸⁶ См.: *Божиков В.* Защитата на националната независимост на България. 1944—1947. София, 1962. С. 81.
- ⁸⁷ FRUS. 1945. V. IV. P. 305.
- ⁸⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947. С. 351.
- ⁸⁹ Советско-болгарские отношения и связи. Т. II. М., 1981. С. 112.
- ⁹⁰ Scînteia. 1945. 8.VIII.
- ⁹¹ Timpul. 1945. 7.VIII.
- ⁹² Работническо дело. 1945. 16.VIII.
- ⁹³ *Наков А.* Българо-съветските отношения. 1944—1948. София, 1978. С. 146.
- ⁹⁴ FRUS. 1945. V. V. P. 590—591.
- ⁹⁵ Ibidem.
- ⁹⁶ România liberă. 1945. 25.VIII.
- ⁹⁷ Frontul plugarilor. 1945. 25.VIII.
- ⁹⁸ *Черепанов А. И.* Бурные годы в Болгарии (1944—1947) Новая и новейшая история. 1976. № 5. С. 115.
- ⁹⁹ Работническо дело. 1945. 27.VIII.
- ¹⁰⁰ Там же. 25.VIII.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Отечествен фронт. 1945. 29.VIII.
- ¹⁰³ Работническо дело. 1945. 27.VIII.
- ¹⁰⁴ См.: *Исусов М.* Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945) // Известия на Института по история на БКП. 1972. № 27. С. 141—142.
- ¹⁰⁵ Отечествен фронт. 1945. 5.X.
- ¹⁰⁶ Scînteia. 1945. 22.VIII.
- ¹⁰⁷ *Groza P.* Articole, cuvîntări, interviuri. Texte alese. București, 1973. P. 274.
- ¹⁰⁸ Известия. 1945. 8.IX.
- ¹⁰⁹ FRUS. 1945. V. V. P. 589.
- ¹¹⁰ Ibidem. P. 538.

- 111 Ibidem. P. 581.
- 112 Ibidem. P. 603.
- 113 Работническо дело. 1945. 25.X; История Болгарии. Т. II. С. 405.
- 114 FRUS. 1945. V. IV. P. 327—328.
- 115 Ibidem. V. II. Washington. 1967. P. 263, 266.
- 116 Ibidem.
- 117 История дипломатии. Т. V. Кн. I. С. 31.
- 118 Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. Документы и материалы. М., 1949. С. 64—65.
- 119 *Byrnes J. Speaking Frankly*. New York, 1947. P. 105.
- 120 *Dalles J. F. War or Peace*. New York, 1957. P. 127.
- 121 Dreptatea nouă. 1945. 3.XI.
- 122 Ibidem.
- 123 FRUS. 1945. V. V. P. 620—621.
- 124 Ibidem. P. 622.
- 125 *Fătu M. Op. cit.* P. 271—272.
- 126 Ibidem. P. 272.
- 127 The New York Times. 1945. 2.XI.
- 128 *Fătu M. Op. cit.* P. 272.
- 129 FRUS. 1945. V. V. P. 625—626.
- 130 Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. С. 162—164.
- 131 *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи. Пер. с рум. Бухарест, 1952. С. 32.
- 132 Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. С. 33—34.
- 133 Там же. С. 34.
- 134 *Tuși G. Op. cit.* P. 1107.
- 135 *Исусов М.* Указ. соч. С. 161.
- 136 Свободен народ. 1945. 16.IX.
- 137 Народно земеделско знаме. 1945. 26.IX.
- 138 Знаме. 1945. 24.IX.
- 139 Работническо дело. 1945. 6.X.
- 140 Отечествен фронт. 1945. I.XI.
- 141 FRUS. 1945. V. V. P. 625—626.
- 142 Известия. 1945. 28.X.
- 143 Народно земеделско знаме. 1945. 3.XI.
- 144 Работническо дело. 1945. 17.X.
- 145 *Димитров Г.* Избр. произв.: В 2 т. Т. II. М., 1957. С. 66.
- 146 *Димитров Г.* Избр. произв.: В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 39—40.
- 147 Отечествен фронт. 1945. 18.X.
- 148 *Наков А.* Указ. соч. С. 184.
- 149 FRUS. 1945. V. V. P. 643—644.
- 150 Ibidem. P. 643.
- 151 Ibidem. P. 642.
- 152 The New Statesman and Nation. 1945. 23.XI.
- 153 P. M. 1945. 22.IX.
- 154 The Reynolds News. 1945. 26.XI.
- 155 FRUS. 1945. V. V. P. 488—489.
- 156 *Мунтян М. А.* Указ. соч. С. 50.
- 157 FRUS. 1945. V. V. P. 630.
- 158 Ibidem. V. IV. P. 364, 377—378.
- 159 Ibidem. V. V. P. 632.
- 160 Ibidem. V. IV. P. 376; Работническо дело. 1945. 20.XI.
- 161 История Болгарии. Т. II. С. 406.
- 162 *Димитров Г.* Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 88—89.

- ¹⁶³ *Black C. E.* The Start of the Cold War in Bulgaria. A Personal View // The Review of Politics. V. 41. N 2. April 1979. P. 187—188.
- ¹⁶⁴ *România liberă.* 1945. 15.XII.
- ¹⁶⁵ FRUS. 1945. V. II. P. 702.
- ¹⁶⁶ Ibidem. P. 700—701.
- ¹⁶⁷ Ibidem. P. 759.
- ¹⁶⁸ *Жигня К. Л.* Борьба по вопросу о дипломатическом признании правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования // Известия АН МССР. 1976. № 1. С. 46.
- ¹⁶⁹ См.: *Ганчовский Н. Г.* Димитров: каким я его видел и запомнил. Пер. с болг. Кн. 1. М., 1972. С. 37—38.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 38.
- ¹⁷¹ Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. С. 162—163.
- ¹⁷² Там же. С. 163.
- ¹⁷³ Отечествен фронт. 1945. 29.XII.
- ¹⁷⁴ Работническо дело. 1945. 30.XII.
- ¹⁷⁵ Frontul plugarilor. 1945. 29.XII.
- ¹⁷⁶ Работническо дело. 1945. 30.XII.
- ¹⁷⁷ The New York Post. 1945. 29.XII.
- ¹⁷⁸ The Star. 1945. 28.XII.
- ¹⁷⁹ P. M. 1945. 27.XII.

Глава III

- ¹ *Graebner N. A.* Cold War Diplomacy. American Foreign Policy 1945—1960. Toronto, New York, London, 1962. P. 27—28.
- ² The American Diplomatic Revolution. A Documentary History of the Cold War 1941—1947. London, Washington, 1977. P. 198.
- ³ *Cochran B. H.* Truman and the Crisis Presidency. New York, 1973. P. 178.
- ⁴ The Memoirs of H. Truman V. I. Year of Decision. New York, 1955. P. 606.
- ⁵ *Lukacs J.* 1945: Year Zero. New York, 1978. P. 167.
- ⁶ Keesing's Contemporary Archives. V. VI. 1946—1948. London, 1948. P. 7826.
- ⁷ Department of State Bulletin. V. XIV. N 354. April. 14. 1946. P. 622.
- ⁸ *Wheeler-Bennet J. and Nickols A.* The Semblance of Peace. The Political Settlement after the Second World War. London, 1972. P. 426.
- ⁹ Department of State Bulletin. V. XIV. N 351. March. 24. 1946. P. 482—483.
- ¹⁰ *Byrnes J.* Speaking Frankly. New York, 1947. P. 255.
- ¹¹ *Kennan J. F.* The Memoirs 1925—1950. Boston, Toronto, 1967. P. 290.
- ¹² Ibidem. P. 284.
- ¹³ Ibidem. P. 559.
- ¹⁴ *Грайнер Б., Штайнгаус К.* На пути к 3-й мировой войне? Пер. с нем. М., 1982. С. 30.
- ¹⁵ *Kennan G.* Op. cit. P. 294—295.
- ¹⁶ *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War 1933—1947. Chicago, London, 1980. P. 175.
- ¹⁷ *Gaddis J. L.* The United States and the Origins of the Cold War. 1941—1947. New York, 1972. P. 284.
- ¹⁸ The New York Times. 1946. 6.III.
- ¹⁹ *Дзелени Э.* Секрет Черчилля (К третьей мировой войне — 1945 г.). Пер. с фр. М., 1957. С. 243.

- ²⁰ Трухановский В. Г., Капитонова Н. К. Советско-английские отношения 1945—1948. М., 1979. С. 31.
- ²¹ *Sulzberger S. L. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries. (1934—1954).* Toronto, 1969. P. 292.
- ²² *Fătu M. Sfirșit fără glorie. Partidul național-țărănesc (Maniu) și Partidul național-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947.* București, 1972. P. 295—296.
- ²³ *Scînteia.* 1946. 10.I.
- ²⁴ FRUS. 1946. V. VI. P. 582.
- ²⁵ *Momentul.* 1946. II.I.
- ²⁶ FRUS. 1945. V. VI. P. 560.
- ²⁷ См.: *De Santis H.* Op. cit. P. 281.
- ²⁸ FRUS. 1946. V. VI. P. 556—557.
- ²⁹ *Ibidem.* P. 565—568.
- ³⁰ *Ibidem.* P. 564.
- ³¹ *Ibidem.* P. 557.
- ³² *Scînteia.* 1946. 5.I.
- ³³ См.: *Языкова А. А.* США и Румыния в первые послевоенные годы // *Американский ежегодник 1980.* М., 1981. С. 23.
- ³⁴ *România liberă.* 1946. 5.I.
- ³⁵ *Scînteia.* 1946. 10.I.
- ³⁶ *Ibidem.*
- ³⁷ *Ibidem.*
- ³⁸ *Ibidem.* 7.II.
- ³⁹ Румыния в годы народно-демократической революции (1944—1947). Пер. с рум. яз. М., 1974. С. 180.
- ⁴⁰ *Fătu M.* Op. cit. P. 284.
- ⁴¹ *Ibidem.* P. 309.
- ⁴² FRUS. 1946. V. VI. P. 571.
- ⁴³ *Liberalul.* 1946. 3.III.
- ⁴⁴ *Dreptatea.* 1946. 4.II.
- ⁴⁵ *Liberalul.* 1946. 11.III; *Dreptatea.* 1946. 22.III.
- ⁴⁶ FRUS. 1946. V. VI. P. 584.
- ⁴⁷ *Ibidem.* P. 585.
- ⁴⁸ *Ibidem.* P. 591—592.
- ⁴⁹ *Ibidem.* P. 591.
- ⁵⁰ *Scînteia.* 1946. 7.VI.
- ⁵¹ *Ibidem.*
- ⁵² *Libertatea.* 1946. 8.VI; *Poporul.* 1946. 8.VI.
- ⁵³ *Poporul.* 1946. 8.VII.
- ⁵⁴ Румыния в годы народно-демократической революции... С. 191.
- ⁵⁵ *Scînteia.* 1946. 20.V.
- ⁵⁶ *Ibidem.* 31.V.
- ⁵⁷ *Петрик А., Цуцуй Г.* Установление и укрепление народно-демократического строя в Румынии. Перевод с рум. яз. Бухарест, 1964. С. 101.
- ⁵⁸ *Мунтян М. А.* Советско-румынские отношения и борьба против попыток вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии (6 марта 1945 г.—1950 г.) // *Русско-румынские и советско-румынские отношения.* Кишинев, 1969. С. 149.
- ⁵⁹ Румыния в годы народно-демократической революции... С. 320—321.
- ⁶⁰ *România liberă.* 1946. 5.VII.
- ⁶¹ *Libertatea.* 1946. 8.VI.
- ⁶² *Fătu M.* Op. cit. P. 307—308.
- ⁶³ FRUS. 1946. V. VI. P. 611.
- ⁶⁴ *Ibidem.*

- 65 Ibidem. P. 612.
- 66 Ibidem. P. 616.
- 67 Ibidem. P. 612.
- 68 Ibidem. P. 618.
- 69 Ibidem.
- 70 Scînteia. 1946. 6.VI.
- 71 România liberă. 1946. 8.VI.
- 72 Scînteia. 1946. 12.VI.
- 73 Отечествен фронт. 1945. 30.XII.
- 74 FRUS. 1946. V. VI. P. 46—47.
- 75 Народно-зеделско знаме. 1945. 30.XII.
- 76 Свободен народ. 1945. 30.XII.
- 77 Народно зеделско знаме. 1946. 10.I.
- 78 Работническо дело. 1946. 5.I. *
- 79 См.: *Исусов М.* Политическите партии в България 1944—1948. София, 1978. С. 242.
- 80 Там же. С. 242—243.
- 81 Работническо дело. 1946. 8.I.
- 82 Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М., 1952. С. 83—84.
- 83 Советско-болгарские отношения 1944—1948. Документы и материалы. М., 1969. С. 211—212.
- 84 *Исусов М.* Указ. соч. С. 246.
- 85 Известия. 1946. 13.I.
- 86 Свободен народ. 1946. 31.I.; Знаме. 1946. 19.I.
- 87 Работническо дело. 1946. 26.I.
- 88 FRUS. 1946. V. VI. P. 46—47.
- 89 См.: *Божинков В.* Защитата на националната независимост на България. 1944—1947. София, 1962. С. 112.
- 90 FRUS. 1946. V. VI. P. 49.
- 91 Работническо дело. 1946. 26.I.
- 92 Отечествен фронт. 1946. 25.I.
- 93 *Исусов М.* Указ. соч. С. 249.
- 94 Там же. С. 257.
- 95 FRUS. 1946. V. VI. P. 55—56.
- 96 Ibidem. P. 57.
- 97 Ibidem. 53—54.
- 98 Ibidem. P. 59.
- 99 Ibidem. P. 66.
- 100 Ibidem. P. 67—68.
- 101 Ibidem. P. 76.
- 102 Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. С. 105—106.
- 103 FRUS. 1946. V. VI. P. 78.
- 104 Работническо дело. 1946. 16.III.
- 105 Народно зеделско знаме. 1946. 5.III.
- 106 Отечествен фронт. 1946. 10.III.
- 107 Там же. 7.III.
- 108 Внешняя политика Советского Союза, 1946 год. С. 106—107.
- 109 Department of State Bulletin. V. XIV. N 351. March 24. 1946.
- P. 468.
- 110 Chicago Sun. 1945. 21.XI.
- 111 FRUS. 1946. V. VI. P. 86.
- 112 Ibidem.
- 113 Ibidem.
- 114 Ibidem. P. 87.
- 115 Народно зеделско знаме. 1946. 22.III.
- 116 *Димитров Г.* Избр. произв.: в 2 т. Т. II. М., 1957. С. 181.

- 117 Работническо дело. 1946. 29.III.
- 118 FRUS. 1946. V. VI. P. 88.
- 119 Ibidem. P. 91.
- 120 Работническо дело. 1946. 29.III.
- 121 FRUS. 1946. V. VI. P. 92—94; Исусов М. Указ. соч. С. 264.
- 122 Отечествен фронт. 1946. 31.III.
- 123 Димитров Г. Указ. соч. Т. II. С. 184.
- 124 Manchester Guardian. 1946. 4.IV.
- 125 См.: Ганчовский Н. Г. Димитров: каким я его видел и запомнил. Кн. 2. М., 1972. С. 108—111.
- 126 Известия. 1946. 5.V.
- 127 FRUS. 1946. V. VI. P. 101.
- 128 Ibidem.
- 129 См.: Жигня К. Л. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. Кишинев. 1981. С. 93—94.
- 130 Димитров Г. Указ. соч. Т. II. С. 203.
- 131 FRUS. 1946. V. VI. P. 106—107.
- 132 Ibidem. P. 108—109.
- 133 Ibidem. P. 128.
- 134 Ibidem. P. 127.

Глава IV

- 1 См.: Жигня К. Л. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. Кишинев, 1981. С. 89.
- 2 Graebner N. A. Cold War Diplomacy. American Foreign Policy 1945—1960. New York, 1962. P. 32.
- 3 Scinteia. 1946. 22.VIII.
- 4 См.: Жигня К. Л. Указ. соч. С. 91—93.
- 5 The Times. 1946. 10.V.
- 6 См.: Жигня К. Л. Указ. соч. С. 98.
- 7 Мунтян М. А. Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948). Кишинев. 1977. С. 43.
- 8 Жигня К. Л. Указ. соч. С. 91, 101.
- 9 Мунтян М. А. Указ. соч. С. 116.
- 10 См.: Мунтян М. А. Подготовка мирного договора с Румынией и позиция советской дипломатии // Прошлое и настоящее. М., 1967. С. 95.
- 11 См.: Жигня К. Л. Указ. соч. С. 156.
- 12 Там же. С. 147—148.
- 13 Правда. 1946. 27.VIII.
- 14 Советские делегации на Парижской конференции. Сб. выступлений и докладов. М., 1947. С. 230.
- 15 История внешней политики СССР. Т. II. 1945—1975. М., 1977. С. 36.
- 16 FRUS. 1946. V. VI. P. 136—137.
- 17 Ibidem. P. 632.
- 18 Ibidem. P. 138—139.
- 19 Ibidem. P. 139.
- 20 Ibidem. P. 140.
- 21 Ibidem. P. 139—140.
- 22 Работническо дело. 1946. 13.IX.
- 23 Там же. 18.IX.

- 24 Manchester Guardian. 1946. 10.IX.
- 25 История Болгарии. Т. II. М., 1955. С. 420.
- 26 Знаме. 1946. 14.IX.
- 27 Народно земеделско знаме. 1946. 14.IX.
- 28 Там же.
- 29 FRUS. 1946. V. VI. P. 147—148.
- 30 Ibidem. P. 149.
- 31 Ibidem. P. 143.
- 32 Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 246—247.
- 33 Там же. С. 248.
- 34 Работническо дело. 1946. 25.X.
- 35 Советско-болгарские отношения 1944—1948. С. 249.
- 36 Там же. С. 250—251.
- 37 Исусов М. Указ. соч. С. 310.
- 38 FRUS. 1946. V. VI. P. 156.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibidem. P. 161.
- 41 История Болгарии. Т. II. С. 421; Исусов М. Указ. соч. С. 313.
- 42 The Observer. 1946. 27.X.
- 43 Исусов М. Указ. соч. С. 314.
- 44 История Болгарии. Т. II. С. 421—423.
- 45 Димитров Г. Избр. произв.: В 2 т. Т. II. М., 1957. С. 308.
- 46 FRUS. 1946. V. VI. P. 633.
- 47 Ibidem. P. 623.
- 48 Fătu M. Sfîrșit fără glorie... P. 334.
- 49 The New York Times. 1946. 18.X.
- 50 The Daily Telegraph and Morning Post. 1946. 11.X.
- 51 The Christian Science Monitor. 1946. 21.X.
- 52 The Daily Telegraph and Morning Post. 1946. 11.XI.
- 53 См.: Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 376.
- 54 Scînteia. 1946. 27.IX.
- 55 The Reinolds New. 1946. 13.X.
- 56 FRUS. 1946. V. VI. P. 622.
- 57 Ibidem. P. 635—637.
- 58 Ibidem. P. 639.
- 59 Ibidem. P. 641.
- 60 Ibidem. P. 646—647; Scînteia. 1946. 5.XI.
- 61 Adevărul. 1946. 28.IX.
- 62 Department of State Bulletin. 1946. V. XV. November 24.
- 63 FRUS. 1946. V. VI. P. 643.
- 64 Ibidem. P. 650.
- 65 Ibidem. P. 651.
- 66 Ibidem. P. 652.
- 67 См.: Сазина М. Г. Указ. соч. С. 377.
- 68 Fătu M. Un vot decisiv (noembrie 46). București, 1972. P. 196—

197.

- 69 Румыния в годы народно-демократической революции. С. 229.
- 70 Fătu M. Sfîrșit fără glorie. P. 364.
- 71 România liberă. 1946. 20.XI.
- 72 Scînteia. 1946. 22.XI.
- 73 The New Statesman and Nation. 1946. 29.XI.
- 74 Scînteia. 1946. 28.XI.
- 75 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Бухарест, 1952. С. 107.
- 76 Dreptatea. 1946. 5.XII.
- 77 Luberalul. 1946. 17.XII.

- ⁷⁸ Dreptatea. 1946. 23.XI.
- ⁷⁹ România liberă. 1946. 12.XII.
- ⁸⁰ Dreptatea. 1946. 18.XII.
- ⁸¹ *Fătu M.* Op. cit. P. 370—371.
- ⁸² FRUS. 1946. V. VI. P. 655—657.
- ⁸³ Ibidem. P. 657.
- ⁸⁴ Ibidem. P. 657—658.
- ⁸⁵ Ibidem. P. 668.
- ⁸⁶ Ibidem. P. 667—668.
- ⁸⁷ Ibidem. P. 654.
- ⁸⁸ Ibidem. P. 658.
- ⁸⁹ Ibidem. P. 666.
- ⁹⁰ Ibidem. P. 666.
- ⁹¹ Scinteia. 1946. 4.XII.

Глава V

- ¹ См.: *Жигня К. Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. Кишинев, 1981. С. 188—198.
- ² См.: *Мунтян М. А.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948). Кишинев, 1977. С. 164—166.
- ³ FRUS. 1946. V. VI. P. 152.
- ⁴ Ibidem. P. 160.
- ⁵ Ibidem. P. 171.
- ⁶ Ibidem. 1947. V. IV. Washington. 1972. P. 137.
- ⁷ См.: *Жигня К. Л.* Указ. соч. С. 192.
- ⁸ FRUS. 1947. V. IV. P. 144—145.
- ⁹ Ibidem. P. 140—142.
- ¹⁰ Ibidem. P. 141.
- ¹¹ Ibidem. P. 144.
- ¹² Ibidem. P. 474.
- ¹³ См.: *Божинев В.* Защитата на националната независимост на България 1944—1947. София, 1962. С. 218.
- ¹⁴ The Times. 1947. 13.III.
- ¹⁵ FRUS. 1947. V. IV. P. 142—143.
- ¹⁶ Department of State Bulletin. June. 22. 1947. P. 1214.
- ¹⁷ См.: *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики РНР. 1948—1955. Кишинев, 1971. С. 41.
- ¹⁸ Работническо дело. 1946. 27.IX.
- ¹⁹ *Божинев В.* Указ. соч. С. 220.
- ²⁰ Scinteia. 1947. I.II.
- ²¹ Ново време. 1948. № 3. С. 224.
- ²² Department of State Bulletin. January 19. 1947. P. 124.
- ²³ Ibidem. March 23. 1947. P. 536.
- ²⁴ Memoirs by H. Truman. V. II. The Years of Trial and Hope. New York. 1956. P. 108.
- ²⁵ История внешней политики СССР, т. II. 1945—1975. М., 1976. С. 133.
- ²⁶ *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968. С. 13.
- ²⁷ *Недева И.* Балканские социалистические страны во внешнеполитической стратегии США от «освобождения» к «наведению мостов» // Etudes balkaniques. 1980, N 3. P. 25.
- ²⁸ Внешняя политика Советского Союза. 1947 г., ч. II. М., 1952. С. 319, 321.
- ²⁹ См.: Правда. 1947. 15.III.

- 30 См.: История дипломатии. Т. V. Кн. I. М., 1974. С. 250.
- 31 См.: Правда. 1947. 15.III.
- 32 Димитров Г. Избр. произв. Т. II. М., 1957. С. 448.
- 33 Орлик И. И. Указ. соч. С. 88.
- 34 FRUS. 1947. V. IV. P. 483.
- 35 Ibidem. P. 193.
- 36 Fătu M. Sfirșit fără glorie. P. 337—351.
- 37 Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 373.
- 38 Fătu M. Op. cit. P. 371.
- 39 Ганчовский Н. Г. Димитров: каким я его видел и запомнил. Кн. I. М., 1979. С. 254.
- 40 Там же. С. 255.
- 41 См.: История Болгарии. Т. II. С. 422.
- 42 Ганчовский Н. Указ. соч. Кн. I. С. 302.
- 43 Димитров Г. Указ. соч. Т. II. С. 356.
- 44 История Болгарии. Т. II. С. 430.
- 45 Ганчовский Н. Указ. соч. Кн. I. С. 326.
- 46 Там же.
- 47 Работническо дело. 1947. 18.III.
- 48 Божинов В. Указ. соч. С. 243.
- 49 Там же. С. 373.
- 50 См.: Fătu M. Op. cit. P. 386.
- 51 Ibidem. P. 386—387.
- 52 FRUS. 1947. V. IV. P. 478—479.
- 53 Fătu M. Op. cit. P. 384—385.
- 54 Poporul. 1947. 13.III.
- 55 FRUS. 1947. V. IV. P. 480.
- 56 Dreptatea. 1947. 20.IV.
- 57 FRUS. 1947. V. IV. P. 474; См. также: Языкова А. А. США и Румыния в первые послевоенные годы (о некоторых аспектах американской политики 40-х годов) // Американский ежегодник. 1980. М., 1981. С. 27.
- 58 FRUS. 1947. V. IV. P. 479.
- 59 Ibidem. P. 481.
- 60 Ibidem.
- 61 Fătu M. Op. cit. P. 392.
- 62 Ibidem. P. 380.
- 63 См.: Мунтян М. А. Очерк внешней политики РНР 1948—1955. Кишинев, 1971. С. 99.
- 64 История Болгарии. Т. II. С. 432.
- 65 Сазина М. Г. Указ. соч. С. 372; Scinteia. 1947. 17.XI.
- 66 Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Пер. с рум. М., 1974. С. 280.
- 67 См., напр.: Department of State Bulletin. June 22. 1947. P. 1218.
- 68 FRUS. 1947. V. IV. P. 173, 178—179.
- 69 Танев С. Помощта на съветското военно командване за политическото укрепване на народно-демократичната власт в България (септември 1944—1947) // Военно-исторически сборник. 1971. № 4. С. 78.
- 70 FRUS. 1947. V. IV. P. 163.
- 71 Ibidem. P. 163, 171.
- 72 Ibidem. P. 166.
- 73 Ibidem. P. 509.
- 74 Ibidem. P. 144.
- 75 Ibidem. P. 180.

- ⁷⁶ Ibidem. P. 173, 185, 492, 493; Department of State Bulletin. September 14. 1947. P. 531—533.
- ⁷⁷ FRUS. 1947. V. IV. P. 161.
- ⁷⁸ См.: *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972. С. 66.
- ⁷⁹ Советско-болгарские отношения 1944—1948. Документы и материалы. М., 1969. С. 339.
- ⁸⁰ *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН... С. 68.
- ⁸¹ FRUS. 1947. V. IV. P. 492.
- ⁸² Външна политика на Народна Република България. Сб. от документи и материали. Т. I. 1944—1962. София, 1970. С. 138.
- ⁸³ Scînteia. 1947. 15.XI.
- ⁸⁴ Работническо дело. 1947. 30.IX.
- ⁸⁵ Там же. 4.X.
- ⁸⁶ Scînteia. 1947. 15.IX.
- ⁸⁷ Chicago Daily News. 1947. 10.VII.
- ⁸⁸ См.: *Божинев В.* Указ. соч. С. 231—232.
- ⁸⁹ Външна политика на Народна Република България. Т. I. 1944—1962. С. 95.
- ⁹⁰ *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН... С. 67.
- ⁹¹ FRUS. 1947. V. IV. P. 5.
- ⁹² Ibidem.
- ⁹³ Ibidem. P. 9.
- ⁹⁴ *Тодорова Р.* Външна политика на България (февр. 1947 — януар 1949). — В: Международни отношения и външна политика на България след втората световна война. Сб. от студии и статии. София, 1982. С. 49.
- ⁹⁵ FRUS. 1947. V. IV. P. 33.
- ⁹⁶ Ibidem. P. 50.
- ⁹⁷ Външна политика на Народна Република България. Сб. от документи и материали. Т. I. С. 141.
- ⁹⁸ FRUS. 1947. V. IV. P. 50.
- ⁹⁹ Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг. Док. и мат. М., 1969. С. 406.
- ¹⁰⁰ См.: *Мунтян М. А.* Советско-румынские отношения и борьба против попыток вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии (6 марта 1945—1950 гг.) // Русско-румынские и советско-румынские отношения. 1969. С. 159.
- ¹⁰¹ Там же. С. 161, 164.
- ¹⁰² Внешняя политика Советского Союза. 1949 г. М., 1953. С. 108—111.
- ¹⁰³ *Димитров Г.* Указ. соч. Т. II. С. 404.
- ¹⁰⁴ История Болгарии. Т. II. С. 441.
- ¹⁰⁵ Советско-болгарские отношения и связи. Т. II. 1944—1958. Документы и материалы. М., 1981. С. 208.
- ¹⁰⁶ См.: История Болгарии. Т. II. С. 444.
- ¹⁰⁷ Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Пер. с рум. яз. М., 1974. С. 240—242.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 242—243.
- ¹⁰⁹ История Румынии. 1918—1970. М., 1971. С. 503—505.
- ¹¹⁰ История Болгарии. Т. II. С. 431.
- ¹¹¹ Народно земеделско знаме. 1947. 22.II.
- ¹¹² Свободен народ. 1947. 22.II.
- ¹¹³ См.: *Исусов М.* Политическите партии в България. С. 358.
- ¹¹⁴ Dreptatea. 1947. 15.I.

- 115 Ibidem. II.VI.
- 116 *Fătu M.* Sfârșit fără glorie. P. 374.
- 117 Ibidem. P. 377.
- 118 Ibidem. P. 390—391.
- 119 *Scînteia*. 1947. 8.II.
- 120 FRUS. 1947. V. IV. P. 146—147.
- 121 Ibidem. P. 147.
- 122 Ibidem. P. 147.
- 123 Ibidem.
- 124 Ibidem. P. 483.
- 125 Ibidem. P. 484.
- 126 *Alexandrescu I.* Concepția și activitatea PCR și a guvernului democrat privind relațiile economice externe ale României 1945—1948 // *Anale de istorie*. 1972. N 6. P. 100, 103.
- 127 См.: *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 416.
- 128 *România liberă*. 1947. 28.I.
- 129 *The Times*. 1947. 23.VI.
- 130 *Сазина М. Г.* Указ. соч. С. 416.
- 131 *Dreptatea*. 1947. 12.III.
- 132 *Jurnal de dimineața*. 1947. 18.III.
- 133 *Liberalul*. 1947. 22.II.
- 134 *Scînteia*. 1947. 29.VI.
- 135 Ibidem.
- 136 *The Daily Worker*. 1947. I.III.
- 137 Department of State Bulletin. June 15. 1947. P. 1159—1160.
- 138 FRUS. 1947. V. III. P. 219.
- 139 *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа. С. 102.
- 140 FRUS. 1947. V. III. P. 217.
- 141 Ibidem.
- 142 Ibidem. P. 268.
- 143 Ibidem. P. 228.
- 144 *Шапиро А. И.* Экономическая экспансия монополистического капитала США и Западной Европы после второй мировой войны. М., 1956. С. 112.
- 145 История дипломатии. Т. V. Кн. I. С. 255.
- 146 Внешняя политика Советского Союза. 1947. Ч. II. М., 1952. С. 122.
- 147 *Liberalul*. 1947. 23.VI.
- 148 *Dreptatea*. 1947. 4.VII.
- 149 *Poporul*. 1946. 30.VIII.
- 150 *Scînteia*. 1947. II.VII.
- 151 *Отечествен фронт*. 1947. 10.VII.
- 152 *Scînteia*. 1947. 10.VII.
- 153 *Работническо дело*. 1947. 9.VIII.
- 154 *Орлик И. И.* Указ. соч. С. 106.
- 155 *Тодорова Р.* Указ. соч. // *Международни отношения и външна политика на България след втората световна война*. С. 50—51.
- 156 Там же. С. 50.
- 157 Там же.
- 158 *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынии. С. 92.
- 159 Там же. С. 88—89.
- 160 *Румыния в годы народно-демократической революции...* С. 267.
- 161 *Ганчовский Н.* Указ. соч. Кн. I. С. 309.
- 162 *Мельников Ю. М.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1970. С. 14.

Заключение

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 11.

² *Наков А.* Българо-съветски отношения 1944—1948. София. 1978. С. 187.

³ Советско-болгарские отношения и связи 1944—1958. С. 225.

⁴ История Румынии. 1918—1970. С. 478.

⁵ *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 128.

⁶ Там же. С. 330.

⁷ *Димитров Г.* Избр. произв. Т. II. М., 1957. С. 516.

⁸ *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи. Бухарест, 1952. С. 117.

⁹ История дипломатии. Т. V. Кн. I. С. 133.

¹⁰ *Мунтян М. А.* Борьба СССР и придунайских народно-демократических государств за справедливый судоходный режим Дуная после второй мировой войны // На путях нерушимой дружбы. М., 1974. С. 289.

¹¹ *Мещеряков В., Поклад Б., Шевченко Э.* СЭВ: принципы, проблемы, перспективы. М., 1975. С. 9—10.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александреску А. 30, 33, 101
Александреску И. 188, 204
Ангелова Д. 186
Антонеску И. 102, 104
Ачесон Д. 143, 161

Барнс М. 17, 23—26, 41—45, 51,
59, 60, 65, 68, 72, 74, 106,
109—111, 113—116, 119, 120,
127—132, 134, 137, 147, 149,
150, 161, 166, 172, 173, 182

Бевин Э. 55, 59, 66, 90, 93, 118,
119, 123, 167, 175, 176

Белоречка Д. 187

Беннет А. 150, 161

Берри Б. 17, 21, 31—33, 36, 38,
39, 74, 79, 94—96, 100, 104,
137—139, 142—144, 159, 160

Бирнс Дж. 59, 60, 62, 64, 66, 69,
73, 74, 77, 80, 82, 85, 89, 90,
91, 96, 110, 111, 114, 116,
118, 121—123, 127—129, 132,
147, 149, 195, 196

Бирюзов С. С. 15, 16, 67, 68, 110,
132, 133

Блэк С. Е. 196

Божинов В. 187, 192, 194, 198,
201—203

Болен Ч. 161

Бонев В. 193

Брэттиану Д. 18, 31, 34, 39, 40,
61—64, 73, 75, 97, 98, 100

Брэттиану К. 75, 96

Бэлтиану Б. 187

Ванденберг А. 89, 122

Велчев Д. 24

Виноградов В. И. 32

Вишояну К. 63, 160

Волков В. К. 187

Вышинский А. Я. 33, 35, 37, 86,
95, 97, 108, 109, 111

Галифакс Э. 55

Гамильтон Дж. 161

Ганчовский Н. 158, 189, 191, 196,
199, 202, 204

Гарриман А. 33, 35, 38, 43, 48,
86, 95, 96, 99—110

Гафенку Гр. 160

Геббельс Й. 50

Георгиев К. 22, 69, 77, 78, 87,
106, 108, 109, 114—117, 127—
129, 131—134, 147

Георгиу-Деж. Г. 19, 29, 34, 76,
105, 141, 183, 195, 200, 205

Гибианский Л. Я. 187, 190, 191,
192

Гитлер А. 50

Грайнер Б. 92, 196

Граур Н. 105

Гроза П. 19, 35—40, 54, 55, 61,
63, 64, 67, 68, 70—74, 86, 96—
101, 104, 132, 138—140, 142,
151, 160, 171, 194

Громыко А. А. 155

Грэбнер Н. А. 89, 122, 196, 199

Грю Дж. 32

Гусев Ф. Т. 49

Гэддис Дж. Л. 196

Даллес Дж. Ф. 195, 74

Держанский А. 65

Димитров Г. 22, 44, 78, 81, 83,
85, 106, 114, 115, 117, 119,
128, 133, 135, 136, 155, 157,

- 161, 163, 168, 170, 172, 180,
183, 189, 195, 199, 200, 202,
203, 205
- Димитров Г. (Гемето) 24, 44, 158
Джоунс М. 175
Дзелепи Э. 93, 196
Добриянов Т. 187
Дуглас Л. В. 162
Дэвис Дж. 50, 52
- Емануилов Е. М. 187
Енеску И. 188
- Жигня К. Л. 186, 187, 196, 199,
201
- Иден А. 26, 42, 53, 54, 59
Израэлян В. Л. 187
Исусов М. 23, 43, 45, 110, 135,
188, 189, 192—195, 198—200,
203
- Йорданов Г. 46
- Капитонова Н. К. 93, 187, 192,
197
Кеннан Дж. Ф. 50, 51, 91, 92,
110, 152, 161, 172, 176, 196
Кеннон К. В. 126
Керр А. Дж. К. 32, 43, 86, 95,
96, 99
Кингсли М. 79
Кирсанов С. П. 116
Клейтон В. 176
Кокрэн Б. 89, 196
Коларов В. 127, 135, 151, 161
Коннэли Т. 122
Константинеску-Яшь П. 188
Костов Тр. 69
Коэн Б. В. 111
Крейн Дж. А. 16, 51, 67, 68
Крецияну А. 160
Куков К. 188
Кулишев Г. 77, 117
- Ливяну В. 188, 190
Липпман У. 155
Лукаш Дж. 196
Лулчев К. 44, 47, 65, 108, 110,
115, 116, 118, 119, 130
Лупу Н. 98
- Мак Дж. 117, 118
Малиновский Р. Я. 14
Маниу Ю. 18, 21, 31, 33—36,
39—41, 62—64, 73—75, 79,
80, 95, 98, 100, 137, 141, 143,
156, 157, 159, 160, 161, 172
- Маршалл Дж. К. 149, 159, 162,
175, 177—180, 183, 184
Мельбурн Р. 60, 62—64, 137
Мельников Ю. М. 180, 188, 204
Мещеряков В. 205
Михай, король 20, 21, 31, 35, 39—
41, 61—64, 70—72, 83, 84, 86,
103, 143, 144, 162
Михалаке И. 96, 97
Молотов В. М. 26, 33, 42, 51, 73,
80, 177
Мунтян М. А. 163, 187, 192—
195, 197, 199, 201—205
- Наков А. 15, 67, 182, 187, 189,
192, 194, 195, 205
Недева И. 154, 201
Неджел Д. 21, 143
Нейков Д. 72
Николс А. 196
Никулеску-Бузешть Гр. 63, 160
Новиков Н. В. 113
- Оббов А. 72
Оксли В. И. 16, 68, 132
Орлик И. И. 188, 192, 201, 202,
204, 254
- Павлов А. 65
Параскива Н. 189
Пархон К. 100
Пастухов Кр. 43, 65
Пенеску Н. 75
Петков Н. 24, 44, 45—47, 54, 62,
65, 67, 72, 77, 78, 84, 106,
108—110, 114—116, 118, 119,
130, 135, 149, 160, 161, 163,
192
Петреску Т. 40, 61—63, 137, 139,
140
Петрик А. 197
Пилат К. 140
Пинтев Ст. 187, 189, 190, 193
Поклад Б. 205
Пэтрашкану Л. 19
- Раймон Д. 80
Ревинкель М. 31
Робертсон В. И. 120, 132, 133
Ромничану М. 97, 100, 103, 137,
143
Руджетель Ле 17, 21, 96
Рузвельт Ф. 26, 31, 38, 51

Рузвельт Э. 53
Рэдеску Н. 18, 20, 29—31, 34,
35, 160
Рэдулеску С. 64

Садовяну М. 100
Сазина М. Г. 188, 200, 202, 204,
205
Санатеску К. 7, 17—19, 21
Сантис Де Г. 92, 196, 197
Сичел Х. М. 147
Стайнов П. 25, 77, 108, 109, 117
Сталин И. В. 38, 48, 61, 85
Стамболийский Ас. 46
Стамболийский Ал. 23, 42
Стеттиниус Э. 40
Стивснсон Д. Ф. 16, 68
Стойчев В.л. 112, 134
Стоянов П. 65, 118, 119, 130
Сульцбергер С. Л. 94, 197
Сусайков И. З. 64, 68

Танев С. 202
Тодорова Р. 188, 203, 204
Толбухин Ф. И. 14
Трумэн Г. 46, 48, 50—52, 54, 56,
59, 61, 62, 77, 80, 89, 90, 92,
151, 153—155, 158—160, 162,
165, 169, 173, 175, 177, 180,
184, 196, 201
Трухановский В. Г. 93, 187, 192,
197
Трюгве Ли 159, 163
Тэтэреску Гр. 30, 33, 98, 100,
101, 128

Уиллер-Беннет Ч. 90, 196
Уоллес Г. 155

Форрестол Дж. 89
Фэту М. 75, 98, 140, 160, 188,
190, 191, 193, 195, 197, 200,
201, 203

Хациегану Э. 97, 100, 103, 137
Хелл Т. 161
Хит Д. 150, 156
Холмен А. 137, 150, 160, 166
Хорнер Дж. 161

Цуцуй Г. 76, 188, 193—195, 197

Чаушеску Н. 36, 191
Черепанов А. И. 68, 151, 194
Черчилль У. 38, 48—50, 53, 55,
56, 91—93, 192
Чешмеджиев Гр. 65
Чубарьян А. 187, 189

Хаустон-Босуэл В. Е. 17, 68, 69,
150

Шапиро А. И. 176, 204
Шевченко Э. 205
Шенфельд Р. 150
Шилер К. 16, 32, 40, 51, 64, 68,
75, 139
Шмераль Я. Б. 186
Штайнгаус К. 92, 196
Штирбей Б. 35, 63

Этридж М. 80, 81, 83, 84

Югов А. 108

Язькова А. А. 186, 197, 202

SUMMARY

Zhignia K. L. The Imperialist Policy of the USA and Great Britain
Towards Bulgaria and Roumania (1944—1947)

This monograph examines one of the acute problems of international relations after World War II. Foreign policy documents of the USSR, the USA, Great Britain, Bulgaria and other countries are used. The formation problems and evolution of the political course of the USA and Great Britain in 1944—1947 aimed at destruction of the people's democracies in Bulgaria and Roumania, methods and means used by foreign policy bodies of the imperialist powers in order to overthrow the two countries' democratic governments, the tense diplomatic struggle between Western powers and the USSR on the problems of the political future of the two Eastern European states, the place of this problem in the framework of postwar relations between the East and West are analyzed in the book. The monograph demonstrates the decisive role of the USSR in defending independence of Bulgaria and Roumania.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Становление враждебного курса США и Великобритании в отношении Румынии и Болгарии на завершающем этапе второй мировой войны	11
§ 1. Первые контрреволюционные и антисоветские акции Вашингтона и Лондона в Румынии и Болгарии	11
§ 2. Победа народно-демократической власти в Румынии. Поиски средств отстранения от власти правительства НДФ	28
§ 3. Превращение буржуазной оппозиции в Болгарии в инструмент борьбы против Отечественного фронта	41
Глава II. Борьба против демократических правительств Болгарии и Румынии с помощью требования об их «реорганизации»	49
§ 1. Усиление антисоветских тенденций в политике США и Англии в период окончания войны в Европе. Выступление против Румынии и Болгарии на Потсдамской конференции	49
§ 2. Роль империалистических держав в углублении политического кризиса в Болгарии и Румынии летом 1945 г.	58
§ 3. Укрепление позиций демократических сил в Болгарии и Румынии. Итоги Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г.	71
Глава III. Попытки США и Англии использовать решения Московского совещания 1945 г. для реализации своих политических целей в Румынии и Болгарии	89
§ 1. Недовольство Вашингтона и Лондона итогами Московского совещания. Ужесточение политики в отношении СССР	89
§ 2. Восстановление дипломатических отношений между западными державами и Румынией. Поиски новых средств борьбы против народной демократии в Румынии	94
§ 3. Искажение внешнеполитическими органами империалистических держав сущности московского соглашения по вопросу о болгарском правительстве	105
Глава IV. Окончательный провал политики США и Великобритании периода перемирия с Болгарией и Румынией	121
§ 1. Враждебные действия Вашингтона и Лондона в ходе разработки мирных договоров	121
§ 2. Поражение США и Англии в борьбе за фундаменталь-	

ную реорганизацию болгарского правительства. Итоги выборов в Великое Народное собрание 1946 г.	129
§ 3. Победа демократических сил Румынии на выборах в Национальное собрание осенью 1946 г.	133
Глава V. Начало «холодной войны» против СССР и народно-демократических государств Восточной Европы. Переориентация политики в отношении Болгарии и Румынии	145
§ 1. Завершение мирного урегулирования с Болгарией и Румынией	145
§ 2. «Доктрина Трумэна» и новые политические средства борьбы против двух народно-демократических стран . . .	153
§ 3. Начало экономического наступления империалистических держав против Болгарии и Румынии	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
ПРИМЕЧАНИЯ	186
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	206
SUMMARY	203

Монография

Клара Леонидовна Жигня

**ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ОТНОШЕНИИ
БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ
(1944—1947 гг.)**

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР*

Редактор *Т. И. Акимова*
Художник *В. М. Зайченко*
Художественный редактор *И. А. Ростова*
Технический редактор *В. И. Мериакре*
Корректоры *Н. Ю. Кирьякова, А. Ф. Оларь*

ИБ № 3338

Сдано в набор 25.02.87. Подписано в печать 08.05.87. АБ 07327.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура.
Печать высокая. Усл. печ. л. 11,13. Усл. кр.-отт. 11,26. Уч.-изд. л. 13,08.
Тираж 800. Заказ 384. Цена 2 руб.

Издательство «Штиинца». 277028, Кишинев, ул. Академника
Я. С. Гросула, 3.

Типография издательства «Штиинца». 277004,
Кишинев, ул. Берзарина, 8

2 руб.

Кишинев „Штиинца“ 1987